

Джеймс Добсон

Непослушный ребенок

Практическое руководство для родителей

Эту книгу я с нежностью посвящаю своей матери, которую Бог благословил удивительной способностью к пониманию детей. Она интуитивно поняла значение дисциплины и внушила мне многие из тех принципов, которые изложены на последующих страницах. И вдобавок она проделала колоссальную работу по выращиванию меня - такого огромного. И все же меня постоянно мучит вопрос: почему моя отважная мать превратилась в такую попустительницу, как только мы сделали ее бабушкой?

Введение

Глава 1. Неукротимая воля.

Глава 2. Укрощение строптивого.

Глава 3. Осторожно: душа!

Глава 4. Распространенные ошибки.

Глава 5. Соперничество

Глава 6/ Проблема гиперактивности, или все вверх дном

Глава 7. Школа для родителей.

Глава 8. Подросток с норовом

Глава 9. Вечный источник

Заключительный комментарий

Введение

В лос-анжелесский автобус вошла женщина с семьей довольно буйными ребятишками и расположилась по соседству со мной. Ее прическа была в беспорядке, изможденный вид говорил о крайнем утомлении. Поскольку она замешкалась возле меня со своей мельтешащей оравой, я спросил: "Все эти дети ваши, или это что-то вроде пикника?"

Она взглянула на меня запавшими глазами: "Нет, это все мои, и поверьте, это вовсе не пикник!"

Я улыбнулся про себя, вполне понимая, что она имела в виду. У малышей чудовищная способность выматывать нервы нам, взрослым. Они шумят,

переворачивают все вверх дном, спорят и колотят друг друга, у них течет из носа, они царапают мебель, в одном их пухленьком пальчике больше энергии, чем у мамочки в целом измученном теле.

Спору нет, этот маленький народец обходится очень недешево. Чтобы как следует вырастить их, нужно вложить все самое дорогое, что у нас есть: время, силы, деньги. Однако тем, кому не случалось изведать "родительских радостей", дело представляется до смешного легким. Они напоминают человека, впервые увидевшего, как играют в гольф: "Ба! до чего же просто! - изумляется он. - Лупи себе по мячику в сторону вон того флага, и вся премудрость". Он уверенно ступает к метке, замахивается битой, и, глядишь, ему и удастся провести этот самый мячик метра на три влево. Так же и с детьми. Хочется сразу предостеречь тех, кто еще не надел родительского хомута: эта игра труднее, чем кажется.

Итак, быть родителем дорого и трудно. Предлагаю ли я молодым супругам оставаться бездетными? Конечно же, нет! Если вы любите детей и хотите почувствовать трепет продолжения рода, то бояться родительских тягот нечего. Я сам отец, и скажу, что не было более волнующего момента в моей жизни, чем тот, когда я заглянул в глаза моей новорожденной дочери, а пять лет спустя - в глаза сына. Что может быть восхитительнее, чем наблюдать, как эти маленькие существа цветут и растут, начинают понимать и любить? О да, мы дорого платим за детей. Но они того стоят. Да и вообще, ничто действительно ценное не достается дешево.

К тому же множество родительских проблем возникает оттого, что нет продуманной модели или "плана игры", которым можно было бы пользоваться в непредвиденных обстоятельствах. И даже когда возникают обычные, легко предсказуемые проблемы, мы решаем их кое-как, методом проб и ошибок. Иные родители напоминают мне одного приятеля, с которым случилась такая история. Однажды он летел на своем одномоторном самолете к маленькому сельскому аэродрому. Уже вечерело, и когда он почти долетел до места, солнце скрылось за горами. Ему надо было заходить на посадку, но поле внизу застилал вечерний туман. На самолете не было сигнальных огней, да и в аэропорту уже никто не дежурил. Он описывал круги над полем, делая попытки приземлиться, но тьма уже стала непроглядной. Так он кружил во мраке ночи целых два часа, сознавая, что ждет его верная смерть, как только кончится горючее. И когда им уже овладело отчаяние, случилось чудо. Кто-то на земле услышал непрерывный гул его мотора и понял, в какой переплет он попал. Этот милосердный человек гонял свою машину взад-вперед по взлетной полосе, указывая другу, куда приземляться, а потом подсвечивал фарами место приземления.

Каждый раз, когда мне случается лететь на нормальном большом самолете и совершать посадку ночью, я вспоминаю эту историю. Смотришь в иллюминатор, а справа и слева от посадочной полосы горят зеленые огоньки, и штурману отлично видно, куда направлять машину. Пока он между этими горящими полосками - все в порядке. В освещенной зоне безопасно, справа и слева - всевозможные бедствия.

Не это ли нужно нам, родителям? Должны быть четкие ориентиры, указывающие, куда вести семейный корабль. Это значит, что нам необходимы руководящие

ПРИНЦИПЫ, которые помогали бы нам растить наших детей здоровыми и спокойными. Вы уже поняли, должно быть, что моя цель в этой книге состоит в том, чтобы помочь уразуметь некоторые самые простые и основные вещи, без которых трудно быть полноценным родителем. В частности, речь пойдет о воспитании непослушных детей. В большинстве семей найдется хотя бы один такой ребенок, который, похоже, уже родится с отчетливым представлением, чего он хочет от жизни, и с решительной нетерпимостью ко всякому, кто ему перечит. Уже в младенчестве он просто выходит из себя, стоит только опоздать его покормить. Он требует, чтобы его носили на руках все время, когда он не спит. Потом, едва научившись ходить, он объявляет войну всем на свете авторитетам - как домашним, так и посторонним. Самые восхитительные занятия для него - рисовать на стенах и купать котят в унитазе. Его родители зачастую живут с ощущением вины и подавленности, недоумевая, где они допустили ошибку и почему их семейная жизнь так не похожа на то, о чем мечталось.

Мы постараемся исследовать этого ребенка, "который гуляет сам по себе", посмотрим, как он развивается от грудного младенца и делающего первые шаги карапуза до первых лет в школе и - держитесь! - до его юности! Речь пойдет и о соперничестве с братьями и сестрами, и о его неугомонности, и о природе его самооценки.

Я лично твердо убежден, что строптивый ребенок, как правило, может обнаружить куда больший творческий потенциал и сильный характер, чем его послушные братья и сестры, - разумеется, если родителям удастся направлять его порывы и обуздывать его буйные желания. Именно этому и посвящена моя работа.

Короче говоря, я написал эту книгу как ПРАКТИЧЕСКОЕ руководство для тех родителей, которые, может быть, без всякого плана и без всякой попытки заглянуть вперед мечутся перед лицом возникающих трудностей. И если мой труд увенчается успехом, то у кружащих во мраке пилотов появится освещенная посадочная полоса.

Д-р Джеймс Добсон

Глава 1. Неукротимая воля

Семейство Добсонов состоит из папы и мамы, девочки и мальчика, хомяка, попугайчика, одинокой золотой рыбки и двух безнадежных котиков-невротиков. Живем мы более или менее дружно, ссор и споров почти не бывает. Но есть у нас и еще один член семьи, не столь склонный к совместной жизни и родственным чувствам. Это Зигмунд Фрейд (проще - Зигги), такса двенадцати фунтов весу, абсолютно неуправляемая. Пес искренне считает, что весь дом и окрестности принадлежат ему. Мне говорили, что таксы вообще склонны к независимости, но Зигги - ярый бунтовщик.

Нет, Фрейд - малый не злой, не подлый, он просто хочет все делать по-своему, и потому последние двенадцать лет мы с ним только и делаем, что боремся за власть.

Зигги не только упрям: он решительно не желает тянуть лямку семейных обязанностей. Если утро прохладное, он ни за что не притащит газету. Дети, положим, хотят, чтобы он "поохотился за мячиком", - он и ухом не поведет. Сусликов из сада не гоняет, да и вообще не знает никаких "штук", которые делает любая приличная собака. Увы, Зигги отказался от всякого самосовершенствования по программам, которые я придумывал для него. Ему бы только всю жизнь носиться, да задирать лапу, да дрыхнуть, да нюхать розочки.

К тому же Зигмунд даже и в сторожа не годится. Мы об этом всегда догадывались, но однажды Зигги доказал это, когда часа в три ночи к нам на двор забрался какой-то бродяга. Я спал очень крепко, но вдруг проснулся, вскочил с постели и, яе зажигая света, на ощупь пошел по дому. Я почувствовал, что во дворе есть кто-то чужой. Зигги, трус этакий, тоже знал это, потому что он полз на брюхе у меня за спиной. Несколько минут я прислушивался к тому, как колотится у меня сердце, потом протянул руку к дверной ручке черного хода. В этот самый момент ворота на заднем дворе тихо открылись и снова закрылись. Кто-то там стоял буквально в метре от меня, и к тому же этот кто-то явно ковырялся в моем гараже. Мы немного потолковали с Зигги в темноте и решили, что ему бы надо разобраться, что там за возня. Я распахнул дверь черного хода и скомандовал моему псу: "Взять!" Но...

Его била такая дрожь, что я просто не решился выпихнуть его за порог. Воспользовавшись нашим замешательством, злоумышленник исчез, чем пес остался весьма доволен (и я тоже).

Не поймите меня, пожалуйста, превратно. Зигмунд действительно член нашей семьи, и очень даже любимый. Несмотря на его анархические замашки, я все-таки обучил его двум-трем простейшим командам. Но прежде чем он крайне неохотно подчинился моей власти, мне пришлось выдержать несколько форменных баталий. Самое серьезное столкновение произошло у нас несколько лет назад, когда мне пришлось на три дня уехать в Майами на конференцию, вернувшись, я сразу понял, кто тут теперь босс: конечно, и. Но только поздно вечером до меня дошло, насколько глубоко пес уверовал, что он здесь главный. В одиннадцать часов я сказал Зигги, что пора идти спать, а спит он в специально отведенном месте в общей комнате. Шесть лет кряду я каждый вечер командовал Зигги "В постель!", и шесть лет Зигги слушался команды. Но ту он и ухом не повел. Оно и понятно: он весьма комфортабельно расселся в ванной на меховой крышке унитаза, а это его любимейшее место в доме, потому что можно понежиться в тепле от электронагревателя, который стоит тут же рядом. Один раз Зигги пришлось на собственном горьком опыте постичь, насколько важно, чтобы крышка была опущена, когда он прыгает на свое любимое место. Никогда не забуду тот вечер, когда он усвоил этот урок. Пес с грохотом ворвался с холода в ванную, взвился в воздух - и чуть не утонул," пока я успел его вытащить.

Так вот. Когда я сказал Зигмунду, чтобы он слезал с этого насиженного места и топал в постель, пес слегка насторожился и медленно повернул ко мне голову. Он

весьма основательно уперся одной лапой о край меховой крышки, весь сгорбился, задрал губу, так что с обеих сторон сверкнули белые клыки, и издал свой самый устрашающий рык. То есть он совершенно ясно говорил: "Пошел вон!"

Мне уже случалось видеть такое хамское настроение у моей собаки, и я знал, что есть только одна возможность сладить с ним. Единственный способ заставить Зигги слушаться - это пригрозить ему поркой. Больше ничем его не проймешь. Я повернулся и пошел в чулан за ремешком, который один в состоянии образумить мистера Фрейда. Моя жена, которая наблюдала за развитием драмы со стороны, говорит, что когда я вышел, Зигги скатился со своего ложа и высунул нос из ванной, чтобы понять, куда я пошел. Потом он спрятался позади моей жены и стал рычать.

Вернувшись с ремешком в руках, я еще раз сказал своему сердитому псу, чтобы тот шел спать подобру-поздорову. Пес стоял на своем, и тогда я дал ему крепкого леща по задней части. Пес попытался цапнуть ремень. Я вытянул его еще разок, и тогда он попробовал цапнуть меня. Дальше пошло уже что-то неопишное. Между этой маленькой псиной и мной разыгралась такая ожесточенная схватка, какой никогда еще не бывало между зверем и человеком. Мы катались по всей ванной, царапались, скрежетали зубами и рычали, ремень так и свистел над нами. Честно говоря, стыдно вспоминать все подробности. Все же пядь за пядью мы продвигались к гостиной, к его постели. В качестве последнего безнадежного маневра Зигги вспрыгнул на кушетку и, забившись в угол и рыча, встал в стойку... Итак, я все-таки загнал его в постель - но только потому, что в нем было всего двенадцать фунтов весу, а во мне целых двести!

Я ожидал, что на следующий день, отходя ко сну, Зигги устроит те же бурю и натиск. Но, к моему удивлению, он воспринял мою команду без всякого протеста и недовольства и в совершенном смирении затрусил на свое место в гостиной. Все это случилось уже больше четырех лет назад, и с тех пор Зигги ни разу больше не пытался лезть на рожон. Теперь мне понятно, что всем этим Зигмунд хотел сказать мне примерно следующее (перевод с собачьего): "Что-то не верится, что ты можешь заставить меня подчиняться". Вы скажите, что я слишком очеловечиваю поведение пса. Не думаю. Любой ветеринар подтвердит вам, что некоторые породы собак, и особенно таксы и овчарки, никогда не признают своих хозяев хозяевами, пока человек не прошел боевого крещения и не показал, на что он способен.

Эта книга, впрочем, не о дрессировке собак. Однако мораль рассказанной истории в высшей степени приложима к миру детей. Как пес рано или поздно непременно бросает вызов власти своего хозяина, точно так же склонен к этому и ребенок - но только гораздо сильнее. И это весьма немаловажное наблюдение, ибо тут мы сталкиваемся с такой чертой человеческого существа, которую крайне редко признают "эксперты", пишущие книги по вопросам воспитания. Надо еще поискать такие книги для родителей и учителей, которые признавали бы борьбу, то есть то изматывающее противоборство воли, которое большинству учителей и родителей известно по ежедневному опыту. Младшее поколение редко принимает власть старших беспрекословно: падшие должны "испытать" ее и убедиться, что тот, кто требует подчинения, достоин этого.

Иерархия силы и храбрости

Вы спросите, почему же дети так воинственны? Всякий знает, что они большие любители справедливости, закона, порядка и твердых границ. Автор библейского Послания к Евреям утверждает даже, что сын, которого не наказывает отец, чувствует себя, словно незаконный сын, а не член семьи. Но почему же родители не в состоянии разрешить все конфликты с помощью тихих бесед, разъяснений и поглаживания по головке? Ответ - в детской системе ценностей, где весьма почитается сила и решительность - разумеется, в сочетании с любовью. Вот чем объясняется популярность мифических Супермена, Чудо-Капитана и Чудесной Женщины в детском фольклоре, вот почему у детей нередко можно подслушать такую фразу: "Мой отец запросто поколотит твоего!" ("Подумаешь, - услышал я однажды в ответ, - моя мать тоже его колотит!")

Да, детей всегда волнует, "кто всех сильнее?" Когда ребенок меняет место жительства или школу, ему обычно приходится воевать - будь то словами или кулаками - за место в иерархии силы. Кто способен понимать детей, тот знает, что в каждой группе есть свой заводила и свой вечно плетущийся в хвосте стаи неудачник. И каждый ребенок в этой группе точно знает свое место между двумя этими крайностями.

Недавно мы с женой имели возможность наблюдать такую социальную иерархию в действии. Мы пригласили к нам четырнадцать девочек - одноклассниц нашей дочери - на вечеринку с ночевкой. Это был широкий жест, конечно, но от души скажу, больше мы его не повторим. Боже упаси от второй такой кошмарной, бессонной ночи: сплошной хохот, гогот, топот и визг. Но впрочем, с социальной точки зрения (пока на нее хватало сил) вечерок был интересный. Девочки начали приезжать в пятницу в пять вечера, а в одиннадцать поутру, в субботу, родители приехали забрать их. Большинство девочек я видел впервые, но за эти семнадцать часов я сумел в точности определить положение каждой из них в иерархии уважения и силы. У них была одна "королева", вроде матки у пчел, и она командовала всей компанией. Стоило ей предложить что-нибудь, как все бросались это делать, а на ре шуточки отзывались хохотом и одобрительным ревом. Затем следовало несколько более низких степеней: принцессы номер два, номер три и т. д. Наконец, в самом хвосте была невзрачная, измученная девчушка, которой вся прочая стая явно чуждалась и тяготилась. Я думаю, что ее шутки были не глупее, чем у "королевы", но никто не смеялся, как она ни паясничала. Что бы она ни предложила - поиграть или еще что-нибудь поделать, - дети только плечами пожимали, дескать, какая чушь, какая глупость. Я ощутил, что от души сочувствую этой заклеванной девочке, - так несправедливо с ней обходились. Увы, такой униженный и оскорбленный есть в любой компании, где больше двух детей, независимо от пола.

Именно уважение к силе и храбрости причиной тому, что дети хотят узнать, насколько крепок их лидер. При случае они обязательно пренебрегут родительскими наставлениями, чтобы испытать решительность старших. Будь вы папа или дедушка, командир бойскаутов или водитель автобуса, гид или учитель, даю вам гарантию, что рано или поздно один из ваших подопечных, стиснув зубы и сжав кулачки, бросит вызов вашему авторитету. Как мой Зигги, которого

загоняют спать, он выразит это своим неповиновением, как бы говоря: "Посмотрим, так ли ты силен, чтобы заставить меня слушаться".

В эту дерзкую игру - назовем ее "поединок с шефом" даже самые маленькие детишки умеют играть с поразительным искусством. Не далее как вчера один папаша рассказывал мне, как он взял свою трехлетнюю дочку на баскетбольный матч. Ребенка, понятное дело, интересовала в зале каждая мелочь, кроме, конечно, самой игры. Отец разрешил девочке гулять, где ей хочется, и лазить по сидениям, но при этом показал ей точную границу, за которую ей уже нельзя было забредать. Он взял ее за руку, подвел к белой линии на полу в зале и сказал: "Смотри, Джанни, ты можешь играть тут, где хочешь, только не переступай, пожалуйста, эту линию". Папаша не успел еще дойти до своего места, как малышка уже двинулась по направлению к запретной зоне. Она на мгновение задержалась у черты и, послав отцу через плечо очаровательную улыбку, стала одной ножкой на линию, как бы говоря: "Ну и что же ты будешь делать?" И, в сущности, нет на свете родителей, которым рано или поздно не задавали бы этот вопрос.

Весь человеческий род страдает той же самой склонностью к злостному неповиновению, которую проявило трехлетнее дитя. Ведь ее поступок не слишком сильно отличается от безрассудства Адама и Евы в саду Эдема. Не сказал ли им Бог, что они могут есть в саду все, что захотят, кроме запретного плода? И все же они решились испытать власть Вседержителя и сознательно ослушались Его заповеди. Вполне возможно, что именно эта склонность к своеволию и составляет суть "первородного греха". Вот почему я так настаиваю на правильной реакции на упорное неповиновение еще в детстве, ибо посеявший ветер пожнет бурю.

Родители могут отказаться принять вызов со стороны ребенка, могут как бы не заметить его непослушания. Но тогда что-то изменяется в их отношениях. В ребенке зарождается неуважение к матери или к отцу, чувство того, что родители не достойны его доверия и преданности. И что еще важнее, он недоумевает, почему это ему позволяют делать такие опасные вещи, если его действительно любят. И тут вскрывается такой важный парадокс детского сознания: дети хотят подчиняться своим родителям, но при этом им нужно, чтобы родители заслужили это право командовать ими.

Для меня лично остается невероятным, что эта сторона человеческой природы так слабо осознана в нашем склонном к попустительству обществе. Не могу не повторить своего наблюдения: в самых популярных пособиях для родителей и учителей вы ни слова не найдете о том, что воспитание детей сопряжено с противостоянием и борьбой воли. В книгах и статьях, посвященных воспитанию, речь идет не об упрямстве и неподчинении, а о детской безответственности. А ведь между этими двумя категориями поведения - огромная разница.

Сила воли

В последние годы я наблюдал множество грудных детей и "ползунков". Теперь я абсолютно убежден, что уже к моменту рождения у ребенка есть определенный врожденный темперамент, который будет сказываться в течение всей его жизни.

Пятнадцать лет назад я отрицал это, но теперь говорю с полной убежденностью: новорожденные уже имеют определенную личность прежде всякого влияния со стороны родителей. Любая мать, у которой больше одного ребенка, скажет вам, что у каждого из них с самого рождения совершенно особый характер. Множество специалистов в области детского развития в настоящее время единодушно признают, что эти хитро устроенные маленькие существа, именуемые детьми, рождаются уже отнюдь не "чистыми листами". В весьма ценном исследовании Чесса, Томаса и Бирча насчитывается девять типов поведения, с помощью которых можно классифицировать детей, причем эти различия в поведении имеют тенденцию сохраняться и в дальнейшей жизни. Сюда входят, в частности, уровень активности, отзывчивость, отвлекаемость и чувствительность. Но более всего меня интересует другая характеристика новорожденного (не упомянутая Чессом), относящаяся к тому, что можно было бы назвать "силой воли". Есть дети, которые, кажется, уже рождаются с простым, послушным отношением к внешним авторитетам. Будучи младенцами, они не слишком часто принимают кричать и уже со второй недели могут спать в течение всей ночи. Они агукают с бабушкой и дедушкой, смеются, когда их перепеленывают, и весьма смирно дожидаются запаздывающего кормления. Такие дети, когда подрастут, ни за что, конечно, не будут безобразничать по дороге в церковь. Они обожают убираться в своей комнате и делать домашние задания и вообще могут часами занимать себя. Боюсь, что на самом деле таких детей не слишком уж много. Но все же их удастся наблюдать в некоторых домах (не в моем, конечно!)

И совершенно точно так же, как одни дети бывают от природы послушными, другие, едва выйдя из утробы, сразу же показывают свой норов. Такой малый крайне бесцеремонно является на свет Божий и тут же пронзительным воплем заявляет о своем недовольстве температурой в родильной палате, неопытностью медсестер и тем, как администрация ведет дела в роддоме. Он ждет, что пищу ему подадут ровно в тот момент, когда он прикажет, и каждую минуту требует внимания матери. Проходят месяцы, и он все яснее проявляет свой характер, а когда начинает ходить - ветер превращается в бурю.

Размышляя об этих чертах детских характеров - о покорности и строптивости, я подыскивал иллюстрацию, которая могла бы пояснить столь сильный контраст человеческих темпераментов. Подходящая аналогия подвернулась мне в супермаркете. Представьте, что вы находитесь в бакалейном отделе и катите перед собой проволочную тележку. Стоит только слегка толкнуть ее, и она легко скользит на целых три метра вперед прежде, чем плавно остановится. А вы безмятежно идете за ней, швыряя в нее мыло, бутылки с кетчупом и булки. Милое дело - ходить так по магазину, и даже если тележка до краев полна, ею можно управлять одним пальцем.

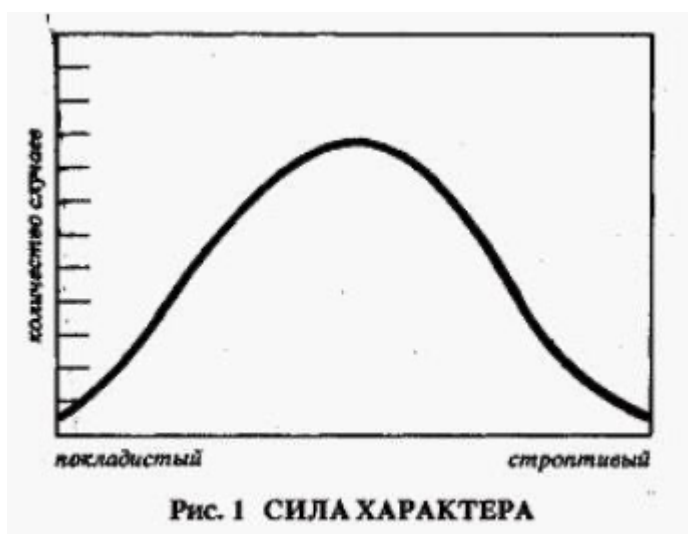
Но не всегда поход в бакалею такое уж блаженство. Иной раз вы хватаете тележку, которая коварно дожидалась вас у входа в супермаркет. Вы по привычке толкаете ее вперед, но эта глупая штука резко дергается влево и с размаху врезает в полки с бутылками. Вам, конечно, обидно, что железяка 1 к слушается, и вы всем телом бросаетесь на рукоятку в надежде, что телега пойдет правильным курсом. Похоже, что она действует своим умом, когда сперва устремляется на коробки с яйцами, а затем, круто развернувшись и едва не сбив с ног какую-то

бабусю в зеленых теннисных туфлях, въезжает в пакеты с молоком. И простейшее дело - купить те же самые вещи, которые вчера вы покупали с таким удовольствием, - сегодня превращается в бой с чудовищем. И когда, наконец, вам удастся пригнать взбалмошную тележку к кассе, вы чувствуете, что уже совершенно выдохлись.

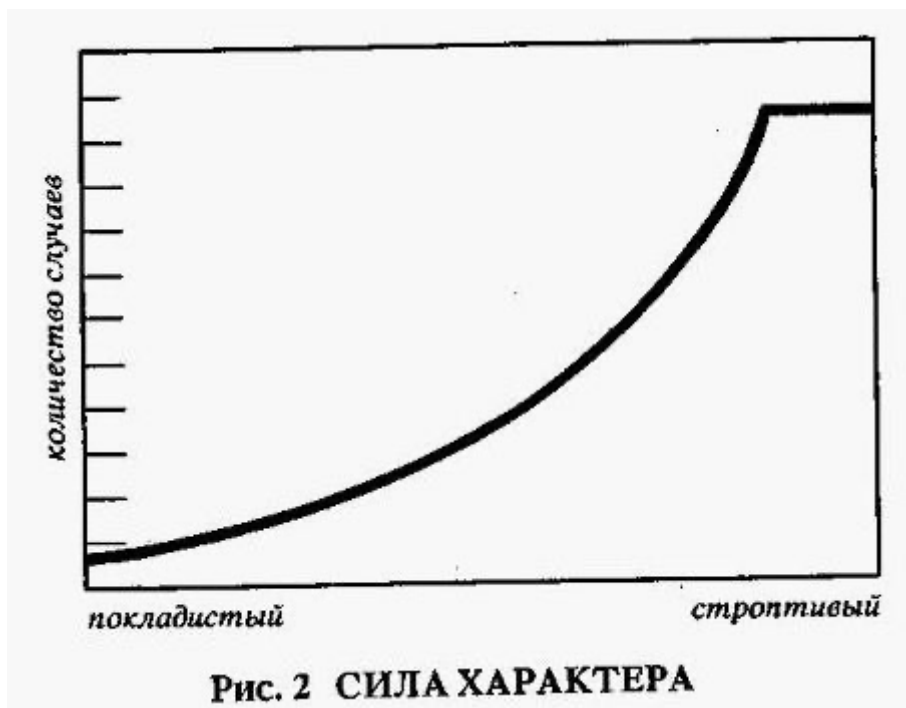
В чем же разница между двумя этими тележками? Да в том, конечно, что у одной колеса исправны и смазаны, и она катится, куда вам надо, а у другой - погнутые и вывихнутые, и она напрочь отказывается повиноваться.

Догадываетесь, как все это связано с детьми? Надо смотреть правде в глаза: у иных малышей, действительно, "вывихнуты колеса". Они не желают идти туда, куда их ведут, ибо их наклонности влекут их совсем в иную сторону. К тому же мамаша, "толкая" такую "тележку", должна тратить всемеро больше усилий, чем родительница, у которой чадо "с исправными и смазанными колесами". (Думаю, что только мать строптивого ребенка способна вполне оценить мою иллюстрацию.)

Однако, что можно сказать о "типичном" или "среднем" ребенке? Поначалу мне казалось, что, вероятно, западные дети в отношении силы воли распределяются по "нормальной" или "колоколообразной" кривой. Иными словами, в предпологал, что существует довольно малое число вполне послушных детей и столь же малое - вполне непослушных, а большинство детей - где-то посередине между крайностями (см. рис. 1).

Однако после опроса по крайней мере 25 тысяч родителей я пришел к убеждению, что мое предположение было ошибочным. Истинное распределение представлено, вероятно, на рис. 2.

Приведенные обобщения не надо понимать буквально. Вероятно, только кажется, что дети, когда начинают ходить, стремятся завоевать весь мир. Кроме того, существует еще один феномен, который я не в состоянии объяснить. Дело в том, что когда в семье двое детей, то, как правило, один будет послушным, а другой - строптивым. Покладистый ребенок часто обладает природным обаянием. Он способен улыбаться по крайней мере шестнадцать часов в сутки и постоянно стремится угадать, что хочется его родителям и что могло бы доставить им удовольствие. Его личность в высшей степени связана с этой жаждой снискать их любовь и признание.

Второй ребенок стремится занять в жизни иную ключевую позицию. Он пробуксовывает всеми колесами и пытается завладеть в семействе коробкой передач. Разве вы не замечали, что именно эти различия темпераментов ложатся в основу весьма серьезных обид и соперничества между братьями и сестрами? Маленький упрямец постоянно нарывается на наказания, то и дело слышит угрозы и поучения, тогда как его братишка - то ли ангел, то ли маленький ханжа - до блеска начищает свой нимб и как губка впитывает "себя тепло родительского одобрения. Их натравливает друг на друга сама природа их столь разных личностей, и взаимная грызня может продолжаться у них всю жизнь. (Ниже, в главе 4, содержатся некоторые советы, касающиеся проблемы конфликтов и соперничества братьев и сестер.) Вот еще несколько замечаний - вероятно, они будут бесполезны для родителей. Прежде всего, не бойтесь облекать в слова чувства вины и озабоченности, столь характерные для совестливых мам и пап. Никто не предупреждал их, что быть родителями так трудно, и они винят себя за растущую напряженность. Они воображали, что будут такими любящими и образцовыми родителями, им рисовалось, как, сидя у камина, они читают своим ангелочкам в пижамах волшебные сказки... Увы, разница между жизнью, как она есть, и жизнью, какой она должна была бы быть, служит постоянным источником разочарований.

К тому же я заметил, что родители послушных детей, как правило, не понимают своих друзей, у которых дети непослушные. Они только усиливают в своих друзьях чувство вины и озабоченности, когда внушают им: дескать, если бы ты воспитывал своих ребят, как я, у тебя не было бы таких кошмарных проблем. Позволю себе сказать и тем, и другим, что управлять строптивым ребенком вообще очень трудно, даже если родители берутся за это с большим искусством и самоотверженностью. В некоторых случаях требуется несколько лет, чтобы довести ребенка до уровня относительного послушания и участия в семейных делах, и пока эта часть воспитательного процесса не закончилась, очень важно держать себя в руках и не паниковать. Не пытайтесь добиться в ребенке мгновенных перемен. Продолжайте относиться к нему с любовью и уважением, но требуйте подчинения вашему руководству. Относитесь с большим разбором к тому, что достойно, а что не достойно препирательства; по достойному поводу принимайте вызов и решительно добивайтесь победы. Не забудьте каждый добрый и не эгоистический поступок ребенка вознаградить вниманием, нежностью и похвалой. Когда день кончится, советую вам выпить пару таблеток аспирина, а утром позвонить мне и рассказать, что там у вас было накануне.

Но самый настоятельный совет, который мне хотелось бы дать родителям непослушных и независимых чад, касается необходимости начать укрощение их воли уже в самые ранние годы. Я всерьез полагаю - хотя и затрудняюсь это доказать, - что непослушный ребенок входит в категорию "повышенного риска" в смысле возможного антисоциального поведения в будущем. Весьма и весьма вероятно, что он проявит недоверие к своим учителям и к внушаемым ему ценностям - просто покажет кулак тому, кто должен будет им командовать. Мне кажется, что для него более вероятны сексуальная неразборчивость, злоупотребление наркотиками и трудности в учебе. Разумеется, то, что я говорю, - не неизбежность, не приговор: сложность человеческой личности исключает абсолютно точное предсказание поведения. К тому же я должен подчеркнуть, что в целом картина не представляется негативной. Может оказаться, что у непослушного ребенка более сильный характер и больший потенциал для продуктивной жизни, чем у его антипода. И все же для реализации этих потенций необходимо, чтобы ребенок с детства был окружен дома атмосферой, в которой любовь сочетается с твердостью. Иными словами, я повторяю свой совет: начинайте укрощать строптивого, едва он начнет ходить. Заметьте, что я не говорю "ломайте" его волю, не говорю "сокрушайте", "подавляйте". Однако о том, как именно поступать, речь пойдет в следующих главах.

Вопросы

Вопрос: Боюсь, что я так и не понимаю, в чем разница между злостным непослушанием и детской безответственностью. Нельзя ли объяснить это поточнее?

Ответ: Злостное непослушание, как следует из самого названия, является преднамеренным актом неповиновения.

Оно проявляется только тогда, когда ребенок знает, чего хотят от него родители, и при этом самым дерзким образом предпочитает сделать нечто противоположное. Короче говоря, это отказ признать родительскую власть, что проявляется, скажем,

в ситуации, когда ребенка зовут, а он нарочно убегает, когда он обзывает родителей, откровенно отказывается повиноваться и так далее. Напротив, детская безответственность происходит от забывчивости, вследствие случайности, по ошибке, от недостаточной способности к сосредоточению, от недостаточной стойкости перед лицом разочарования, от незрелости и так далее. В первом случае ребенок знает, что не прав, и хочет посмотреть, что будут делать родители; во втором - его просто заносит, причем последствия его поступков отнюдь не таковы, каких он хотел. Было бы неправильно, по-моему, для повышения ответственности прибегать к телесным наказаниям (кроме, разумеется, тех случаев, когда ребенок упорно отказывается принять ее).

И наконец, выбор подходящей воспитательной меры должен целиком определяться тем, каково было намерение. Положим, мой трехлетний сын стоит в дверях, а я говорю ему: "Райан, дорогой, прикрой, пожалуйста, дверь". Однако мальчик в силу своей, так сказать, лингвистической незрелости не понимает моей просьбы и, наоборот, еще больше открывает дверь. Должен ли я наказывать его за непослушание? Ясно, что нет, хотя он сделал нечто совершенно противоположное тому, о чем его просили. Вполне возможно, что он никогда и не догадался бы, что не выполнил просьбы. В данном случае моя терпимость продиктована его намерением - ведь он честно стремился подчиниться мне. Однако если, скажем, я прошу Райана собрать свои игрушки, а он в ответ топает ногой и вопит: "НЕ-ЕТ!", а потом швыряет в мою сторону игрушечным грузовиком, - вот тут я уже просто обязан принять вызов. Короче говоря, я не склонен наказывать ребенка, если не уверен, что он знает, что заслужил наказание. Ведь Творец наш предупреждает нас о последствиях бурта, говоря: "Человек, который, будучи обличаем, ожесточает выю свою, внезапно сокрушится, и не будет ему исцеления" (Притчи 29:1). Итак, нам следует учить детей подчиняться нашему любящему руководству, чтобы приготовить их к покорности Богу.

Вопрос: Можно ли оставить безнаказанным, если ребенок, разозлившись, скажет: "Ненавижу тебя!"?

Ответ: Думаю, что нет. Иные авторы скажут вам, что абсолютно все дети в той или иной форме ненавидят своих родителей и поэтому им надо давать возможность проявить эту их враждебность. Я думаю, что выражению негативных чувств можно способствовать и без особенных вспышек гнева и отчаянных поступков. Если мой ребенок впервые в жизни завопил о своей ненависти ко мне, да еще и побагровев от злости, мне, пожалуй, будет лучше подождать, пока его страсти поостынут, и тогда по возможности искренне и с любовью сказать примерно следующее: "Чарли, я знаю, ты очень расстроился сегодня, когда мы повздорили. Давай поговорим о том, что ты тогда чувствовал. Все дети время от времени злятся на родителей, особенно когда чувствуют какую-то несправедливость. Я понимаю, как тебе горько. Мне самому жаль, что мы так погорячились. Но это не значит, что ты можешь говорить: "Ненавижу тебя!" Ты должен понять, что как бы я ни расстраивался из-за того, что ты иной раз делаешь, я никогда не скажу, что я ненавижу тебя. И тебе я никак не могу позволить говорить мне такие слова. Если люди любят друг друга, как мы с тобой, то они избегают делать друг другу больно. Мне больно, когда ты говоришь, что ненавидишь меня. Точно так же и тебе будет больно, если я скажу тебе что-нибудь подобное. Скажи лучше, что тебя так разозлило, - я тебя внимательно

выслушаю. Если я виноват, я сделаю все, что в моих силах, чтобы как-то изменить то, что тебе не нравится. Мне хочется, чтобы ты понял: ты свободен и можешь говорить мне все, что у тебя на душе. Но ты не должен ни орать, ни обзывать, ни закатывать истерики. Если ты будешь вести себя, как маленький, мне придется наказывать тебя, как маленького. Ну, ты не хочешь сказать мне что-нибудь? Нет? Тогда обними меня. Я ведь так тебя люблю!"

В чем состояла моя цель? В том, чтобы дать улечься негативным переживаниям, не вызывая бунта, оскорблений или шантажа.

Вопрос: Так что же, вы зайдете так далеко, что станете оправдываться перед ребенком, если почувствуете, что были неправы?

Ответ: Конечно, стану. И всегда так делал. Как-то раз под конец дня я был особенно ворчлив и вспыльчив со своей десятилетней дочерью. Я знал, что это несправедливо, но слишком устал, чтобы держать себя в руках. Я обругал Даная за такие вещи, в которых не было ее вины, и вообще без надобности несколько раз обижал ее. В постели я почувствовал угрызения совести и решил наутро извиниться. Когда дочь уже отправлялась в школу, я подошел к ней и сказал: "Даная, детка, ты ведь знаешь, что отцы - не самые совершенные существа на свете. Мы, как и все люди, бываем усталыми и раздражительными и иногда ведем себя не самым похвальным образом. Я был несправедлив с тобой вчера - я знаю это. Пожалуйста, прости меня!"

И тут Даная совершенно ошарашила меня. Она обняла меня и сказала: "Я знала, что ты извинишься, папуля. Все в порядке. Я тебя прощаю."

Без сомнения, детям зачастую лучше известно, что такое борьба поколений, чем их занятым, озабоченным родителям.

Глава 2. Укрощение строптивого.

Не так давно в Канзас-Сити ко мне подошла молодая женщина, чтобы поблагодарить за книги и кассеты. Она рассказала, что несколько месяцев назад ее трехлетняя дочь вдруг перестала слушаться и буквально терроризировала своих родителей. Они понимали, что девочка вертит ими, как хочет, но ничего не могли поделать. Увидев как-то в книжном магазине мою первую книгу "Не бойтесь наказывать", они вычитали в ней, что при определенных обстоятельствах ребенка позволительно отшлепать. Для расстроенной четы мои рекомендации оказались полезными, и они, не откладывая дела в долгий ящик, отшлепали свою непослушную дочь при первом же случае, когда она дала к тому повод. Однако у девочки хватило сообразительности вычислить, где родители набрались новых идей. Проснувшись на следующее утро, моя собеседница обнаружила, что "Не бойтесь наказывать" мокнет в унитазе. Думаю, это был самый сильный критический комментарий, когда-либо полученный мною!

Случай с этой малышкой не был единичным. Мне известно по крайней мере, что еще один ребенок сумел разыскать мою книгу среди целой полки других и бросил ее в камин. Д-р Бенджамин Спок любим миллионами детей, возвращенных по его

советам, а меня явным образом ненавидит целое поколение ребят, которые, пожалуй, не прочь бы повстречать меня на узенькой дорожке в безлунную ночь.

Дети, очевидно, имеют понятие о том, что между ними и родителями идет борьба, и именно поэтому столь важна реакция родителей. Когда ребенок ведет себя неуважительно или оскорбительно, чаще всего он имеет тайную цель убедиться в нерушимости границ. У этой проверки по существу те же самые цели, что у полицейского, когда он дергает дверные ручки во всякого рода конторах поздним вечером. По видимости он пытается открыть двери, на самом же деле надеется, что они крепко заперты. Точно так же и ребенок, когда он посягает на авторитет своих любящих родителей, на самом деле обретает уверенность, убедившись в твердости и надежности их власти. Именно в упорядоченной обстановке, где права другого человека (в том числе и самого ребенка) защищены определенными границами, он чувствует себя в наибольшей безопасности.

Итак, наша цель обуздать волю в самые ранние годы детства. Да, но как этого добиться? Мне случалось говорить с сотнями родителей, которые понимали всю силу этого принципа, но не имели ни малейшего представления о том, как воплотить его в жизнь. Поэтому следующая часть главы посвящена специфическим советам и рекомендациям. Я начну с шести основных тезисов, в которых по существу дан пересказ моих предшествующих работ. Затем я приведу практические примеры в главах, касающихся каждой возрастной категории.

Первое: Сначала установите границы - затем требуйте их соблюдения

Наиболее важный шаг в любой воспитательной процедуре - это уже заранее трезво определить, что вы хотите и чего не хотите. Ребенок должен знать, что приемлемо и что неприемлемо в его поведении, до того, как его призовут к ответственности. Эта предварительная договоренность исключает то ошеломляющее чувство несправедливости, которое испытывает малыш, когда его наказывают за нечаянные проступки или оплошности. Если вы не установили правила - не требуйте их исполнения.

Второе: На вызывающее поведение отвечайте уверенно и решительно

Если ребенок понимает, чего от него хотят, он должен отвечать за свои поступки соответственно этому пониманию. Легко сказать, конечно. Однако мы уже видели, что большинство детей пойдет на приступ авторитета старших и попытается на деле удостовериться в их праве приказывать. В самый момент бунта ребенок вполне отдает себе отчет в том, чего хотят родители, и тем не менее он упрямо выбирает неповиновение. Как полководец перед битвой, он вычисляет возможный риск, выстраивает войска и во всеоружии бросается на врага. Когда детям и родителям случается прийти к лобовой конфронтации, крайне важно, чтобы взрослый побеждал уверенно и решительно. Ребенок вполне ясно показал, что ищет схватки, так будьте же мудры, родители, не разочаровывайте его. Для родительской власти нет ничего более сокрушительного, чем несобранность матери или отца во время такой схватки. Когда старший постоянно проигрывает сражения, ударяясь то в слезы, то в крик или выказывая еще какие-нибудь признаки беспомощности, в их "образе" в глазах

детей происходят роковые перемены. Из надежных руководителей они превращаются в бесхребетных медуз, не достойных уважения и преданности.

Третье: Отличайте своеволие от детской безответственности

Ребенка нельзя наказывать за поведение, в котором нет злого непослушания. Имейте в виду, что если он забыл накормить собаку, убрать кровать или вынести мусор, если он оставил под дождем вашу теннисную ракетку или потерял велосипед, то это типичное для детей поведение. Вероятнее всего, здесь действует механизм защиты незрелого сознания от забот и тягот взрослой жизни. Поэтому будьте сдержаны, когда будете учить его уму-разуму. Если у него не получается следовать вашим терпеливым наставлениям, тогда можно прибегнуть к хорошо известным мерам (например, он может заработать деньги, которых стоила потерянная или испорченная вещь; можно запретить ему пользоваться такими вещами и т. д.). Итак, помните: детская безответственность это совсем не то же самое, что злостное непослушание; она требует куда более терпеливого отношения.

Четвертое: Когда конфликт исчерпан - утешьте и объясните

Положим, что битва, в ходе которой отец или мать доказали свое право руководить ребенком, отшумела. После этого дети от двух до семи лет, и даже старше, обычно хотят, чтобы их любили и утешали (в особенности, если дело кончилось слезами). Покрепче обнимите их, обязательно скажите, что любите их. Ребенка надо приласкать и при этом еще раз объяснить, за что он был наказан и как ему в другой раз избежать неприятностей. В процессе такого общения семья делается более дружной. А для христианской семьи крайне важно в такой момент помолиться вместе с ребенком, признавая, что все мы грешны перед БОГОМ и нет на свете ни одного совершенного человека. Чувство, что Бог прощает нас, - это изумительное переживание, и оно может быть даже у совсем маленького ребенка.

Пятое: Не требуйте невозможного

Вы должны быть абсолютно уверены в том, что ваш ребенок действительно в состоянии исполнить то, что вы от него требуете. Никогда не наказывайте его за то, что он нечаянно намочил в постель. Не наказывайте его за плохую учебу, если видите, что у него просто не получается. Требование невозможного - источник неразрешимых конфликтов: для ребенка тут просто нет выхода. Такая ситуация исподволь разрушает его эмоциональный аппарат.

Шестое: Руководствуйтесь любовью

Даже если кое-какие родительские промахи и недочеты неизбежны, в целом те отношения с детьми, где преобладают настоящая любовь и теплота, можно считать здоровыми.

Бить или не бить.

Взяв эти шесть тезисов за основу, снова обратимся теперь к более специфическим способам и техникам укрощения упрямцев. Начнем наши размышления с проблемы порки, которая в последнее время стала предметом самых горячих дискуссий. По этому вопросу было высказано глупостей больше, чем по всем прочим вопросам детского воспитания, вместе взятым. Вот, например, какие взгляды выражает д-р Джон Вэльюсек, тот психолог, с которым мне случалось выступать в теле шоу Фила Донахью:

Порка - это первый вершок аршинной дубины насилия,- сказал Вэльюсек.- Именно из нее рождаются драки, а в конце концов - убийства, изнасилования, терроризм. Принятое дома поведение формирует человека и подталкивает его в пользу насилия, когда он не знает, как еще поступить.

Что тут скажешь доктору Вэльюсеку и его единомышленникам? Разумеется, что они говорят вздор! Ну не смешно ли возлагать вину за одержимость Америки насилием на воспитательные усилия любящих родителей? Это рассуждение звучит особенно глупо перед лицом целого моря крови, которое ежедневно проливается на детей с экрана телевизора. К шестнадцати годам человек в среднем успевает увидеть по телевизору 18.000 убийств, не говоря уже о непрерывной стрельбе, поножовщине, повешеньях, отрубании голов и других членов. Довольно странно поэтому, что нынешние кудесники от психологии ищут причину жестокости где-то в другом месте.

Мнения противников телесных наказаний можно суммировать в виде четырех обычных аргументов, основанных, к сожалению, на ошибках и недопонимании. Первый из них - это и есть высказывание д-ра Вэльюсека, согласно которому порка учит детей бить и оскорблять других. Телесное наказание представляется здесь как враждебная атака со стороны обозленного родителя, который стремится причинить боль или обидеть свою маленькую жертву. Нельзя не согласиться, что этот вид насилия действительно существует в конфликтах между родителями и детьми и что он крайне пагубен для детей (о жестокости по отношению к детям речь пойдет в следующей главе). Однако телесное наказание от руки любящих родителей - это нечто совершенно иное и по цели, и по исполнению. Это нормальное педагогическое средство, исключаящее вредоносные действия, а вовсе не попытка одного разъяренного человека сделать больно другому. В одном случае перед нами акт любви, в другом - акт вражды, и понятно, что они отличаются друг от друга как небо от земли.

Я дал ответ д-ру Вэльюсеку в своей работе "Прятаться или искать" показав, какую роль играет небольшое болевое воздействие в обучении детей разумному поведению.

Те же самые специалисты утверждают, что порка учит вашего ребенка бить других, делает его более склонным к насилию. Это неправда. Если ребенок попытается ударить рукой горячую плиту, можете держать пари, что он никогда впредь не сделает этого сознательно. И ведь от того, что плита обожгла его, он не приобрел склонности к насилию. Но при этом боль преподала ему весьма полезный урок. Точно так же, если он свалится с высокого стула, прищемит палец в двери, или его тяпнет злой пес, это даст ему понятие об опасности, существующей в окружающем мире. Все эти синяки и шишки, набитые в детстве,

- не что иное, как уроки самой природы, которая хочет научить его, к чему следует относиться с осторожностью и почтением. Они не вредят его самооценке, не делают его порочным. Точно так же и уместная порка при обязательном условии родительской любви служит той же цели. Она как бы говорит ему, * что следует избегать не только физических опасностей, но и некоторых ловушек социального характера (эгоизма, непокорности, нечестности, беспричинной агрессивности и т. Д.).

Второй аргумент против телесных наказаний сформулирован в последней фразе приведенного выше пассажа из речи Вэльюсека: "Я прибегаю к насилию (к порке), когда я не знаю, что мне еще сделать". Обратите внимание на скрытое коварство этого высказывания. Речь идет здесь о порке как крайнем средстве - своего рода капитуляции. В этом случае порка, что называется, идет по пятам криков, угроз, выкручивания рук и потоков слез. В эту ловушку нередко попадают даже те специалисты, которые рекомендуют телесные наказания, ибо и они, случается, считают, что силу надо применять лишь тогда, когда все остальные средства уже исчерпаны. Вот уж с чем абсолютно невозможно согласиться!

Порка пригодна только в случае упорного непослушания, но всякий раз как оно случается. И точка! Ее применение гораздо действеннее в начале конфликта, когда эмоции родителя еще вполне контролируемы, чем после полуторачасового препирательства. В самом деле, причинение ребенку зла более вероятно в том случае, когда малышу позволяют часами вести себя вызывающе, капризничать, не слушаться, пока, наконец, раздражение старшего не достигнет точки кипения, когда уже может произойти все что угодно.

Третий обычный аргумент против порки исходит из открытий в области психологии животных. Доказано, что мышь легче осваивается в лабиринте, когда исследователь поощряет (например, едой) ее правильные ходы, чем когда он наказывает ее (скажем, слабым электрошоком) за неправильное действие. Из этого и подобных наблюдений делается совершенно невероятное заключение, что наказание, якобы, едва ли действенно в области человеческого поведения. Прежде всего, человек - не мышь, и было бы наивно столь упрощенно уравнивать их. Ведь очевидно, что ребенок способен на такой протест и неповиновение, которые просто несоотносимы с поведением мыши, размышляющей на перекрестке лабиринта, куда свернуть. Конечно, ребенку не поможешь научиться читать, если за каждое неправильно прочитанное слово давать ему подзатыльник. Но с другой стороны, намеренное неповиновение предполагает, что ребенок имеет понятие и о родительском авторитете, и о своей обязанности уважать его (тогда как мышь, вероятно, даже и не подозревает о существовании исследователя).

Если наказания действительно не влияют на человеческое поведение, то почему повестка в суд за превышение скорости так хорошо регулирует движение на переполненных улицах? Почему квартиросъемщики так торопятся получить на почте извещение о необходимости внесения платы за жилье? Разумеется, чтобы не нарваться на шестипроцентную пеню за опоздание. Если наказание действительно не имеет силы, то каким же образом заслуженная порка сплошь и рядом превращает угрюмого маленького бедокура в прелестного и нежного ангелочка? Что бы там ни говорилось о крысиной психологии, и поощрения и

наказания играют важную роль в формировании человеческого поведения, и ни одним из них нельзя пренебрегать. Думаю, что Леонардо да Винчи ничего не слышал о мыши в лабиринте, когда написал такие слова: "Кто не наказывает зло, тот велит ему быть!"

Четвертый аргумент против взвешенного применения силы выдвигают те, кто усматривает в нем нанесение ущерба достоинству и самолюбию ребенка. Вопрос о достоинстве настолько существен, что мы посвящаем ему особую главу о бережном отношении к детской душе (см. гл. 4). Сейчас достаточно будет сказать, что ребенок обычно прекрасно понимает, что движет родителями - любовь или ненависть. Именно поэтому ребенок, знаящий, что заслужил трепку, до существу испытывает облегчение, получив ее. Будучи наказан, он не столько чувствует обиду, сколько осознает цель наказания и при этом умеет оценить приобретаемый таким путем контроль над своими порывами.

Для иллюстрации понятливости, которую дети проявляют в такой ситуации, приведу очень симпатичный рассказ одного папы о том, как его пятилетний сын вздумал безобразничать в ресторане. Мальчишка поминутно дергал свою мять, брызгался водой на своего младшего братишку и совершенно сознательно и настырно надоедал всем. Отец четыре раза предупреждал его - все без толку. Тогда он взял сына за руку и зашагал с ним к автостоянке, где собирался отшлепать сорванца. Всегда найдется человек, который сует нос не в свое дело. Тут тоже нашлась такая дама: она наблюдала весь этот эпизод и проследовала за ними из ресторана к стоянке. Когда началось наказание, она вмешалась и закричала: "Отпустите мальчика! Немедленно оставьте его! Если не перестанете, я позову полицию!" И что же? Вырывающийся и вопящий пятилетка немедленно перестал визжать и с удивлением спросил: "Па, чего это с ней?" Он-то знал, за что его наказывают. Хотелось бы, чтобы д-р Вэльюсек и его сторонники были такими же понятливыми, как этот малыш.

Впрочем, я спешу подчеркнуть, что телесное наказание - отнюдь не единственное средство укрощения строптивых, и к тому же оно приемлемо не для всякого возраста и не для всякой ситуации. Умные родители должны разбираться в физических и эмоциональных особенностях разных периодов детства и приспособливать способы воспитания к индивидуальным потребностям девочек и мальчиков. Тут, пожалуй, я мог бы помочь. Я расскажу дальше о специфике разных возрастных категорий и дам несколько практических советов и примеров для каждого возраста. Мой рассказ, разумеется, не будет исчерпывающим; я скажу лишь самые общие вещи о воспитательных методах в отношении к специфическим периодам детства.

От рождения до семи месяцев

Ребенок до семимесячного возраста не нуждается ни в каких непосредственных воспитательных мерах, независимо ни от его поведения, ни от каких-либо обстоятельств. Многие родители не согласны с этим и шлепают шестимесячного малыша, когда он извивается при пеленании или кричит ночью. Это серьезная ошибка. Младенец не в состоянии осознать свой "проступок" и связать его со следующим за ним наказанием. В этом возрасте ему нужно, чтобы его ласкали, любили, ему нужно слышать утешающий человеческий голос. Необходимо

вовремя кормить его и держать в чистоте, тепле и сухости. В высшей степени вероятно, что основа физического и эмоционального здоровья ребенка закладывается в первые полгода жизни, и этот период должен быть отмечен нежностью, теплотой и ограждением ребенка от всех опасностей.

С другой стороны, можно, конечно, создать великую суету вокруг ребенка, поминутно кидаться к нему и брать его на руки, стоит только ему всхлипнуть или вздохнуть. Младенцы вполне способны научиться манипулировать родителями благодаря так называемому "процессу усиления", когда ребенок, заметив, что действие приносит удовольствие, стремится повторить его. Так вполне здоровый ребенок может, всего лишь гоняя воздух по своей луженой глотке, заставить мамашу по двенадцать часов в день (или в ночь!) прыгать по детской. Чтобы избежать этого, крайне важно поддерживать четкий баланс между тем, чтобы уделять ребенку как можно больше внимания, и тем, чтобы не превращать его в маленького диктатора. Не бойтесь, дайте ему покричать (разумеется, в разумных пределах, то есть насколько это не вредно для легких), но при этом нужно прислушиваться к тону его голоса, чтобы уловить разницу между капризным недовольством и действительным страданием. Обычно мать очень быстро начинает слышать эту разницу. Я чувствую, что прежде чем перейти к следующей возрастной категории, надо еще раз повторить уже сказанное. Да, дорогие мамы, бывают легкие дети и бывают трудные. Некоторые из них, кажется, затем только и родились, чтобы разорить родной дом; они уютненько спят днем, зато всю ночь буйным ревом выражают свое недовольство; у них вдруг начинает болеть живот, и они отрыгивают чем-то весьма отвратительным (обычно, разумеется, по дороге в церковь); их не тянет на горшок, пока они у вас на руках, но стоит передать их чужому, как они дуют во всю мочь. Вместо того, чтобы свернуться калачиком, когда их берут на руки, они судорожно выгибаются, стараясь обрести свободу. И что греха таить, иная мама, часа в три ночи склонясь над беспокойной колыбелью, нет-нет да и прошепчет: "Господи, за что мне все это?" Вечный вопрос! Еще вчера она тревожилась о малыше: "Выживет ли он?!", а сегодня у нее уже другая тревога: "А выживу ли я?" Но хотите верьте, хотите нет, выживут оба, все придет в норму и бурное начало очень скоро станет лишь смутным воспоминанием.

А из тирана-младенца вырастет мыслящее и любящее человеческое существо, обладатель бессмертной души и своего собственного места в сердце Творца. Молодой мамаше, доходящей до истощения и почти помешательства, мне хочется сказать: "Держись! Ты ведь делаешь самое важное дело на свете!"

От восьми до четырнадцати месяцев

Многие дети начинают испытывать на прочность власть своих родителей уже во вторые семь месяцев жизни. До года стычки бывают и редкими, и незначительными, и все же начало будущих баталий уже просматривается. К примеру сказать, наша дочь впервые бросила вызов своей матери уже в девять месяцев. Ширли натирала мастикой полы в кухне, когда Даная ползком подобралась к краю кухонного линолеума. "Нет, Даная",- сказала Ширли и жестом показала дочери, что на кухню нельзя. Наша дочь очень рано начала говорить и очень хорошо понимала, что значит нет. И все же она поползла прямо в липкую мастику. Ширли отлепила девочку от пола и посадила ее на порог, приговаривая - уже гораздо тверже - все то же: "Нет". Нимало не обескураженная,

Даная опять стала прорываться на свеженатертый пол, а Ширли опять водворила ее на место и еще строже повторила запрет. Моей жене пришлось семь раз заворачивать упорно лезущего в мастику ребенка, прежде чем Даная смирилась и уползла из кухни в слезах. Насколько я помню, это было первое любовое противостояние дочери и жены. А сколько их было потом!..

Как заставить годовалого ребенка слушаться? Очень мягко и осторожно. Ребенка в этом возрасте легко отвлечь, занять чем-то другим. Если он схватит хрупкую китайскую чашку, не торопитесь вырывать ее у него из рук. Лучше покажите ему что-нибудь такое же яркое, и вам останется только подхватить чашку, когда малыш выпустит ее сам. Когда же дело доходит до неизбежных столкновений, как было с Данаей на навощенном полу, старайтесь побеждать твердостью и настойчивостью, не прибегая к наказанию. И не надо бояться детских слез, которые могут стать мощным оружием в борьбе с укладыванием, пеленанием и т. д. Будьте решительны, но без резкости и грубости.

По сравнению со следующими месяцами период около года - это обычно гладкое, спокойное время в жизни ребенка.

От пятнадцати месяцев до двух лет

Говорят, что всех людей можно разделить на два больших класса: на тех, кто на всевозможные предложения, которые подкидывает жизнь, отвечает "да", и на тех, кто склонен отвечать "нет". Так вот, с уверенностью заявляю вам, что делающий первые шаги малыш безусловно предпочтет отрицание! Если есть какое-нибудь одно слово, которым можно было бы сполна охарактеризовать возраст от пятнадцати месяцев до двух лет, то это слово "нет!" Нет, он не хочет есть кашу. Нет, он не желает играть в свои игрушки. Нет, он ни за что не будет купаться, и уж будьте уверены - он не ляжет спать ни в какое время суток. Именно это поминутное отрицание, конфликтность, неповиновение объясняют, почему это время жизни называют "первая юность".

Д-р Т. Барри Брейзелтон в своей прекрасной книге "Первые шаги" дал блистательное описание "кошмарных двухлеток". Я приведу здесь отрывок с классическим портретом типичного полуторагодовалого мальчика. Зовут его Грег. Я никогда не встречал этого паренька, но знаю его отлично. А когда ваш малыш начнет ходить, вы тут же узнаете в нем Грега.

Когда на втором году Грег вдруг сделался "нехорошим", его родители почувствовали себя так, словно их обухом хватило. Казалось, что его милый характер совершенно потерялся в бурьяне отрицаний. Стоило родителям попросить его о чем-нибудь, как его губки складывались в противную "гримаску, глаза суживались, и мальчик, меряя родителей взглядом, коротко отрезал: "Нет!" Он очень любил мороженое, но когда ему предлагали его, он соглашался не иначе, как сказавши для начала свое "нет". Бывало, он бросался надеть свою шубку, чтобы идти гулять, но перед выходом непременно опять упирался - "Нет!"

Терпение родителей, однако, начало постепенно иссякать. Казалось, что Грег непрерывно воюет с ними. Когда его просили сделать что-нибудь совершенно обыкновенное, он отвечал: "Не могу". Если мать просила его, скажем, перестать

выкидывать вещи из бельевого ящика, он капризничал: "А я хочу". Он с азартом бросался на всяческие совершенно нормальные ограничения и успокаивался только тогда, когда видел, что довел родителей до отчаяния. Как-то раз ему позарез понадобилось включить телевизор, когда мать вышла из комнаты. Она вернулась, выключила телевизор, пожурив мальчика и опять ушла. Грег тут же снова включил телеприемник. Мать пыталась как-нибудь урезонить его, а он твердил свое: "Я хочу". Она опять пошла на кухню. Телевизор немедленно включился. Мать снова очутилась в дверях, едва сдерживаясь, чтобы не отхлестать его по рукам. Он глубоко вздохнул и сказал: "Я хочу". Она села рядом с ним, умоляя его послушаться и не нарываться на наказание. Лицо у мальчика опять стало угрюмым, брови насупились, он слушал, но совершенно не слышал ее. Она поднялась почти в изнеможении и опять ушла. В изнеможении был и малыш, однако он встал и подошел к телевизору. Тут уже мать, вся в слезах, вошла с намерением выдрать упряма. "Грег,- сказала она,- почему ты так делаешь? Ведь мне придется выпороть тебя". На что мальчик ответил: "Я хочу". Мать совсем упала духом и, опустившись в кресло, тихо зарыдала, а Грег, сидя у нее на коленях, старался потрогать ее мокрое от слез лицо.

После этой стычки миссис Лэнг почувствовала себя вконец измученной. Грег тут же догадался об этом и постарался помочь. Он сбегал на кухню и притащил прямо к ее креслу швабру и совок. Это развеселило женщину; она улыбнулась и сгребла малыша в охапку.

Грег уловил эту перемену, обрадовался и вприпрыжку помчался в угол, проскользнул за кресло и закричал оттуда: "Эй, мама, смотри!" И тут он толкнул кресло, кресло опрокинуло лампу, лампа с грохотом рухнула на пол. "Не смей,!" - успела крикнуть мать, а мальчишка бросился на пол, заткнул уши и крепко зажмурил глаза, словно он старался не видеть и не слышать того разгрома, который он только что учинил.

Потом мать подняла его и усадила в детский стульчик. Сидя в нем, он вдруг принялся, хныкать. Мать так удивилась, что перестала готовить завтрак и стала менять ему штанишки. Но он не успокоился от этого, и когда мать снова усадила его на стульчик, он стал извиваться, как червяк. Мать спустила его на пол, чтобы он поиграл, пока завтрак будет готов, но малыш лег на пол, попеременно то хныча, то вереща. Это было столь необычно, что она пощупала подгузник, не расстегнулась ли булавка, потом потрогала ему лоб, нет ли температуры и не дать ли мальчику таблетку аспирина. Но все было вроде бы в порядке, и она опять взялась за готовку. Оставшись без зрителей, Грег утих.

Однако, стоило ей только снова водворить малыша на Стульчик, пронзительные вопли возобновились. Она поставила перед ним тарелку с едой, дала ему вилку, но он отшвырнул ее и стал отпихивать тарелку. Словом, есть отказался. Сбитая с толку миссис Лэнг подумала, что малышу нездоровится, и решила дать ему его любимого мороженого. Но он по-прежнему не желал есть сам. Тогда она дала ему каши, и он милостиво позволил впихнуть в себя пару ложек, но затем вдруг вышиб ложку из ее рук и спихнул мороженое со стола. "Ясно,- подумала миссис Лэнг,- заболел".

Она извлекла Грегга с поля битвы и пустила на пол, чтобы он поиграл, пока она сама подкрепится. Но, конечно же, и это было совсем не то, чего ему хотелось, он стал канючить, чтобы мать дала ему поесть со своей тарелки, и с жадностью слопал то, что она ему дала, из чего следовало, кстати, что гипотеза о его нездоровье оказалась неправильной. Тоща она перестала обращать на него внимание и вернулась к своему завтраку. Грегг опять принялся за свое занудство. Он повалился на пол и громко закричал, как будто больно ушибся, потом начал хрипеть и стонать, словно у него разрывались внутренности, и стаскивать с себя штанишки. Обычно этого бывало достаточно, чтобы отвлечь мать от ее занятий. Вот и сейчас она принялась ловить его и усаживать на горшок. Попавши на горшок, он самодовольно заулыбался, но делать ничего не стал. Миссис Лэнг казалось, что она атакована разом на всех фронтах - и нигде не может взять верх. И только когда мать, наконец, вернулась к своим делам, у Грегга случился понос, как, впрочем, он о том и предупреждал.

Как видите, зрелище весьма плачевное. Временами, действительно, из-за капризов малыша мир и спокойствие вашего дома могут пойти прахом. (Мой сын Райан любил пускать пузыри из собачьей миски - игра, которая до сих пор устрашает меня). И однако же, несмотря на все эти стычки, едва ли бывает другая столь же волнующая пора, как это время бурного роста и развития. Что ни день малыш узнает все новые слова, придумывает такие забавные выражения, которые помнятся потом в семье по полсотни лет. Это время, когда дети приходят в восторг от сказок, Деда Мороза и плюшевых зверюшек. А главное - это драгоценное время любви и тепла, которое, к сожалению, пролетает так быстро. Наверное, миллионы родителей, у которых дети уже выросли, отдали бы все на свете, чтобы вернуть эти счастливые дни, когда дети были еще смешными малышами.

Теперь я позволю себе дать несколько педагогических советов, которые, надеюсь, помогут снять напряжение, связанное с воспитанием детей одного-двух лет. Нужно, однако, сразу же оговориться, что негативизм в этом возрасте - явление нормальное и закономерное; ничто не заставит полуторегодовалого ребенка вести себя так, словно ему пять лет.

Первое и вполне очевидное: крайне важно, чтобы отцы посильно участвовали в воспитании и брали на себя часть родительских тягот. Детям нужны их папы, нужна крепкая мужская рука; точно так же женам нужны их мужья.

В особенности это касается женщин, которые, как мама Грегга, не работают и весь день напролет стоят на своем боевом посту, а к ночи чувствуют себя, как израненный ветеран. Что и говорить, мужья тоже устают. Но если бы муж и жена могли быть вместе побольше, чтобы помогать друг другу укладывать в постель своих тигрят, то крепость их семьи была бы обеспечена. Я всегда особенно сочувствую мамам, которые воспитывают одного, а то и двух малышей и при этом имеют еще на руках грудного младенца. Есть ли на свете более трудное дело? Если муж понимает это, он должен сделать все, чтобы его жена чувствовала, что ее любят, ценят и хотят поддержать во всех ее житейских делах. (Однако, умоляю, не спрашивайте меня, как убедить в этом мужчин. Тут я похож на мышь, которая советует другим мышам прицепить коту на шею бубенчик, но только не знает, как бы это сделать!)

Что касается собственно наказания упрямых малышей, то начинать прибегать к шлепкам, да и то очень нежным, можно не раньше пятнадцати-восемнадцати месяцев, причем делать это достаточно редко и только в тех случаях, когда дети выказывают сознательное неповиновение, как в случае с Грегом и телевизором. Мальчик отчетливо понимал, чего хочет мать, но не желал этого исполнить. Напротив, его ни в коем случае не следует бить за опрокинутую лампу или за капризы, вызванные нездоровьем, или за отказ есть. Слишком тяжелая родительская рука вредна для ребенка в этом возрасте, поскольку заставляет подавлять свою потребность исследовать, трогать и пробовать окружающие вещи, а такое подавление может иметь далеко идущие последствия. Можно только повторить: ребенок должен научиться подчиняться родительской воле, но этого конечного результата нельзя добиться немедленно.

Когда дело доходит до порки, нужно пользоваться каким-нибудь предметом - скажем, прутиком или ремнем,- а не рукой. Поверьте моему чувству: родительская рука должна восприниматься ребенком как предмет любви, а не как орудие наказания. Далее, если родители шлепают ребенка, когда тот не ждет, что его ударят, то весьма вероятно, что ребенок будет вздрагивать и увертываться всякий раз, когда отец случайно заденет его ухо. Если ребенка наказывают нейтральным предметом и применяют наказание лишь где это уместно, то он никогда не будет бояться, что его ударят неожиданно за какую-то случайную оплошность. (У этого правила есть, конечно, и исключения, например, если ребенка бьют по рукам, чтобы он не хватался за раскаленную плиту или какой-нибудь другой опасный предмет.) В своей книге "Не бойтесь наказывать" я упомянул как-то, что моя мать однажды выпорола меня поясом за мое занудство и грубость. Один господин, прочитав это, так рассвирепел, что отказался прийти на лекцию, которую я читал в его городе. Впоследствии я понял, что повергло его в такое негодование. Оказывается, он понял так, что мать стукнула меня сковородкой!) Ясно, что между этими двумя предметами есть некоторая разница, хотя, кстати, в 1940 году вес поясов мог достигать до шестнадцати фунтов. Пояса отделялись по обоим краям стальными клепками; к тому же к ним подвешивались еще дюжины ремешков и пряжек, имевших довольно устрашающий вид. В каком-то смысле увернуться от сковородки было бы легче, чем от этой противной детали туалета.

Должна ли порка причинять боль? Конечно. Иначе какой же в ней толк? Шлепок по попе через три слоя мокрого подгузника просто не может произвести желаемый эффект, а вот небольшая боль запомнится надолго, хотя, разумеется, нет никакой надобности мучить ребенка. Стегнуть два-три раза ниже спины вполне достаточно, чтобы растолковать свой тезис: "Ты должен слушаться". И наконец, если уж пороть, то сразу же вслед за проступком, или уж не делать этого вовсе. Детская память еще недостаточно развилась, и отложенное хотя бы на десять минут наказание воспринимается уже как несправедливость. Когда же инцидент исчерпан и слезы высохли, у ребенка вероятнее всего появится желание, чтобы его взяли на руки и утешили. Непременно сделайте это. Обнимите его и дайте ему почувствовать всю надежность ваших объятий. Приласкайте его, скажите ему, что вы его очень сильно любите, объясните, почему он должен "слушаться мамочку". И вероятно, этот момент станет самым важным за весь день.

Хочется сразу предупредить родителей, чтобы они не наказывали малышей за такое поведение, которое естественно вытекает из их потребности познания и развития. Исследование окружающих вещей, в частности, является исключительно важным стимулом интеллектуального развития. Скажем, мы с вами, будучи взрослыми, будем просто смотреть на какую-нибудь хрустальную безделушку и получим всю нужную нам информацию из этого чисто зрительного обследования. Однако двухлетка должен изучать ее всеми своими чувствами сразу. Он подержит ее в руках, полижет, понюхает, помашет ею в воздухе, постукает ею об стенку, попробует кидаться ею и при том получит ни с чем не сравнимое удовольствие от звона ее разлетающихся осколков. Но благодаря этому процессу он узнает кое-что о тяжести, о разнице между мягкой и твердой поверхностями, о хрупкости стекла - ну и, конечно, кое-что новенькое о том, как мама может сердиться.

Значит ли это, что я советую разрешать детям крушить все, что под руку попадется? Нет, конечно. Но едва ли следует ожидать, что любознательный малыш будет держать руки по швам. Просто родители должны убрать хрупкие или опасные вещи подальше от ребенка, а его обычный путь уставить всевозможными привлекательными предметами. Дайте ему изучать все, что можно, и никогда не наказывайте его за то, что он схватил нечто такое, о чем он не знал, что это брать нельзя. И не считайтесь в этом случае с ценностью предмета. Что касается опасных вещей, например, электрических розеток или плиты, а также предметов, трогать которые просто нежелательно, скажем, ручек телевизора, то тут можно и даже необходимо научить ребенка, то есть внушить ему приказ: "Не трогай!" После такого внушения, после разъяснения того, что вы хотите от ребенка, будет достаточно при случае слегка шлепнуть его по пальцам, чтобы отбить охоту к повторению запрещенного.

Прежде чем расстаться с этой динамичной порой жизни, я хочу рассказать своим читателям об одном длившемся десять лет исследовании детей в возрасте от восьми до восемнадцати месяцев. Это исследование под названием "Гарвардский университетский проект по изучению дошкольников" проводилось пятнадцатью учеными под руководством д-ра Бертон Л. Уайта. Они весьма интенсивно изучали детей этой возрастной группы в надежде выявить, какие впечатления раннего периода жизни оказывают влияние на развитие здорового и умного человеческого существа. Помещаю ниже выводы этого стоявшего больших усилий исследования в том виде, как они были опубликованы в "****".

1. Становится все более ясно, что истоки человеческих способностей надо искать в критическом периоде развития между восемью и восемнадцатью месяцами от рождения. Опыт, приобретенный ребенком за эти короткие десять месяцев, влияет на развитие умственных способностей в большей степени, чем любой другой отрезок времени до или после.
2. Самый важный и, можно сказать, единственно важный фактор окружающей ребенка обстановки - это его мать. Она занимает, так сказать, господствующую высоту и более, чем кто-либо иной, влияет на формирование опыта ребенка.
3. Обилие живой речи, обращенной непосредственно к ребенку (то есть не радио, не телевизор, не происходящие при ребенке разговоры), жизненно важно для

развития его языковых, умственных и социальных навыков. Ученые делают следующий вывод: "Самое лучшее, что вы можете сделать, чтобы сформировать в своем ребенке добрый нрав, это обеспечить ему богатую общением ("общественную") жизнь в промежутке от двенадцати до пятнадцати месяцев".

4. Дети, которым разрешен доступ во все жилые помещения их дома, развиваются быстрее детей, чье перемещение по дому ограничено.

5. Крепкая семья - это самое важное воспитательное средство. Если мы хотим, чтобы наши дети росли счастливыми и здоровыми, то путь к этому лежит через укрепление семьи и улучшение отношений между ее членами.

6. Лучшими родителями оказываются те, которые преуспели в трех ключевых функциях:

- они удачно оформляли и организовывали окружающее детей пространство;

- они позволяли детям отрываться от дел приблизительно на полминуты, в течение которых ребенку можно что-нибудь объяснить, рассказать, можно утешить и подбодрить его;

- "Воспитывая своих детей, они выказывали по отношению к ним одновременно и несокрушимую твердость, и великую нежность!" (Я не мог бы выразить этого лучше.)

Интересно, кажутся ли кому-нибудь, кроме меня, эти результаты такими выразительными? Не знаю. Но лично я слышу в них подтверждение и даже усиление той концепции, над которой я работал в течение всей моей профессиональной жизни.

От двух до трех лет

Пожалуй, самое труднопереносимое в "этих кошмарных двухлетках" - это их склонность ломать, опрокидывать, рассыпать, грызть вещи, разбирать вещи, топить их, забираться внутрь и т. д., и т. п. Они владеют несравненным искусством создавать неловкости, например, чихая на соседа по обеденному столу. В этот период, то есть когда ребенку от двух до трех лет, любая необъяснимая тишина, длящаяся больше тридцати секунд, способна привести взрослого в состояние паники. Какая мать не помнит той дрожи, которая охватила ее, когда, приоткрыв дверь в детскую, она вдруг видела маленького сорвиголову, вымазанного губной помадой от макушки до коврика, на котором он стоит? На стене красуется его художество с красной пятерней посередине, все волшебным благоухает - это значит, что сорванец вылил целый пузырек "Шанель No 5" на своего маленького братца. Пожалуй, было бы интересно собрать со всей страны съезд мамаш для обмена такого рода опытом.

Помню, как моя дочь была заморожена, в первый раз увидев, как я бреюсь (ей было тогда два года). Она не спускала глаз, наблюдая, как я намазываю щеки и затем провожу по ним бритвой. Это пристальное внимание должно было бы навести меня на мысль, что что-то будет. На следующее утро Ширли, зайдя в

ванную, обнаружила, что наша такса Зигги, как всегда, сидит на меховой крышке унитаза (его любимое место, если помните), а Даная, покрыв ему голову мыльной пеной, систематично снимает волосяной покров с его сияющей макушки! Ширли закричала: "Давая!", отчего пес и юный цирюльник пустились наутек. Не каждый день увидишь перепуганного пса с совершенно лысой башкой, на которой остались только уши!

Мой сын Райан в этом же возрасте обладал феноменальной способностью создавать вокруг себя хаос. Я не знаю другого ребенка, который мог бы с такой быстротой что-нибудь опрокинуть или пролить, особенно во время еды. Вследствие таких деструктивных наклонностей Райан постоянно слышал слово "безобразие", произносимое родителями. Оно стало, наверное, одним из самых важных в его словаре. Как-то вечером я принимал душ и оставил дверь слегка приоткрытой, так что небольшая лужица воды натекла в коридор. Как вы догадываетесь, Райан, выбежав из-за угла, влетел в нее. Он смерил меня взглядом и самым строгим голосом, на какой только был способен, проворчал: "Это что тут за безобразие?"

Имейте в виду, что пока вашему малышу от двух до трех, вы просто обязаны обладать чувством юмора, чтобы сохранить рассудок. Но вместе с тем вы должны шаг за шагом продвигаться вперед, чтобы постепенно приучить ребенка к послушанию и признанию вашего авторитета. Таким образом, большинство соображений, изложенных мною в предыдущей главе, вполне приложимо к ребенку в возрасте от двух до трех лет. Хотя трехлетний малыш весьма отличается от полутора-двухлетки и физически, и в эмоциональном плане, тем не менее тенденция подвергать сомнению и испытанию родительский авторитет сохраняется в полной силе. И если в предыдущий период ребенок постоянно одерживал верх в стычках и конфликтах с родителями, то в интервале с двух до трех лет управлять им становится еще сложнее. Именно в это время в душе ребенка может угнездиться пренебрежение к авторитетам и затем остаться в нем на всю жизнь. Поэтому я еще и еще раз подчеркиваю: вы должны внедрить в вашего ребенка, пока ему не исполнилось четыре года, две совершенно отчетливые идеи:

- "Я люблю тебя гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Ты очень дорог мне, и я каждый день благодарю Бога за то, что Он позволяет мне растить тебя!";

- "Именно потому, что я тебя люблю, я должен научить тебя слушаться. Только таким образом я могу заботиться о тебе и ограждать тебя от опасностей. Давай посмотрим, что говорит об этом Библия: "Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость" (Ефесеям 6:1).

Формула здорового родительства выводится из двух основных компонентов - из любви и строгости, которые приводят в действие целую систему поощрений и пресечений. Любое сосредоточение на любви в ущерб строгости порождает неуважение к власти. И наоборот, авторитарная, подавляющая атмосфера в доме глубоко обижает ребенка, который думает, что его не любят и даже ненавидят. Итак, ваша главная задача в этот период жизни ребенка - добиться точного

баланса между милосердием и справедливостью, между нежностью и требовательностью, между любовью и строгостью.

Но если говорить конкретнее, есть ли вообще какие-то меры пресечения для двух-трехлетних шалунов? Один из возможных приемов - это усадить их в кресло поразмыслить о своем поведении. Большинство детей в этом возрасте преисполнены кипучей энергии, и провести десять скучных минут, приклеившись своими вертявыми попками к стулу, для них абсолютно невыносимо. Для некоторых такое наказание куда более действенно, чем порка, и дольше сохраняется в памяти.

Родители, которым я давал этот совет, нередко спрашивали меня: "А что, если он не будет сидеть?" Тот же самый вопрос задают обычно, когда речь идет о том, что ребенок вскакивает с постели после того, как его уложили спать. Но это ведь и есть примеры явного сопротивления, которое я уже описывал выше. Родители, которые не могут добиться, чтобы ребенок посидел на стуле или не вскакивал с постели, просто еще не научились управлять ребенком. И именно сейчас у них самый благоприятный момент для изменения отношений.

Можно сделать, например, так: вы кладете вашего малыша в постель и произносите следующую краткую речь: "Джонни, я говорю серьезно. Ты слышишь меня? Пожалуйста, не вылезай из постели. Ты понял?" И после этого, как только нога Джонни касается пола, нужно всего один раз стегнуть по ней прутиком. Потом положите прутик так, чтобы Джонни мог видеть его, и скажите, что он получит еще раз, если встанет. Теперь с полным доверием и без лишних слов уйдите из детской. Если он опять вылезет из постели, вы должны исполнить свое обещание, а потом повторить предупреждение. Это следует повторять до тех пор, пока Джонни не уразумеет, что распоряжаетесь здесь вы. Добившись своего, обнимите его, скажите ему, что любите его, объясните ему, как это важно, чтобы он отдыхал и набирался сил и т. д. Помните, что ваша цель в этом довольно неприятном упражнении (понятное дело, неприятном для обеих сторон) состоит не только в том, чтобы уложить крошку Джонни в постель, но и в том, чтобы утвердить в его сознании необходимость подчиняться вам. Мое мнение таково, что сейчас слишком у многих родителей в Америке не хватает храбрости одерживать верх в такого рода столкновениях и они уходят в глухую оборону. Д-р Бенджамин Спок писал в 1974 году: "По-моему, в наше время самая распространенная проблема у американских родителей - это неспособность проявлять твердость". Не могу с этим не согласиться.

От четырех до восьми лет

К тому времени, как ребенок достигает четырех лет, в фокусе воспитания должно оказаться уже не только его поведение, но и намерения, которыми оно мотивируется. Этот момент формирования личности может быть либо сравнительно прост, либо исключительно труден. Зависит это от фундаментальных особенностей темперамента каждого отдельного ребенка. Одни дети по природе отличаются теплотой, любовью, доверчивостью, тогда как другие искренне считают, что весь мир против них. Одни любят давать и делиться, в то время как другие по натуре требовательны и эгоистичны. Одни

дети целый день улыбаются, другие, напротив, ворчат и недовольны всем, от зубной пасты до листьев турнепса.

Кроме того, модель отношений с миром - вещь тоже не постоянная и может со временем меняться. В этом изменении можно подметить циклические колебания от бунта к послушанию. Иначе говоря, конфликтный период, если подойти к делу правильно, сменяется периодом любви и взаимопонимания. Но тут, не успели папа с мамой расслабиться и поздравить друг друга с блистательным педагогическим успехом, как их маленький хамелеон уже опять меняет окраску.

Меня могут спросить: "Ну да, но какое нам дело до отношения мальчишки или девчонки?" И действительно, есть немало специалистов по проблемам детского развития, которые советуют родителям не обращать внимания на негативное отношение, в том числе и откровенно вызывающее по тону. Вот, например, наивные рекомендации д-ра Лютера Вудварда, как они представлены в пособии для родителей "Ваши дети от двух до пяти".

Как вы поступаете, когда ваш ребенок называет вас "большая вонючка" или грозит утопить вас в уборной? Вы ругаете его, бьете... или благоразумно перешагиваете через это?

Д-р Вудвард рекомендует позитивную политику понимания как лучший и кратчайший путь помочь ребенку перерасти словесную враждебность. Если родители отдают себе отчет в том, что любой малыш временами сердится и негодует, им легче свести до минимума эти вспышки. Как только ребенок освобождается от враждебности, стремление к разрушению проходит само и прирожденные чувства любви и нежности получают возможность дать побег и распуститься. Когда ребенку исполняется шесть или семь лет, родителям пора дать ему понять, что он уже достаточно взрослый и пора перестать говорить нехорошие слова своим родителям.

В заключение д-р Вудвард разоблачает попустительский смысл своих рекомендаций. Это видно из того, как он предостерегает тех, кто попытается ими воспользоваться:

"Эта тактика, однако, потребует от вас широты взглядов и огромной выдержки, особенно когда ваши друзья и родственники начнут выражать вам неодобрение и предупреждать, что вы растите выродка".

Вероятно, в этом случае ваши друзья и родственники будут правы. Совет д-ра Вудварда основывается на том упрощенном воззрении, что у детей разовьются добрые и любовные намерения, если мы, взрослые, будем оставлять без внимания и даже поощрять их приступы дурного настроения в раннем детстве. Согласно оптимистически настроенному д-ру Вудварду, малыш, который шесть или семь лет кряду называл маму "большой вонючкой", может вдруг обнять ее, преисполненный любви и почтения. Позвольте этому не поверить. Предлагаемая д-ром Вудвардом созидательная "тактика понимания" (то есть, попросту, стой сложа руки) - это, по-моему, не что иное, как прямой путь к эмоциональной и социальной катастрофе личности.

Свой совершенно противоположный взгляд на предмет я выразил в книге "Не бойтесь наказывать":

Если вы хотите, чтобы ваш ребенок рос добрым, благожелательным и вежливым, то эти качества надо воспитывать, а не просто уповать, что они явятся сами собой. Если мы хотим видеть в наших отпрысках честность, правдивость, альтруизм, то эти качества должны стать сознательной целью наших воспитательных усилий уже в первые годы жизни ребенка. Если для нас важно вырастить ответственных молодых граждан, уважающих себя и других, то мы должны формировать их соответственно этой цели.

Ведь тут совершенно ясно: наследственность не обеспечивает ребенка надлежащими свойствам; дети учатся тому, чему их учат. Мы не можем рассчитывать, что желанные качества и поведение появятся откуда ни возьмись, если не поработаем над ними сами. Похоже, что множество родителей не справляется с этим главным своим предназначением.

Однако как сформировать чувства ребенка? Большинство родителей считает, что легче иметь дело с открытым неповиновением, чем неприятными свойствами характера или личности. Позвольте мне напомнить два старинных совета родителям детей-двухлеток. Затем я предложу некую методику, которую можно применять к особенно строптивым детям.

1. Пытаясь воспитывать у детей определенные душевные качества, мы должны помнить, что родительский пример в этом деле абсолютно незаменим. Где-то я прочитал такое высказывание: "Обычно дети идут как раз по тем следам, которые их родители тщательно замечают". Так оно и есть. Наши дети внимательно наблюдают за нами и инстинктивно подражают нашему поведению. Поэтому мы едва ли можем рассчитывать, что наши дети вырастут щедрыми и добрыми, если сами мы скупы и эгоистичны. Нам ни за что не научить наших детей обходительности, если мы никогда, ни дома ни на людях, не говорим ни "спасибо", ни "пожалуйста". Не выйдет из нашего ребенка честного человека, если мы учим его отвечать на звонок налогового инспектора: "Папы нет дома", т. е. учим лгать. Во всех этих случаях наши дети мгновенно замечают расхождение между тем, что мы говорим, и тем, что мы делаем, и когда перед ними встанет выбор, они поступят так, как поступаем мы сами, и начисто забудут о наших пустых поучениях.

2. Большинство из тех благородных моральных качеств, которые мы хотели бы внушить нашим детям, то есть честность, почтительность, доброта, любовь к людям, человеческое достоинство, послушание, ответственность и т. д. - это на самом деле не что иное, как экстраполяция христианской этики. Но как же передаются эти освященные временем принципы от поколения к поколению? Ответ на этот вопрос еще 4000 лет назад дал Моисей в книге Второзакония: "И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая. И навязывай их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих", (Второзаконие 6:7-9). Иначе говоря, нам не удастся внушить детям христианские принципы только с помощью двухминутной молитвы на сон грядущий или специального учебного курса. Они должны быть частью нашей ежедневной

жизни. Их следует подкреплять, пользуясь всяким более или менее случайным разговором, в который надо вводить примеры, доказательства, где надо - похвалы, где надо - осуждение. Эта педагогическая задача, по-моему, есть главнейшая из всех, поставленных Богом перед нами, родителями.

И наконец, позволю себе предложить один подход: его можно применять к непослушным детям (шести лет и старше), для которых все прочие формы наставления оказались бесполезными. В особенности я имею в виду раздражительных, вечно недовольных детей, которые и себя, и всю семью делают несчастными. Проблема состоит в том, чтобы определить, какие перемены в ребенке желательны, и в том, чтобы вовремя подкреплять положительные сдвиги, когда они намечаются. Те моральные качества, которые мы стремимся внушить ребенку, - это, по существу, абстракции, которые для шести-восьмилетнего мальчика или девочки Могут быть весьма и весьма неясны, и поэтому нам нужна система, которая могла бы прояснить для них контуры этих абстракций.

С этой целью я разработал то, что я называю Картой отношений (см. иллюстрацию), которая помогает преобразовывать тонкие психологические оттенки в конкретные математические показатели. Обратите, пожалуйста, внимание: предлагаемая ниже система не будет работать в том случае, если у ребенка действительно весь день сплошные неудачи, или у него есть реальные причины для неудовлетворенности, такие как нездоровье, переутомление или какие-то раздражающие факторы окружающей обстановки. Скорее эта Карта может быть полезной там, где речь идет об устойчиво отрицательных или неуважительных реакциях ребенка и о перспективах их изменения.

На каждый день нужен новый лист Карты. Вы должны ставить крестик в нужной клетке и затем перед сном сложить "заработанные" очки. Хотя этот ежевечерний процесс оценки имеет для ребенка вид объективности, совершенно очевидно, что родители могут повлиять на итог, рассматривая его в качестве аванса (вообще-то это, конечно, жульничество). Может быть, маме или папе захочется, чтобы их мальчуган получил в первый вечер 18 очков, еле-еле уходя от наказания, но понимая при этом, что завтра он должен подтянуться. Однако я должен подчеркнуть, что эта система самым жалким образом провалится, если напавший ребенок не получит заслуженного им наказания, или, наоборот, если ребенок жмет на все педали, чтобы исправиться, а папа или мама не делают ему "чего-нибудь приятного", как это было обещано. Предлагаемая метода есть не что иное, как способ применения награды или наказания таким образом, чтобы ребенок мог это понять и запомнить.

Если ребенок не может вполне уразуметь эти операции с числами, помочь, вероятно, сможет сводный график ежедневных итогов, вроде того, что приводится ниже.

Я не ожидаю, что эта система будет одинаково оценена всеми и применена в каждой семье. В самом деле, родители послушных детей могут только недоумевать, зачем бы она им понадобилась. Однако, мамы и папы "трудных" детей воспримут ее гораздо быстрее. И вообще, принимайте ее или отказывайтесь от нее, смотря по обстоятельствам.

От девяти до двенадцати лет

В идеале фундамент воспитания должен быть заложен в первые девять лет жизни ребенка. Это позволяет в дальнейшем ослабить поводья родительского авторитета. С каждым годом ребенку будет требоваться все меньше дрессировки, ребенок будет делаться все более самостоятельным. Это еще не означает, впрочем, что десятилетний ребенок вдруг резко освободится от власти родителей, однако это значит, что теперь ему в большей степени будет позволено брать на себя решение своих каждодневных проблем. Это значит также, что с каждым годом ему придется нести все больше ответственности за свои поступки.

В ту пору жизни, которая уже непосредственно предшествует юности, физические наказания должны становиться относительно редкими. Конечно, некоторые буквально нарываются на порку, и их желание надо немедленно удовлетворять. Однако более или менее послушный ребенок к концу первого десятилетия (а то и на четыре года раньше), вероятно, уже в последний раз отведаёт розги.

Чему же в конечном счете мы должны научить ребенка в этот последний, предъюношеский период детства? Ребенок раз и навсегда должен уяснить: каждое его действие чревато неизбежными последствиями. Как часто трехлетний ребенок обзывает свою мать, которая только беспомощно хлопает глазами. Первоклассник буквально терроризирует учителя, но школа, делая скидку на его возраст, ничего не предпринимает в ответ. Десятилетка пойман в магазине, где он украл шоколадку, но отпущен после родительских извинений. Пятнадцатилетний подросток без спроса взял ключи от машины, но его отец смиренно заплатил штраф, когда сына остановила полиция. Семнадцатилетний юнец как сумасшедший несется на своем мотоцикле, а родители платят за ремонт, когда он влепит его в столб. Как видите, любящие родители, кажется, делают все, чтобы помешать ребенку еще в детстве почувствовать ответственность за свои поступки. Они рвут причинно-следственные связи и мешают детям усвоить весьма полезные уроки.

Таким образом, юноши и девушки, только вступающие во взрослую жизнь, зачастую по-настоящему и не знают, что жизнь наказывает - ведь буквально каждое наше действие непосредственно отражается на нашем будущем, и безответственное поведение в конце концов обязательно выльется в боль и печаль. К примеру, юноша поступает на свою первую работу и опаздывает на нее три раза подряд в первую же неделю. И вот, уволенный с соответствующими резкими комментариями, он обижен и подавлен. Впервые в жизни мамочка и папочка не бегут сломя голову выручать его. (К сожалению, многие американцы до сих пор норовят "взять на поруки" своих взрослых детей, даже если им за двадцать и они живут отдельно.) Эта чрезмерная опека порождает моральных уродов, чрезвычайно зависимых от житейских обстоятельств, своего рода вечных младенцев.

Как же связать поступки и их последствия? Дайте ребенку на собственной шкуре почувствовать результаты его безответственности. Если Джек пропускает школьный автобус из-за собственного разгильдяйства, то пусть он идет в школу пешком, хотя это и чревато большим опозданием. Если Дженни такая растяпа, что теряет свои деньги на завтрак, - пусть останется голодной. Однако ясно, что

руководствуясь только этим принципом, можно зайти слишком далеко. Лучший подход заключается в том, чтобы возложить на детей ту меру ответственности, которая соответствует их возрасту.

А теперь позвольте мне предложить вам ряд убедительных иллюстраций сказанного выше, которые можно, кстати, дать прочитать одиннадцатилетним или двенадцатилетним детям. Юнайтед Пресс Интернешнл опубликовала эту историю через несколько дней после солнечного затмения. "Я просто не могла оторвать глаз" "Я была зачарована", - говорит девочка о затмении. Сейчас она слепа.

Типтон, Индиана (Ю-Пи-Ай) - Энн Тернер, 15 лет,- живое свидетельство тому, насколько опасно смотреть на солнечное затмение невооруженным глазом. Она ослепла.

7 марта вопреки предупреждению, о котором она читала, Энн, находясь у себя дома, "только взглянула в окно", когда происходило солнечное затмение.

"Сама не знаю почему, я не могла оторвать глаз от солнца,- сказала она Пэту Клайну, репортеру "Типтон Дейли Трибюн".- Я была зачарована тем, что происходило на небе. Не было ни боли, ни чувства дискомфорта, когда я смотрела на солнце. Я стояла там, наверное, около четырех или пяти минут, пока мама не подошла и не оттащила меня от окна".

Энн сказал, что перед ее глазами "стали мелькать какие-то пятна, но она не придавала этому никакого значения". Вскоре после этого она шла по городу и вдруг поняла, что не различает дорожных знаков.

Испуганная, Энн повернула к дому. Подойдя к крыльцу, она поняла, что "движется во тьме".

Она была так напугана тогда, что ничего не сказала об этом никому из домашних до следующего дня, хотя и подозревала, что происходит что-то ужасное.

"Я плакала и плакала, - рассказывала она. - Я не хотела быть слепой. Один Бог знает, как я не хотела жить в этой крошечной тьме до конца своей жизни!

Я все еще надеялась, что этому кошмару придет конец и я снова смогу видеть, но темнота сгущалась все сильнее. Меня терзал страх. Я не слушала предостережений. И вот я уже ничего не могла изменить и вернуть назад. Было слишком поздно".

Узнав о случившемся, родители повели дочь в больницу. Но врачи качали головами и говорили, что не в силах вернуть Энн зрение. Они говорили, что девочка ослепла на 90% и теперь сможет видеть только слабые контуры больших предметов, да и то только на самой периферии поля зрения.

С помощью домашних учителей она собирается продолжить свое образование. Она учится приспосабливаться к миру темноты.

После того как вы прочтете эту трагическую историю вашему сыну или дочке, может быть нелишне будет добавить следующее: "Сынок, ты, наверное, понял, что эта ужасная вещь случилась с Энн потому, что она не принимала всерьез предостережений. Она доверяла только себе. А поскольку тебе уже десять лет, то у тебя масса возможностей делать именно то, что тебе как раз делать не велят. Например, кто-то может предложить тебе попробовать наркотики, которые на первый взгляд кажутся совсем безопасными. Подобно Энн, ты можешь не отдавать себе отчета о последствиях своего поступка до тех пор, пока не станет уже слишком поздно. Многие ребята между десятью и двенадцатью годами совершают ошибки, которые впоследствии отражаются на всей их жизни. Я хочу помочь тебе, хочу, чтобы ты не столкнулся с этими трудностями. Но по правде говоря, только ты сам можешь, как говорится, проложить свой курс, выбрать верный путь..."

Как много можно было бы сказать об этой последней фазе детства, но время и объем этой книжки вынуждают меня двигаться дальше. В заключение хочу добавить: период между десятью и двенадцатью годами - это часто последний всплеск большой близости и естественной любви между родителями и детьми. Наслаждайтесь этими годами, так как, поверьте мне, впереди дни буйного своеволия и отдаления друг от друга.

Заключительное замечание

Не так давно в поездке с лекциями меня сопровождала моя жена Ширли. Нам пришлось оставить на неделю наших двух детей на бабушку с дедушкой. Мать и отец моей жены - совершенно замечательные люди, которые нежно любят своих внуков. Однако двое полных сил жеребят, скачущих, ржущих и брыкающихся, вполне способны вымотать любого взрослого, особенно приближающегося к пенсионному возрасту. Когда мы вернулись домой из поездки, я спросил тестя, как вели себя дети и много ли было с ними хлопот. Он ответил своим северодакотским говорком: "Да нет! Они ребята ничего. Главное - держи их на виду, да глаз не спускай".

Это, пожалуй, самый лучший совет воспитателю. Многие проблемы могут быть сняты, если просто исключать порождающие эти проблемы обстоятельства. Это особенно касается тех мальчиков и девочек, которые живут в наших перенаселенных городах. Мы явно больше всего нуждаемся в том, чтобы "держат их на виду и не спускать глаз". Ну что ж, совсем не плохая идея.

Вопросы.

Вопрос: Согласны ли вы с тем, что нашей целью должно быть воспитание детей, уверенных в своих силах и способных к самовоспитанию? Если да, то каким образом предлагаемый вами подход внешнего воспитания может привести к внутреннему контролю?

Ответ: Вы задали провокационный вопрос. Существует весьма много авторитетов, которые предлагают родителям не наказывать своих детей именно по этой причине: они хотят, чтобы дети воспитывали себя сами. Но так как молодым людям явно не хватает зрелости и опыта, чтобы овладеть

самоконтролем, то они так и будут спотыкаться и набивать себе шишки все свое детство, не получая ни внешнего, ни внутреннего воспитания. Таким образом, они входят во взрослую жизнь, не зная, что такое выполнить неприятное задание, или подчиниться приказу, от которого ты не в восторге, или просто признать руководство старшего. Разве мы можем ожидать от такого человека самодисциплины в пору взросления? Я думаю - нет. Он даже не понимает, что это значит.

Я убежден, что родителям следовало бы приучать своего ребенка к порядку и самоконтролю, используя именно внешние приемы воздействия, пока он еще достаточно мал. Если мы требуем от ребенка отвечать за свое поведение, мы тем самым заставляем его приобретать весьма ценный опыт контроля за своими собственными порывами и наклонностями. Затем, когда ребенку исполнится десять лет и больше, ответственность мало-помалу с родительских плеч перекладывается на него. Его больше не заставляют делать то, чему учили раньше. Например, от ребенка, даже когда он еще мал, следует требовать, чтобы он следил за порядком в своей комнате, а когда он становится подростком, его самодисциплины должно хватать на то, чтобы делать то же самое, но уже без понуканий. Если этого не происходит, родителям следует закрыть дверь и пусть он зарастает грязью, если ему так больше нравится.

Вопрос: Я никогда не бываю вполне уверенной в том, правильно ли я реагирую на поведение моих детей. Можете ли вы привести несколько характерных примеров плохого поведения ребенка, которого следовало бы наказать, и еще какие-нибудь примеры, когда проступок ребенка можно либо проигнорировать, либо вообще не наказывать, а действовать как-то иначе?

Ответ: Конечно. Позвольте мне привести несколько примеров, причем я хочу рассказать о детях разного возраста. Но попробуйте сначала сами решить, как бы вы поступили, не читая моих соображений по этому поводу. (Большинство из этих сюжетов представляют собой реальные события, о которых рассказали мне сами родители.)

1. Я очень расстроена: мой двухлетний сынишка не может тихо и спокойно посидеть в церкви. Он прекрасно знает, что ему не следует шуметь, но тем не менее он стучит своими игрушками по спинке скамейки и время от времени принимается пронзительно вопить. Нужно ли мне его отшлепать, чтобы он так не буйствовал?

Мой ответ:

Мать, задавшая мне этот вопрос на одном из моих семинаров, обнаруживает просто плачевное непонимание детской психологии. Большинству двухлетних малышей сидеть тихо и в бездействии в церкви равносильно тому, чтобы переплыть Атлантический океан. Они суются во все дыры, не сидят ни секунды в покое - и так весь день. Нет, такого ребенка наказывать не следует. Самое лучшее - это оставить его с кем-нибудь дома: пусть он возится себе там и не мешает богослужению.

2. Мой четырехлетний сын пришел домой и сказал, что он видел льва на заднем дворе. Он вовсе не шутил при этом и изо всех сил пытался убедить меня, что это не выдумка, а правда, и ужасно расстроился, когда я не поверила ему. Я бы хотела, чтобы он вырос честным и правдивым человеком. Стоило ли мне отшлепать его за это вранье?

Мой ответ:

Конечно, нет. В головах у детей этого возраста существует лишь весьма эфемерная преграда между фантазией и реальностью, и они часто путают их. То же произошло, когда я взял моего трехлетнего сына в Диснейлэнд. Он был ужасно напуган волком, который подкрадывался к трем пороссятам. Райан только взглянул на его острые клыки и завизжал от страха. Мне удалось заснять бесценные кадры, как он карабкается на руки к маме в поисках безопасности. Когда мы вернулись домой, я рассказал ему, что волком был наряжен очень хороший человек, который никому не причиняет вреда. Эта новость принесла моему сыну такое облегчение, что ему хотелось слышать об этом еще и еще. Он говорил: "Пап!"

- Что, Райан?

- Расскажи мне об этом хорошем человеке.

Вы видите, что Райан не в состоянии был уловить разницы между фантастическим персонажем и настоящей угрозой его здоровью и безопасности. Я полагаю, что и история про льва, предложенная в приведенном выше вопросе, не что иное, как результат той же самой путаницы. Ребенку вполне могло показаться, что на заднем дворе бродит лев. Его матери следовало бы продолжить игру, но при этом совершенно ясно показать, что она не верит его рассказу. Она могла бы сказать, например: "Ну и ну, лев на нашем заднем дворе! Надеюсь, это добродушная зверюга. А теперь, Билли, мой руки и иди обедать".

3. Мой шестилетний сын стал вдруг грубить и вести себя вызывающе дома. Он сказал мне: "Отвали", когда я попросила его убрать за собой мусор; он обзывает меня, когда рассердится. Я не пресекаю этого, так как мне кажется, что каждый эмоциональный всплеск должен найти выход. Согласны ли вы со мной?

Мой ответ:

Я решительно не могу согласиться с этим. Ваш сын прекрасно отдает себе отчет в своем непослушании и просто хочет посмотреть, что еще вы ему позволите выкинуть. Такое поведение, если его не обуздать, будет неумолимо ухудшаться с каждым днем, сопровождаясь еще более неуважительными выходками. Если вы их не пресечете, то можете ожидать самых диких поступков, когда ребенок вступит в пору взросления. Таким образом, ребенка, который вызывающе ведет себя, попирая авторитет и достоинство родителей, наказать просто необходимо, особенно если ему прекрасно известно, что так поступать нельзя.

А теперь о проблеме эмоциональной разрядки. Да, конечно, надо дать ребенку возможность выплеснуть накопившийся гнев, но и это ведь можно сделать,

никого не оскорбляя. На полное слез обвинение: "Ты накричал на меня при ребятах. Думаешь, приятно?" - ответить надо спокойно и серьезно. Но родители никогда не должны позволять ребенку говорить: "Ты дурак" или что-нибудь в этом роде. Первое - это нормальное выражение обиды, а второе - уже атака на достоинство и авторитет родителей. По-моему, последнее вредно и для ребенка, и для родителей, а потому это надо пресечь.

4. Мой десятилетний сын все время ставит стакан с молоком прямо себе под локоть и уже разбил по крайней мере шесть штук. Я много раз говорила ему, чтобы он отодвигал стакан подальше, но он не слушает меня. Когда он вчера снова пролил молоко, я вытолкнула его из-за стола и отстегала ремнем. Сегодня мне как-то не по себе из-за вчерашнего. Наверное, мне стоило проявить побольше выдержки?

Мой ответ:

Это очень просто - сказать матери, чтобы она не слишком расстраивалась из-за вчерашнего случая. В конце концов, не мне вытирать лужу. Разумеется, ваш сын не хотел разлить молоко, а наказан он был за свою безответственность. Лучше было бы придумать, как сосредоточить его внимание на этом злосчастном стакане, чтобы он научился отставлять его на безопасное расстояние. Например, вы могли бы вырезать из красного картона что-то вроде "запретной зоны" и прикрепить ее сбоку от его тарелки. Если мальчик подвинет стакан за эту полосу, ему придется помогать мыть посуду после ужина. Я гарантирую вам, что он станет менее забывчивым. В самом деле, это небольшое ухищрение, вполне возможно, заставит его внимательнее следить за положением стакана даже после того, как "граница" будет снята.

5. Джон учится во втором классе. В прошлом месяце учитель попросил его передать нам записку, где было написано о дурном поведении сына, но Джон выбросил ее. Мы узнали об этом на родительском собрании через неделю после того, как это случилось. Как бы вы поступили на нашем месте?

Мой ответ:

Да, это уже вполне намеренное неповиновение. После уточнения всех подробностей я, возможно, выпорол бы Джона и за его плохое поведение, и за ложь родителям. Затем я бы выяснил у учителя, почему Джон вел себя плохо в школе, и попытался бы понять, почему он побоялся принести записку домой.

6. Моя трехлетняя дочка Нэнси ведет себя безобразно, когда мы вместе ходим в магазин за продуктами. Она убегает от меня, когда я зову ее, хнычет, требует купить ей шоколадку, жевательную резинку или леденцы. Когда я отказываюсь, она на весь магазин закатывает жуткую истерику. Я не могу наказывать ее у всех на виду, и она знает это. Скажите, что мне делать?

Мой ответ:

Существуют места, где обычные правила и ограничения сняты, и дети ведут себя иначе в этих "защищенных зонах". Я бы посоветовал вам поговорить с Нэнси

перед походом в магазин. Объясните ей, как она должна себя вести, и постарайтесь ясно показать, что тут дело серьезное. И если она будет плохо вести себя, отведите ее к машине или за угол и накажите так, как сделали бы дома. Это будет для нее хорошим уроком.

7. Наш двухлетний сын до сих пор еще не просится на горшок. Моя свекровь говорит, что надо его непременно заставить делать это. Должны ли мы отшлепать его за то, что его штанишки опять мокрые?

Мой ответ:

Скажите своей свекрови, чтобы она немного поостыла. Возможно, в этом возрасте ваш сынишка еще не в состоянии контролировать себя, и это совершенно естественно. Последнее дело - шлепать двухлетнего малыша за проступок, которого он не сознает. В этом деле лучше ошибиться в сторону запаздывания, чем опережения. Лучший способ приучить к горшку - это поощрение, а не наказание. Дайте малышу конфетку или еще что-нибудь вкусное, если он попросится сам. Когда вы удостоверитесь в том, что он понимает, чего от него хотят, тогда и требуйте, чтобы он исполнял это.

Заключение.

Подведем итоги: нельзя наказывать ребенка, не уяснив, каковы были его намерения. Физическое наказание применяется только в ответ на намеренное непослушание или вызывающее поведение.

"Но как вы можете знать об этом наверняка?" Этот вопрос задавался мне сотни раз. Мать может сказать: "Чаки ответил грубостью, когда я сказала, чтобы он шел мыться... Но я ведь не знаю, что у него было тогда на душе".

Есть простое решение этой проблемы: используйте первый случай, чтобы пролить свет на второй. Скажите вашему сыну: "Чак, ты ответил сейчас совершенно похамски. Но я не уверена, что ты сделал это намеренно. А чтобы мы впредь понимали друг друга, больше так со мной не разговаривай". Если это произойдет снова, вы уже будете знать: это открытый вызов.

Наибольшая неразбериха с наказаниями проистекает из неудачных попыток родителей правильно очертить границы дозволенного. Если ваши представления о допустимом и недопустимом достаточно смутны, то ваш ребенок вдвойне будет сбит с толку. Поэтому не наказывайте ребенка до тех пор, пока границы приемлемого не будут установлены достаточно ясно, чтобы ими нельзя было пренебречь. И тогда большинство детей примет это раз и навсегда, исключая случайные нарушения.

Глава 3. Осторожно: душа!

Боюсь, что не все сказанное мной выше о воспитании детей с трудным характером будет верно понято. У читателя может возникнуть впечатление, будто я считаю детей отпетыми сорванцами, а их родителей - исключительно славными

малыми. Еще более сомнительным представляется мне утверждение, что я рекомендую жесткие, суровые и деспотичные методы воспитания - ни то ни другое не верно даже отчасти.

Маленькие дети (даже те, что покушаются на родительский авторитет) для меня - беззащитные, уязвимые создания, которые нуждаются в нашей любви и нежности каждый день.

Труднее всего, по-моему, внушить родителям идею сбалансированного воспитания, когда необходимая строгость, с одной стороны, уравновешивается терпением, уважением и любовью - с другой. Я вовсе не сторонник крайних, авторитарных мер, и ничто меня так не огорчает, как плохое обращение с детьми - явление широко распространенное в сегодняшней Америке. Меня мучит сознание того, что в тот момент, когда я пишу эти строки, кто-то из детей терпит невыразимые страдания и унижения от руки собственных родителей. Некоторые из этих несчастных малышей попадают в больницы в весьма плачевном состоянии. Их привозят туда с ожогами, с синяками и переломами, а их детское сознание постоянно травмируется теми ужасными условиями, в которых им суждено было родиться.

Каждый профессионал, работающий с жертвами родительской жестокости, должен научиться справляться со своими чувствами. Что касается меня, то я достиг определенной степени контроля над собственными эмоциями, и все равно не в состоянии без спазма в горле осматривать этих избитых, измученных детей. Конечно, больные дети тоже страдают, но они ощущают родительскую любовь, что дает им по крайней мере эмоциональную поддержку. Изувеченные, избитые дети страдают и физически, и эмоционально. Никто не заботится о них. Никто не сочувствует. Некому пожаловаться. Некуда бежать. Они не понимают, за что их так ненавидят. А многие из них еще слишком малы и не могут придумать способ самозащиты или хотя бы позвать на помощь.

Этой весной мне пришлось наблюдать восьмилетнюю девочку, которую начиная с пятнадцатимесячного возраста неоднократно насиловал отец-алкоголик. Какая чудовищная трагедия! Другого ребенка из Лос-Анджелеса ослепила лезвием бритвы собственная мать. Способны ли вы поставить себя на место человека, который всю жизнь вынужден помнить, что его увечье - это результат обдуманного действия его родной матери? Другого маленького ребенка из нашего города выбросили из машины на шоссе, где он пролежал восемь или девять часов, а к ноге еще одного ребенка в порядке наказания приставили раскаленный утюг.

Менее пяти минут назад по радио в программе городских новостей сообщили о том, что нашли десятилетнюю девочку, повешенную за ноги в гараже ее родителей. Такого рода жуткие истории слишком хорошо известны тем, кто работает с детьми. Весьма вероятно, что в одной или двух милях от вашего дома чья-то юная жизнь подвергается мучениям вроде этих.

Брайан Фрезер, адвокат Национального Центра защиты страдающих и брошенных детей, пишет: "Жестокое отношение к детям... которое когда-то считалось распространенным главным образом среди бедных или опустившихся людей,, на

самом деле встречается во всех слоях общества и становится одной из главных причин детской смертности".

Было бы самым последним делом с моей стороны искать рациональное объяснение, оправдывающее такие ужасы. Поэтому я еще раз заявляю: я не верю в пользу жестокости и сурового наказания, с какими бы хорошими намерениями оно ни производилось. Ребенок должен быть окружен атмосферой любви, где он может свободно дышать, расти и развиваться. Однако на другом краю спектра взаимоотношений между родителями и детьми таится не меньшая опасность. Отшатнувшись от одной крайности, родители могут попасть в другую - в ловушку попустительства. Эта двойная опасность хорошо описана Маргерит и Виллардом Бичерами в их книге "Родительский марафон" ("Parents on the Run"):

" В прошлом взрослые, будучи центральными фигурами в доме, являлись хозяевами, а дети - их рабами. Сейчас же в домах, где царят дети, все наоборот: родители - рабы, а их дети - хозяева. Отношения типа "хозяин - раб" исключают подлинное сотрудничество, здесь и не пахнет демократией.

Ни запретительно-авторитарные приемы воспитания детей, ни новомодное "и так сойдет" не в состоянии развить личность во всю силу ее задатков, ибо ни то ни другое не воспитывает уверенности в себе.

Дети, растущие под строгим надзором неумолимого судьи, становятся либо безвольными автоматами, либо ожесточенными борцами за свои права, проводящими всю жизнь в конфликтах с окружающим миром. Однако дети, которые не знают иного закона, кроме "Я хочу", становятся рабами своих страстей. В обоих случаях дети вырастают несвободными. Ни те, ни другие не в состоянии поддерживать общество в сколько-нибудь приличном состоянии. Таким образом, следует подвязать саженец, чтобы он не гнулся в этих двух нежелательных направлениях".

Как же реализовать эти идеи? Как родителям выбрать правильный курс между малоприятными альтернативами вседозволенности и подавления? Какой стратегией следует воспользоваться в этом вопросе?

Наша цель не только в том, чтобы обуздать своеволие, как это описано в предыдущей главе, но и сделать это так, чтобы не сломить дух. Чтобы достичь заданной цели, необходимо ясно представить себе, в чем состоит разница между волей и духом.

Я уже говорил, что воля - могучая сила, присутствующая во всякой человеческой личности. Это одна из немногих ментальных составляющих, которая в полную силу проявляется уже в момент рождения. В недавнем номере журнала "Psychology Today" это положение подтверждается наблюдениями над маленькими детьми: "Младенец осознает себя еще до того, как он будет в состоянии рассказать нам об этом. Он рассчитывает на руководство со стороны своего окружения, особенно со стороны родителей". Это научное открытие вряд ли явится откровением для родителей своевольного ребенка. Они до дыр протерли пол в квартире, укачивая свое новорожденное чадо и наблюдая, как этот

крошечный диктатор совершенно явным образом навязывает им свои желания и требования.

Строптивый двухлетка может в состоянии гнева задерживать дыхание настолько, что теряет сознание. Тот, кто хоть раз был свидетелем подобной сцены, помнит свое потрясение от той энергии и ярости, с какими ребенок настаивал на своем. Один трехлетний упрямец, не желая слушаться своей матери, заявил ей: "Запомни, ты всего лишь моя мама!" Другая мамочка написала мне о схожей стычке со своим трехлетним сыном: она заставляла его есть, когда тому не хотелось. Ее настойчивость привела малыша в такую ярость, что он наотрез отказывался от еды и питья в течение двух дней. Он ослаб и поскурился, но стоял на своем. Мать ужасно волновалась, и, как и следовало ожидать, чувство вины росло в ней с каждым часом. Наконец не выдержал отец и, глядя ребенку в глаза, убедительно объяснил, что тот нарвется на порку, которую запомнит на всю жизнь, если не съест свой обед. И конфликт был исчерпан. Малыш капитулировал. Он начал быстро поглощать все то, что ему предлагали, и холодильник был опустошен буквально в одну минуту.

Скажите на милость, почему так мало специалистов в области детского воспитания обращают внимание на это упорное непослушание? Почему так мало пишут об этом? Я думаю, дело в том, что признание детского несовершенства не вполне соответствует тому гуманистическому представлению, что маленькие человечки исполнены света и доброты и лишь впоследствии "научаются" злу. Тем, кто разделяет этот розовый взгляд на предмет, я могу лишь сказать: "В действительности все несколько иначе".

Воля - это не какая-то нежная и податливая субстанция. Ведь даже у ребенка, душа которого закрыта и невосприимчива, часто бывает стальная воля, представляющая угрозу как для него самого, так и для окружающих. Такой тип может стоять на перилах моста, угрожая прыгнуть, в то время как армия, флот и местная пожарная часть стянуты для спасения его жизни. Моя точка зрения такова: воля поддается воздействию. Ее можно и нужно формировать и шлифовать, не делая из ребенка робота для нашего удобства, но развивая в нем способность к самодисциплине в дальнейшей жизни. В действительности на нас, родителях, лежит Богом данная обязанность формировать волю ребенка, как это описано в предыдущей главе.

С другой стороны (и это исключительно важно!), душа ребенка в миллион раз уязвимее, чем его воля. Это нежный цветок, который можно походя (пусть даже неумышленно) сломать и растоптать. Душа, как я уже говорил, определяет мироощущение ребенка: чувство собственного достоинства и самоуважение. Это самая хрупкая черта человеческой сущности, особенно уязвимая для пренебрежения, насмешек и всякого рода неудач.

Как же тогда мы должны обуздывать волю, одновременно сохраняя душу неповрежденной? Это достигается установлением четких правил и строгим их соблюдением. Однако делать это надо с любовью, не допуская и малейшего намека на то, что ваш ребенок - что-то нежеланное, ненужное, лишнее, глупое, безобразное и бессмысленное, что он - хомут на шее и ошибка природы. Всякое замечание, бьющее по достоинству ребенка, вроде: "Да ты просто идиот!" или

"Почему ты не можешь учиться так же хорошо, как твоя сестра?" или "Ты с самого рождения у меня в печенках!" - может впоследствии обойтись очень дорого.

Письмо, которое мне прислала одна женщина, мать троих детей, иллюстрирует как раз с точностью до наоборот все то, о чем я уже писал выше. Хочется проанализировать проблемы этой женщины и возможные причины ее неспособности справиться со своим строптивым сыночком Билли. (Замечу: некоторые детали этого письма слегка изменены, чтобы скрыть личность пишущей.)

Дорогой д-р Добсон!

Больше всего на свете мне хотелось бы иметь счастливую семью. У нас две дочки - трех и пяти лет - и десятилетний сын. Дети совершенно не ладят между собой, а сын - с отцом. Я постоянно ору на детей и едва успеваю следить за сыном, чтобы тот не дразнил сестер и не лупил их.

Учительница в прошлом году сказала, что его надо научить лучше ладить с одноклассниками. У него были неприятности на стадионе и в школьном автобусе. Он не способен, кажется, пройти от автобусной остановки до дома, не ввязавшись в драку или не бросив в кого-нибудь камнем. Поэтому я обычно сама забираю его из школы и привожу домой.

Он очень способный, но плохо пишет и ненавидит чистописание. Он раздражителен и вспыльчив (да и все мы тоже стали такими). Он высокий и сильный. Наш врач говорит, что с ним все в порядке. Но Билли редко находит себе какое-нибудь полезное занятие. Он любит смотреть телевизор, играть с водой или возиться в грязи.

Нас ужасно огорчает то, как он питается, но мы бессильны что-либо сделать с Этим. Он пьет молоко, ест джем, печенье и бутерброды. Раньше он ел много сосисок и колбасы - теперь меньше. Он обожает шоколад и жевательную резинку. Неподалеку от нас живет его бабушка, которая снабжает его всем этим в избытке. С этим мы тоже ничего не можем поделать.

Учителя Билли, его сестры и соседские ребята жалуются, что он ругается и обзывается. Мы всегда думаем о нем только плохое и видим все, связанное с ним, только в черном свете. Да и в самом деле, редкий день обходится без того, чтобы он что-нибудь не опрокинул или не сломал. Он бьет окна с тех пор, как начал ходить. Как-то он вернулся из школы раньше обычного, дом был заперт; недолго думая, он швырнул камень в окно своей комнаты, разбил его и влез внутрь. Совсем недавно он решил испробовать стеклорез на нашем зеркале в спальне. Большую часть времени он проводит у бабушки, которая во всем потакает ему. Мы понимаем, что она очень плохо влияет на мальчика, но и мы не лучше, поскольку все время сердимся и кричим на него.

Видимо, мы оказались в безнадежном положении. Билли становится старше и сильнее, но не набирается ума. Скажите, что же нам делать и куда обратиться?

Мой муж говорит, что ни за что не будет брать с собой Билли куда-нибудь на люди, пока он наконец не образумится и не будет "вести себя как подобает цивилизованному человеку". Он грозит сдать его в колонию. Я не могла бы отправить его туда. Он нуждается в людях, которые знают, что с ним делать. Пожалуйста, помогите нам, если можете.

Искренне ваша, миссис Т.

P.S. Наши дети - приемные, и это то небольшое, что дано нам в браке.

Перед нами горестная мольба о помощи, так как эта женщина, несомненно, искренна в своем уверении, что ей "больше всего на свете хотелось бы иметь счастливую семью". Однако из тона ее письма становится ясно: маловероятно, что она хоть когда-нибудь сможет осуществить свою мечту. В самом деле, ее страстное желание мира и гармонии, вероятнее всего, и вызвало многие проблемы с Билли. Мать допускает в своем обращении с сыном две очень серьезные ошибки из числа самых распространенных.

Во-первых, родители не предприняли никаких шагов, чтобы укротить его распушенность, хотя он прямо-таки взывает к их вмешательству. Да, страшно вато быть самому себе головой в свои десять лет и не найти ни одного взрослого, который был бы достоин твоего уважения. Не потому ли этот парнишка пренебрегает всеми нормами поведения и нападает на любой авторитет? Когда Билли объявил войну своей учительнице в школе, та спасовала перед его атакой. Единственное, что ей пришло в голову, - это вызвать взволнованную мать и заявить: "Билли нужно научить лучше ладить с одноклассниками". (Не правда ли, звучит более чем любезно? А ведь она могла наговорить гораздо более неприятных вещей о его поведении в классе!)

В школьном автобусе Билли вел себя, как распоясавшаяся шпана, подрался со своими одноклассниками по пути домой, выбил окна, поцарапал зеркало, непристойно ругался и мучил своих сестер. Он ест что попало, отказывается делать уроки и вообще исполнять какие бы то ни было обязанности. Можно ли сомневаться, что Билли буквально взывает: "Смотрите! Я делаю все не так! Любит ли меня хоть кто-нибудь, интересую ли я кого-нибудь? Неужто никто не может помочь мне? Я ненавижу мир, и мир ненавидит меня!"

Но единственной реакцией миссис Т. на неповиновение Билли было разочарование и печаль. Ее хватает только на то, чтобы постоянно одергивать сына, когда тот плохо ведет себя. Билли раздражителен и вспыльчив, но миссис Т. признается, что "и все мы стали такими". Она вместе с мужем осознает плохое влияние бабушки на внука: "Но и мы не лучше, поскольку постоянно сердимся и кричим на него". И что же мы видим: ее единственным орудием воспитания становится гнев, крик и слезы. Однако нет ничего более неэффективного в воспитании детей, чем проявление бурных эмоций, как мы увидим в следующей главе.

Из письма ясно, что сама миссис Т. и ее муж не хотят нести какой бы то ни было ответственности; в семье нет главы. Заметим, как много раз она повторяет с чувством: "Мы бессильны что-либо предпринять". Родители расстроены, что

Билли так беспорядочно питается: "...но мы не в состоянии ничего сделать с этим". Бабушка Билли кормит его всухомятку: мы опять-таки "...не можем ничего поделаться с этим". И вот, точно так же, они не могут запретить ему ругаться, мучить своих сестер, бить стекла или кидать камни в прохожих. Невольно мы задаемся вопросом: так в чем же дело? Почему так трудно управлять семейным кораблем? Почему его то швыряет волнами, то он садится на мель? Я могу ответить на этот вопрос: у корабля нет капитана! Корабль бесцельно дрейфует - у него нет руководителя, решительного волевого человека, способного вывести корабль в безопасные воды.

А теперь отметим вторую ошибку: вместо того, чтобы управлять неистовым Билли и укрощать его волю, в чем была острейшая необходимость, его родители направляют свои дисциплинарные усилия на его уязвленную душу. Они не только кричат и заламывают руки - их отчаяние выливается в личные выпады и враждебность. Легко представить, как его рассерженный отец кричит: "Почему ты не взрослеешь и не становишься человеком?" Почему ты ведешь себя, как отпетый негодяй? Ну вот что я тебе скажу. Я больше никогда и никуда не возьму тебя с собой и не подам даже вида, что ты - мой сын. Я действительно не обещаю, что ты еще долго будешь моим сыном. Если ты и дальше собираешься вести себя, как бандит с большой дороги, мы вышвырнем тебя из дома или сдадим тебя в приют. Посмотрим, как это тебе понравится!" С каждым таким обвинением достоинству Билли наносится непоправимый ущерб. И что толку от всех этих нападков? Сделали они его более милым и дружелюбным? Конечно же, нет! Он становится все хуже и грубее, все больше и больше убеждается в собственной никчемности. В результате душа Билли растоптана, а его воля, наоборот, достигла прямо-таки ураганной силы. И как это ни печально, люди, подобные Билли, становясь взрослыми, нередко переносят ту враждебность, которую они испытали по отношению к себе, на невинные жертвы за пределами семьи.

Если бы позволили обстоятельства, то мне бы хотелось пригласить Билли к себе домой на некоторое время. Его еще можно спасти, по крайней мере я бы хотел попробовать. Что бы я сделал для начала? Да просто сказал ему буквально с порога примерно следующее: "Билли, ты будешь жить у нас и, значит, станешь на это время членом нашей семьи. Поэтому мне хотелось бы кое-что обсудить с тобой. Во-первых, ты вскоре убедишься в том, как мы все здесь тебя любим. Я рад, что ты с нами, и хотел бы, чтобы эти дни стали счастливыми для тебя. Знай, что меня заботят твои чувства, проблемы и тревоги. Мы пригласили тебя к себе, потому что хотели, чтобы ты пожил с нами. Ты можешь рассчитывать на ту же любовь и уважение, что и наши собственные дети. Если тебе надо что-нибудь сказать мне, ты можешь всегда подойти и сделать это. Я не рассержусь и не заставлю тебя сожалеть о том, что ты доверился мне. Ни моя жена, ни я никогда не обидим тебя намеренно и не будем плохо обращаться с тобой. И ты увидишь - это не пустые обещания. Так поступают люди, когда они любят друг друга, а мы ведь уже любим тебя.

Но, Билли, есть и еще кое-что, что ты тоже должен понять. В нашем доме есть определенные правила, и ты должен придерживаться их вместе с нашими детьми. Тебе придется взять на себя свою долю обязанностей и дел, а самая главная твоя обязанность - это школьные уроки, которые надо делать по вечерам. Тебе потребуется неделя или две, чтобы приспособиться к нашим порядкам, и все это

время я буду рядом, чтобы помочь тебе. Но если ты откажешься слушаться, я буду наказывать тебя немедленно. Это поможет тебе избавиться от вредных привычек. Но даже наказывая, я буду любить тебя так же, как и сейчас".

И в первый же раз, как только Билли ослушается, я действовал бы весьма решительно. Не было бы ни криков, ни обвинений, но он бы понял, что я не шучу. Скорее всего я бы его как следует выпорол и отослал спать на час или два раньше. На следующее утро мы бы спокойно обсудили случившееся, а затем продолжали бы жить как ни в чем не бывало. Даже самые разболтанные дети прекрасно реагируют на "отеческую лозу" и последовательную дисциплину. Это идеальное сочетание. Повторяю: наша основная цель - это укрощение воли без насилия над душой. Эта двойная задача подчеркнута в Писании; особенно четко она сформулирована в следующих двух отрывках:

Формирование воли.

"Хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли печься о Церкви Божией?" (1-е Тимофею 3:4,5).

Бережное отношение к душе.

"И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем" (Ефесеям 6:4).

Вопросы.

Вопрос: Вы, наверное, помните очень популярную в свое время книгу "Чайка по имени Джонатан Ливингстон". В ней рассказывается о чайке, которая отказалась примкнуть к стае и следовать нормам своего "общества". По существу же, речь в книге, конечно, идет о таких свойствах, как ярко выраженная индивидуальность и независимость в человеческой, а не птичьей семье. Как вы относитесь к идее этой книги?

Ответ: Эта книга развивает вредную философию, которая может быть сформулирована в одной фразе: "Делай что хочешь". Можно выбрать любой лозунг, чтобы выразить ту же самую эгоистическую ориентацию, например, такой: "Хорошо то, что хорошо для меня" или такой: "Хочу во всем быть номером один!" Этот гедонистический взгляд на мир лег в основу многих других книг и песен, включая и душераздирающую балладу Сэмми Дейвиса младшего "Хочу быть собой" ("I've Gotta Be Me"). (Да кем он еще-то мог быть на самом деле, скажите на милость?) На совести у этого течения лежит и безмерно циничная пластинка Фрэнка Синатры "Шел своим путем" ("I Did It My Way").

Я убежден, что эти заявления противоречат духу христианства, которое делает акцент на любви, учит отдавать, заботиться, делиться, подставлять левую щеку, проходить два поприща и вообще следовать заповедям. Кроме того, крайний эгоизм несет в себе разрушительный заряд, который в состоянии смести с лица земли семью и даже общество в целом. Интересно, сколько же матерей и отцов по совету Чайки по имени Джонатан Ливингстон устремлялись на поиски

индивидуальности любой ценой? А дома ждали забытые дети, которые понесут печать отверженности до самой своей смерти! Моя же печальная обязанность - утешать маленьких страдальцев, чьи родители гордо "шли своим путем".

О морской чайке в применении к человеку хорошо сказал Филипп Янси:

"Легко понять, почему люди так любят морских чаек. Однажды я внимательно наблюдал за одной из них. Она с ликованием отдается свободе. Мощные взмахи крыльев поднимают ее все выше и выше, пока все другие не оказываются внизу, и затем она скользит вниз, выписывая великолепные пируэты. Она постоянно позирует, как будто знает, что ее снимают на пленку.

В стае, однако, морская чайка держится по-другому. Ее величие и достоинство превращаются в жестокость и драчливость. Взгляните, как та же самая чайка, вызывая раздражение других птиц и их сердитые резкие крики, пулей врывается в группу сородичей, чтобы ухватить кусочек мяса. Справедливая дележка и "хорошие манеры" не присущи чайкам. Они столь ревнивы и завистливы, что если вы завяжете красную ленту вокруг лапки одной из чаек и выпустите ее, то тем самым вы подпишете ей смертный приговор. Стая птиц тотчас же свирепо набрасывается на нее, долбит клювами, рвет когтями ее перья и тело, пока не покажется кровь. Они продолжают делать это до тех пор, пока птица не превращается в кровавое месиво."

Если уж надо поставить какую-нибудь птицу в пример нашему обществу, то чайка - это не самый лучший выбор.

Янси советует нам вместо этого поразмышлять о поведении гусей. Задумывались ли вы когда-нибудь, почему стая этих замечательных птиц летит, выстраиваясь клином? Недавно ученые установили, что таким образом они выигрывают в скорости при экономии сил. Первому приходится труднее всего из-за очень сильного напора ветра. Поэтому место впереди каждые несколько минут прямо на лету занимает другой гусь, что позволяет стае преодолевать большие расстояния без отдыха. Легче всего лететь в конце клина по обоим краям стаи. И вот что замечательно: сильные гуси уступают молодым, слабым и старым птицам эти падающие позиции. Считается, что постоянный крик диких гусей в стае - это своего рода ободрение, которое более сильные гуси выражают слабым. Кроме того, если усталость или болезнь заставляет гуся оставить стаю, его никогда не бросают на произвол судьбы. Здоровая птица последует за больной на землю и будет ждать, когда та сможет продолжить полет. Такая взаимовыручка способствует выживанию и благополучию стаи.

В заключение Янси пишет:

"Морская чайка учит меня рвать узы и летать. Но гусь дает мне больше - он учит меня летать "в семье". При поддержке друзей и вообще христиан, которые любят меня, я мог бы намного превзойти летное искусство любой чайки. С семьей я могу улететь дальше, чем если бы я летел в одиночку. А когда я лечу, мои усилия помогают каждому члену семьи.

Увы, временами мне кажется, что наше общество состоит из двухсот миллионов одиноких морских чаек, самодовольных и кичливых в своей независимости, за которую они платят непомерную цену одиночества и страха.

Примечание: Из этой книги я умышленно исключил рассуждения о дисциплине в школе. Одна из последующих книг будет посвящена этому предмету.

Вопрос: Почему дети, судя по всему, предпочитают строгих учителей?

Ответ: Ваше утверждение верно только отчасти. Никто ведь не любит противного старого ворчуна, пусть даже он действительно добивается строгого порядка и подчинения. Но вы правы, предполагая, что детей привлечет к себе тот учитель, который может управлять классом, не принося при этом в жертву любовь и доброжелательность. А это и есть то высокое искусство, которым владеют лучшие из учителей.

Добавлю еще: дети любят строгих наставников в первую очередь потому, что он может обеспечить спокойную и надежную атмосферу вокруг них - ведь дети нередко боятся друг друга и нуждаются в покровительстве старшего, способного их защитить.

Вопрос: Не кажется ли вам, что некоторые дети бывают неосознанно жестоки по отношению друг к другу?

Ответ: Я уверен в этом. Я сам пережил нечто подобное, когда мне было около восьми лет и я регулярно посещал воскресную школу. Однажды к нам пришел мальчик. Его звали Фред, и я как сейчас вижу его лицо, и, что еще важнее, я как сейчас вижу его уши. Они были загнуты в форме буквы "S" и заметно торчали. Я был очарован формой его необычных ушей, потому что они напоминали мне крылья джипа (в это время шла вторая мировая война). Не думая о чувствах Фреда, я обратил внимание моих товарищей на странную особенность его внешности. Все решили, что Крылья Джипа - ужасно забавная кличка для мальчика с такими ушами. Казалось, что и Фреда это тоже забавляло, и он веселился вместе с нами. Вдруг он перестал смеяться, вскочил весь пунцовый и с плачем бросился к дверям. В наш класс Фред больше никогда не возвращался.

Я помню до сих пор мой шок от столь внезапной и бурной реакции Фреда. Я не ожидал, что его так заденет моя маленькая шутка. Я никогда не обидел бы этого мальчика нарочно, это было не в моих правилах. Ответственность за случившееся я возлагаю на своих учителей и родителей. Им бы следовало объяснить мне, каково это - быть осмеянным, особенно за какой-нибудь физический недостаток. Моя мать, которая в отношениях с детьми проявляла исключительную мудрость, признала, что ей следовало научить меня ставить себя на место другого. Что же касается учителей воскресной школы, то я уж не помню, чему именно меня учили в то время, но самое лучшее, чему они могли бы научить нас, - так это истинному смыслу заповеди: "Возлюби ближнего, как самого себя".

Вопрос: Я знаю, что усыновление - довольно обычное явление сегодня, и дети должны, казалось бы, относиться к этому просто. Но я никак не могу решиться сказать правду моему мальчику. Хотелось бы получить совет, как это сделать.

Ответ: Лучший ответ на этот вопрос я нашел у д-ра Милтона Левина в его книге "Ваш ребенок от двух до пяти". Я процитирую книгу, а затем прокомментирую его взгляды.

Приемные дети с точки зрения здравого смысла.

Усыновление детей стало настолько распространенным явлением в наши дни, что заданный дрожащим голосом вопрос: "Следует ли говорить ребенку, что он нам не родной?" не годится сегодня даже для мелодрамы. Большинство родителей осознают, что если они расскажут об этом своим детям как можно раньше, то они тем самым только обеспечат прочный фундамент для их совместной жизни.

Тем не менее д-р Левин, член консультативного совета организации 2-to-5 World News и адъюнкт-профессор педиатрии Нью-Йоркского госпиталя и Корнелльского Медицинского Центра, отмечает: "Хотя усыновление больше не является каким-то постыдным секретом, а воспринимается как нечто само собой разумеющееся, тем не менее от родителей требуется большая деликатность, понимание и масса здравого смысла".

Родителям следует поведать ребенку о его усыновлении как можно раньше - например, когда он попросит рассказать ему какую-нибудь сказку. Это избавит ребенка от серьезного потрясения, которое может произойти с ним от подобного открытия в более старшем возрасте. Родители могут преподнести этот рассказ как чудесную историю о самом потрясающем и замечательном событии в их семье.

К сожалению, однако, желание отложить такое объяснение свойственно даже решительным родителям. "Лучше подождать, пока малыш немного подрастет, - тогда он поймет все правильно," - говорят они и откладывают разговор до тех пор, пока он из простого факта не превратится в семейную тайну, покрытую мраком. По мнению д-ра Левина, даже пяти-шестилетки уже воспринимают такое открытие как серьезную эмоциональную травму. Он призывает родителей:

1. Рассказать ребенку о том, что он приемный, как только он научится слушать сказки.
2. Использовать слово "приемный" в повествовании до тех пор, пока его значение не будет восприниматься как синоним "избранного" и "желанного".
3. Не делать попыток скрыть усыновление, даже если переезд в другое место будет этому способствовать.

"Некоторые приемные родители не могут расстаться с чувством, будто они не настоящие отец и мать ребенка,- говорит д-р Левин, - но для их же собственного покоя и для душевного здоровья детей им следует осознать, что в действительности они и только они - настоящие родители ребенка. Ведь именно они растили его с самого младенчества, любили и заботились о нем, и в отличие от тех неизвестных людей, всего лишь его биологических родителей, стали его подлинными отцом и матерью. Разницу не следует слишком подчеркивать - если дети случайно узнают от кого-то о факте их усыновления, их охватывает чувство непоправимой потери, чувство, что у них были папа и мама, а нынешние

родители им чужие, хотя они и любят их. Так вот, приемные родители таких детей подвергают опасности их уверенность в своем с ними тесном родстве и тем самым препятствуют пониманию истинной роли родителей.

Даже профессионалы разделились во мнении о том, что же следует говорить приемным детям об их биологических родителях, - говорит д-р Левин. Он указывает по крайней мере на три возможных подхода, но ни один из них не расценивает как окончательный ответ. Итак:

1. Сказать ребенку, что его биологические родители умерли.
2. Откровенно сообщить, что родителям по крови было трудно заботиться о ребенке самим.
3. Сказать ребенку, Что о его биологических родителях ничего не известно.

"Есть аргументы "за" и "против" всех этих решений, - подчеркивает д-р Левин, который предпочитает все же первый подход, потому что "дети, которым сказали, что их биологические родители умерли, свободны любить мать и отца, с которыми они живут. Они не будут мучиться навязчивой идеей поиска своих родителей по крови, когда вырастут.

Однако поскольку один из самых сильных детских страхов - это боязнь потерять кого-нибудь из родителей, то на самом деле может получиться так, что ребенок, которому сказали об их смерти, может почувствовать, что все его родители, в том числе и приемные, - это нечто непостоянное, - замечает д-р Левин. - Тем не менее мне кажется, что в конце концов ребенку легче смириться со смертью, чем с заброшенностью. Сказать ребенку, что он был оставлен родителями, так как они не могли заботиться о нем, означает поставить ребенка перед фактом его отверженности. Ему очень трудно постичь, почему же с ним так поступили. В ребенке может укорениться взгляд на себя как на некий ненужный предмет, за обладание которым не стоит бороться.

Другой мучительной проблемой является половое воспитание приемных детей. Самое простое и естественное объяснение рождения детей - это то, что ребенка зачали его мать и отец, потому что любили друг друга и хотели, чтобы у них родился малыш. Такое объяснение годится для родных детей. Но из-за сложности ситуации оно может послужить поводом для отчужденности между ребенком и его приемными родителями. У ребенка могут возникнуть сомнения относительно собственного происхождения и сложные отношения с природой вообще".

Я не согласен с д-ром Левиным только в части его замечаний о биологических родителях. Мне бы вообще не хотелось лгать ребенку, и тем более говорить, что его настоящие родители умерли, если это не соответствует действительности. Рано или поздно он узнает, что его ввели в заблуждение, что может поставить под сомнение всю историю усыновления.

Я скорее склонен сказать ребенку, что о его родителях почти ничего не известно. Ему может быть предложено несколько безобидных и неопределенных вариантов ответа, таких как: "Мы только можем догадываться о причинах, почему мужчина

и женщина оказались не в состоянии заботиться о ребенке. Возможно, они были очень бедны и им не на что было тебя растить. Быть может, женщина была больна или у нее не было дома... Мы точно не знаем. Но зато мы знаем другое: мы благодарны, что ты смог стать нашим сыном (или дочерью), и это был величайший дар, который Господь послал нам".

Кроме того, я прибавил бы еще три соображения к идеям д-ра Левина. Во-первых, родителям-христианам следует представить событие усыновления как величайшее благо (о чем сказано выше), которое взволновало и обрадовало всю семью. Расскажите, как вы молились о ребенке и как с нетерпением ждали ответа от Бога. Затем опишите, как пришла долгожданная весть о том, что Господь откликнулся на эти молитвы, и как вся семья благодарила Бога за этот Его дар любви. Пусть ваш ребенок узнает, как вы были восхищены, когда увидели его впервые лежащим в колыбели, и как трогательно он выглядел под своим голубеньким покрывальцем. Скажите ему, что его усыновление было самым счастливым днем в вашей жизни и как вы часами бегали к телефону, чтобы сообщить всем друзьям и родственникам эту фантастическую новость. (Я вполне допускаю, что все эти детали достоверны.) Ребенку можно рассказать историю усыновления Моисея дочерью фараона и как Бог избрал его для великого служения. Подберите другие подобные примеры. Восприятие ребенком события усыновления полностью зависит от того, как оно преподносилось ему в раннем возрасте. Ни в коем случае не следует представлять дело печально, как некую мрачную и тревожную тайну, которую пришла пора открыть.

Во-вторых, отмечайте каждый год с равным удовольствием два праздника - день его рождения и день, когда он стал вашим сыном (или дочерью). Поскольку остальные, родные дети отмечают один день рождения, второй праздник даст приемному ребенку возможность компенсировать те различия между ним и родными детьми, которые он может ощущать болезненно. Слово "приемный" употребляйте открыто и свободно, пока оно не потеряет свою жгучесть.

В-третьих, когда фундамент будет заложен и ранка затянется, просто забудьте об этом. Не напоминайте ему без конца о его исключительности, не доводите дело до абсурда. Упоминайте об этом в случае надобности без напряженности и озабоченности "как бышний раз не уколоть ребенка тем, что он приемный". Дети поразительно тонко воспринимают такие скрытые оттенки чувств.

Я глубоко уверен, что, следуя этим простым предписаниям здравого смысла, вы сможете вырастить вашего приемного ребенка, не нанося ему ни психологической травмы, ни морального ущерба.

Глава 4. Распространенные ошибки.

Д-р Бенджамин Спок, известный педиатр и автор книг, в последние годы подвергся резкой критике за свой мягкий и беспечный подход к воспитанию детей. Его обвиняют в подрыве родительского авторитета, а также в том, что с его помощью было выращено целое поколение непочтительных и непослушных детей. Для обывателя имя Спока стало символом вседозволенности и сверхснисходительности в отношениях родителей с детьми.

Но несколько лет назад, нарушая сложившийся образ, д-р Спок опубликовал в журнале "Redbook" статью, в которой показал себя сторонником твердой дисциплины. Обратите внимание на следующий отрывок из этой неожиданной статьи, озаглавленной "Не дайте ребенку стать "трудным"":

"Неумение проявить твердость - это, на мой взгляд, самая распространенная проблема родителей в сегодняшней Америке.

"Завтрак готов, садись за стол",- говорит мать. Ребенок притворяется, что не слышит, и мать, прекрасно понимая, что ее чадо и не собирается откликнуться на ее призыв, поворачивается и уходит в дом. "Сегодня холодно, надень пальто", - говорит мать. Восемилетний ребенок заявляет: "Я не хочу", - и его реплика остается без ответа. Через пятнадцать минут повторяется тот же разговор, и снова все кончается ничем.

"Я хочу еще конфету", - говорит ребенок. - "Ты же знаешь, что тебе можно взять только одну, разве не помнишь наш уговор?" - отвечает мать. - "А я хочу вторую",- повторяет он и медленно протягивает руку, глядя краешком глаза за матерью, чтобы быть уверенным, что на него не рассердятся. Мать решает, что проще махнуть рукой.

Сам по себе ни один из этих эпизодов не представляется таким уж важным. Однако если так будет продолжаться, то с каждым месяцем, и тем более годом, ребенок будет становиться все более требовательным, упрямым и непослушным. Эта скрытая борьба изматывает родителей и истощает их терпение и силы.

Я полагаю, что главная причина, по которой родители не могут проявить достаточную твердость, заключается в страхе, что если они будут настойчивы, то дети будут обижаться на них и, возможно, даже меньше любить их. Особенно это видно в экстремальной ситуации, когда бессовестный ребенок добивается чего угодно криком: "Я тебя ненавижу!" Испуганные родители немедленно идут на попятный.

Конечно, большинство людей не любит неприятностей. Поэтому мы предпочитаем по возможности поддерживать с людьми - включая наших собственных детей - мирные отношения. Однако это еще не повод, чтобы идти на непомерные, необоснованные уступки - если мы полагаем, что требования неразумны."

В заключение д-р Спок пишет:

"Чтобы заставить ребенка сделать то, что следует, или не делать, чего не следует, нужно быть предельно ясным и определенным. Эта определенность, в частности, состоит в том, чтобы не спускать глаз с ребенка до тех пор, пока он не выполнит ваши требования. Я не рекомендую брать пример с муштрующего солдат сержанта. Вовсе нет. Манера обращения может и должна быть дружелюбной. Спокойное и твердое обращение скорее вызовет у ребенка желание сотрудничать - вежливо, с готовностью, с открытой душой.

Я знаю, что это правда. Я убедился в этом на наглядных примерах - не сотни, а тысячи раз. Родительская твердость помогает воспитать счастливого ребенка."

Статья эта показалась мне занятной - и в то же время я ощутил некоторое замешательство. Неужели эти традиционные взгляды излагает не кто иной, как д-р Бенджамин Спок - великий поборник вседозволенности?! Неужели этот всемирно известный противник дисциплины выступает за родительскую власть и необходимость твердой руки? Я сделал заключение, что с возрастом педиатр пересмотрел свои взгляды и внес существенные изменения в свои рекомендации и выводы.

Меня восхитило то мужество, которое проявил д-р Спок, решившись опубликовать такую статью. Я думаю, что для профессионала такого высокого уровня, да еще обладающего мировой славой, труднее всего публично, во всеуслышание заявить: "Я был не прав". Что же касается д-ра Спока, то ему это было тем более трудно, если учесть ту волну критики, которая обрушилась на него в последнее десятилетие. И все же в своей статье в "Redbook" он открыто признал: "Когда мы поняли, какой вред нанесла наша самонадеянность, было уже слишком поздно".

Восхищенный его откровенностью, я почувствовал себя обязанным отправить ему сердечное письмо с выражением моего глубокого уважения. Я поблагодарил его за проявленное мужество и высоко оценил его взгляды, настолько близко совпадающие с моими. В конце я писал:

"По сути дела, столь красноречиво изложенные Вами принципы воспитания детей не придуманы ни Вами, ни мной. Более двух тысяч лет назад они были продиктованы человечеству Творцом всех детей. Не правда ли, поразительно, что в конечном счете Он всегда оказывается прав?!"

Есть еще одна причина, заставившая меня сослаться на статью д-ра Спока в журнале "Redbook". Я хотел особенно подчеркнуть одно из его наблюдений, которое мне представляется исключительно важным. Он говорит:

"Ребенок - допустим, девочка - очень тонко чувствует, когда родители испытывают сомнения, вину, раздражение. Это заставляет ее сопротивляться их требованиям и, в свою очередь, требовать для себя очередных поблажек и уступок. Ее скверное поведение вызывает у родителей все возрастающее раздражение, которое в конце концов находит выход во вспышке гнева - не важно, насколько сильна эта вспышка, - которая заставляет девочку уступить. Иными словами, снисходительность родителей вовсе не позволяет избежать ссоры; напротив, она делает ее неизбежной".

Поразительно точное замечание! Именно те родители, которые больше всего заботятся о том, чтобы избежать конфликта и ссоры с ребенком, в конце концов выходят из терпения и начинают кричать, угрожать, а потом и лупить ребенка. Результатом ложного мягкосердечия зачастую становится дурное обращение с детьми.

Здесь мы сталкиваемся с наиболее распространенной ошибкой в вопросах воспитания детей - и, быть может, эта ошибка обходится нам особенно дорого. Я говорю о неоправданном гневе родителей при попытках заставить детей подчиниться их требованиям. Я уже затрагивал этот предмет в своей книге "Не бойтесь наказывать", но, как мне кажется, он заслуживает более подробного обсуждения.

Не существует менее эффективного средства, чтобы управлять людьми, независимо от их возраста, нежели раздражение и гнев. А между тем большинство взрослых, пытаясь добиться чего-либо от детей, полагаются в первую очередь на свои эмоции. В одной из телевизионных программ некий учитель так и сказал: "Я люблю свою профессию учителя, но ненавижу ежедневную задачу воспитания детей. Мои дети настолько непослушны, что мне приходится постоянно сердиться, чтобы поддерживать в классе порядок". Какая жестокая безысходность - из года в год, изо дня в день быть озлобленным и раздраженным! Но тем не менее многие учителя (и родители) просто не знают иного способа воспитывать детей. Поверьте мне, способ этот изнурителен и не дает результата.

В том, что это так, вы можете убедиться на собственном примере. Представьте себе, скажем, что вы возвращаетесь домой в автомобиле. Вы торопитесь и сильно превышаете скорость - на целых сорок миль в час. На углу стоит одинокий полицейский. Да, он полицейский, но у него нет ничего, чтобы заставить вас остановиться. У него нет ни дежурной машины, ни мотоцикла; он без формы, у него нет пистолета, и вообще он сейчас не при исполнении служебных обязанностей и потому даже не может выписать вам штраф. Единственное, на что он способен, - это, стоя на обочине, выкрикивать в ваш адрес угрозы и оскорбления. Так неужели же вы сбавите скорость, если он будет потрясать кулаками, пытаясь остановить вас? Конечно же, нет! Скорее всего, вы издевательски помашете ему рукой, проносясь мимо. Его ярость не принесет никаких результатов - лишь выставит его в нелепом и смешном свете.

А теперь представьте себе, г-н Автомобилист, что в зеркало заднего обзора вы видите, что за вами мчится, сверкая красными сигнальными огнями, черно-белая полицейская машина. Конечно, тут уж никуда не денешься, придется остановиться. И вот к вам направляется изысканно вежливый полицейский шести с лишком футов роста, на боку у него кобура. "Сэр, - говорит он твердо, но вежливо тоном, не допускающим возражений, - наш радар показал, что вы едете со скоростью шестьдесят пять миль в час в зоне, где скорость ограничена двадцатью пятью милями. Не будете ли вы так добры показать мне ваше водительское удостоверение?" - Ну что? Он не выказал по отношению к вам ни малейшей враждебности, он был учтив и любезен - отчего же вы так струхнули? Почему перебираете документы в бумажнике трясущимися влажными руками, почему у вас пересохло во рту? Отчего так бешено бьется сердце? А потому, что вам заведомо известно - действия, которые предпримет представитель закона, не сулят вам ничего хорошего. Итак, именно его действия послужат причиной того, что в будущем вам придется переменить свои водительские привычки.

Не гнев, а дисциплинарные меры влияют на поведение. Между прочим, я убежден, что, давая волю своему гневу, взрослые теряют уважение детей. Они

подозревают, что наши срывы объясняются нашей неспособностью контролировать ситуацию. Мы являемся символом правосудия для них - так что же они могут подумать, когда на грани истерики, со слезами в голосе, мы начинаем размахивать руками и выкрикивать заведомо пустые предупреждения и угрозы? Что бы, к примеру, подумали вы, если бы во время судебного заседания увидели судью, ведущего себя подобным образом? Неужели вы бы почувствовали к нему уважение? Конечно же, нет.

Я вовсе не призываю родителей и учителей скрывать от детей свои чувства. Я не предлагаю, чтобы мы уподобились ни на что не реагирующим роботам. Случается, наши девочки и мальчики проявляют такое непослушание и ведут себя настолько безобразно, что наше раздражение абсолютно уместно. По сути дела, его и нельзя скрывать, ибо в противном случае мы будем выглядеть неискренними и ходульными. Единственное, чего нельзя допускать, - это чтобы гнев становился инструментом, с помощью которого мы пытаемся повлиять на поведение ребенка. Это неэффективно и может разрушительно повлиять на отношения между родителями и детьми.

Попробую проиллюстрировать свою точку зрения наглядным примером. Представим себе следующую сцену, которая сегодня может происходить в любой из двадцати миллионов американских семей. Второклассник Генри вернулся из школы после занятий. Ему необходимо как-то выплеснуть свою энергию. С самого утра он ходит на голове, но ничуть не устал - его просто распирает жажда деятельности. О его матери, миссис Герритол, этого сказать нельзя. Она на ногах с половины седьмого утра: накормила семью завтраком, убралась в квартире, собрала мужа на работу, а Генри в школу и с тех пор занята своими близняшками, которые ежеминутно подвергают себя всевозможным опасностям. К тому моменту, как в дом ворвался Генри, она крутилась без передышки уже восемь часов (у дошкольников не бывает перемен - у их мам тоже).

Она уже смертельно устала, а день еще не кончился. Ей предстоит еще по меньшей мере шесть часов работы - включая поход в магазин, приготовление ужина, мытье посуды, вечернее купанье близнецов и их укладывание. Вдобавок надо помочь Генри сделать уроки, помолиться с ним перед сном, заставить его почистить зубы, прочесть ему сказку на ночь, пожелать спокойной ночи, подоткнуть одеяло и принести ему один за другим по меньшей мере четыре стакана воды. Я впадаю в депрессию от одной только мысли об измученной миссис Герритол и ее домашних обязанностях.

Однако от Генри сострадания ждать не приходится - он настроен весьма экспансивно. Не зная, чем бы ему заняться, он начинает раздражать свою мать, чьи нервы и так уже на пределе. Он дразнит одного из близнецов и доводит его до слез, он дергает кошку за хвост и проливает воду из собачьей миски. Мать начинает закипать, но Генри словно бы не замечает этого. Отправившись в детскую, он вываливает на пол игрушки, выгребая их из самых дальних ящиков. Мать понимает, что кому-то придется убирать все это, - и даже догадывается, кому. Она повышает голос. Она велит ему отправляться в ванную и помыть руки перед обедом. Генри проводит в ванной пятнадцать минут и выходит оттуда с такими же грязными руками. К этому времени мать чувствует, как кровь пульсирует в жилах, и явственно ощущает приближение мигрени.

Так или иначе, но день наконец клонится к вечеру. Наступает решающая фаза - время отхода Генри ко сну. Но Генри не хочет в постель и знает, что обессиленной матери потребуется не менее получаса, чтобы загнать его туда. Он не подчиняется никаким просьбам и требованиям до тех пор, пока мать, разъярившись уже окончательно, не дает воли своему гневу. Завершение этой истории описано в книге "Не бойтесь наказывать", и я позволю себе привести оттуда обширную цитату:

"Восьмилетний Генри, сидя на полу, увлеченно играет в какую-то игру. Взглянув на часы, мать говорит: "Генри, уже почти девять часов (тридцать минут наинула), собирайся и марш в ванную". И Генри и мать знают - она вовсе не имеет в виду, что он должен немедленно отправляться в ванную. Она просто хочет, чтобы он начал думать о том, что пора умыться. Если бы вдруг он действительно встал и отправился в ванную, она, вероятно, от изумления упала бы в обморок. Примерно через десять минут мать снова обращается к Генри: "Генри, уже поздно, тебе завтра в школу, так что собирай игрушки и марш в ванную". Она все еще не ждет, что Генри подчинится, и он знает это. Шаркая ногами, Генри относит пару игрушек в угол, показывая, что слышал ее. Потом он снова располагается на полу и принимается за игру. Минут через шесть мать снова отдает ему распоряжение, и теперь в ее голосе звучит недвусмысленная угроза: "Послушай, молодой человек, я тебе сказала, чтобы ты пошевеливался - ты что, не слышал?" Для Генри это означает, что действительно пора собрать игрушки и тащиться в ванную. Если мать начнет приближаться к нему быстрым шагом, то придется даже поторопиться. Но если она замешкается и не успеет выполнить последних действий этого ритуала, то Генри насладится еще несколькими секундами отсрочки."

Как вы видите, Генри и его мать оба участвуют в этой одноактной пьесе; оба знают правила игры и роль партнера. Вся сцена заранее запрограммирована и рассчитана от первого до последнего движения. Когда мать хочет, чтобы Генри сделал что-то, что ему не нравится, она предпринимает для этого совершенно определенные шаги, действуя в совершенно определенной последовательности. Ее метод - это постепенное нагнетание наигранного гнева. Все начинается со спокойной просьбы и кончается пылающими щеками и страшными угрозами. Генри и не пошевелится, прежде чем ее гнев достигнет крайней точки. Какая нелепая игра! Прибегая к такому методу, мать вынуждена постоянно поддерживать себя в состоянии раздражения. Ее отношения с детьми ухудшаются, и каждый день кончается для нее мучительной головной болью. Она никогда не может рассчитывать на немедленное послушание - ведь ей требуется не меньше двадцати минут, чтобы достичь необходимой степени гнева.

Насколько же лучше добиваться подчинения с помощью действий. Существуют сотни способов достичь желаемого результата - одни подразумевают кнут, другие - пряник. Небольшое болевое воздействие, примененное вовремя, может послужить превосходным стимулом к хорошему поведению. Родители должны располагать каким-то действенным средством, чтобы заставить ребенка подчиняться. Тем, кто не нашел подходящего, я могу дать, например, такой совет: у основания шеи находится мышца, которую учебники по анатомии называют трапецевидной. Если ее сжать, она посылает в мозг следующее сообщение: "Больно; любой ценой не допустить повторения!" Боль эта непродолжительна и

не может причинить никакого вреда. Зато ребенок будет знать, что у матери есть достаточно действенное средство, чтобы заставить его прислушаться к ее требованиям.

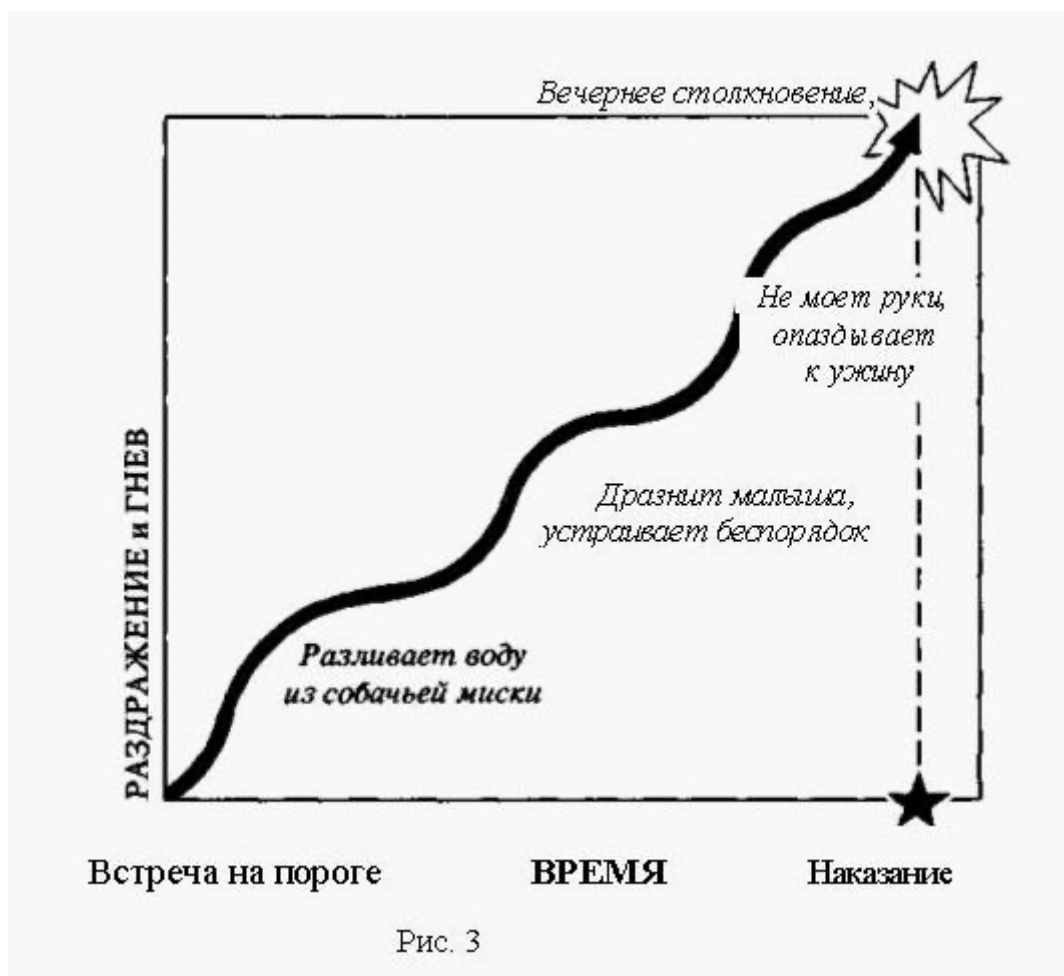
Впрочем, вернемся к Генри и его маме. Я порекомендовал бы ей выполнить следующую процедуру. Для начала сказать сыну, что у него есть еще пятнадцать минут для игры. Неплохо было бы поставить будильник. Когда через пятнадцать минут он зазвонит, мать должна спокойно сказать Генри, что ему пора идти в ванную. Если он немедленно не подчинится, нужно слегка прижать трапецевидную мышцу. Зная, что в случае неподчинения его неизбежно ожидает эта процедура, Генри, безусловно, отправится умываться прежде, чем матери придется принимать неприятную, но необходимую меру.

Наверняка среди моих читателей найдутся люди, которые сочтут, что сознательное, умышленное причинение боли милому малышу - это дурное, слишком жестокое воспитательное средство. Я прошу скептиков все же выслушать меня и оценить стоящую перед нами альтернативу. Альтернатива эта - непрерывные свары и ссоры между родителями и детьми. Когда ребенок понимает, что поток угроз кончается ничем, что все это лишь пустые слова, он просто перестает обращать на них внимание. Он будет реагировать на них лишь тогда, когда гнев родителей достигнет апогея. В таких случаях ребенок будет стараться делать назло и нарочно трепать родителям нервы.

При этом отношения между родителями и детьми не могут не быть напряженными. И, наконец, самое важное: эти словесные угрозы, как правило, рано или поздно кончаются тем, что родители все же подвергают ребенка физическому наказанию. И вот вместо того, чтобы, обращаясь с ребенком спокойно и справедливо, добиться от него послушания, вконец издерганная и расвирепевшая мамаша начинает лупить не желающего подчиняться сорванца. А ведь все могло бы кончиться иначе - если бы с самого начала мать избрала другую линию поведения. Мягко и благожелательно она должна была бы сказать: "Генри, ты ведь знаешь, что бывает, когда ты меня не слушаешься. Я не хотела бы делать тебе больно, но если ты настаиваешь - что ж, будь по-твоему. Когда прозвонит будильник, скажи мне, что ты решил". Итак, ребенок стоит перед выбором и прекрасно понимает, что для него будет выгодней подчиниться желанию матери. И вот - ей не нужно кричать. Ей не нужно грозить, выходить из себя, тратить нервные клетки, укорачивая тем самым свою жизнь. Она на высоте. Она контролирует ситуацию. Конечно, раз или два придется доказать ребенку, что она действительно может сделать ему больно - если в этом будет необходимость; и, наверное, в течение последующих месяцев ребенок захочет удостовериться в ее твердости и непреклонности. Но я нисколько не сомневаюсь в том, какой из этих двух подходов менее болезнен и порождает меньше враждебности между родителями и детьми. Для меня выбор совершенно однозначен.

Пример показанных мной взаимоотношений между Генри и его матерью может быть очень поучителен для родителей-"крикунов". На рисунке вычерчена диаграмма, на которой показано, как развивались события в этот тяжелый вечер. Момент, когда мама встретила Генри у дверей, отражает низшую точку раздражения. Далее ее нервозность постоянно увеличивается, и к вечеру достигает взрывоопасного состояния.

Своим последним проявлением гнева миссис Герритол дала Генри понять, что предупреждения закончились и она готова предпринять самые решительные действия. Дело в том, что большинство родителей (даже очень снисходительных), дойдя до определенного предела, теряют терпение; за этой чертой уже маячит неизбежное наказание. Поразительно, но дети абсолютно точно знают, где проходит эта черта. Они догадываются об этом по очевидным для них, но неуловимым для нас признакам, - а этих признаков по меньшей мере дюжина; сами того не замечая, в эти минуты мы начинаем называть ребенка полным именем (Уильям Торнтон Лэгфорд, отправляйся в ванну!) Наша речь становится резкой и отрывистой. (Молодой! Человек! Я! Кому! Говорю!..) Лицо краснеет (очень важный признак!), мы вскакиваем с места - и ребенок понимает, что настало время подчиниться.

Весьма интересная черта детской психологии заключается также в том, что, определив для себя обстоятельства, непосредственно предшествующие применению дисциплинарных мер, дети доводят родителей ровно до этой черты и могут приближаться к ней повторно, но крайне редко сознательно ее перешагивают. Пару раз Генри, конечно, может проигнорировать эмоциональные фейерверки матери - с тем, чтобы проверить, хватит ли ей мужества осуществить обещанные угрозы. Но получив ответ на этот вопрос, впоследствии он будет выполнять то, что от него требуется, в самый последний момент, в последнюю секунду перед неотвратимым - как он уже удостоверился - наказанием.

Здесь мы подходим к самому важному месту нашего рассуждения. То, что я собираюсь написать, трудно выразить словами. И все же я убежден, что мои рекомендации помогут родителям, уставшим от постоянной борьбы с детьми.

Я уже говорил, что родительский гнев часто служит для ребенка сигналом, что пришло-таки время подчиниться. И вот, хотя и неохотно, он выполняет требования - в тот момент, когда мама или папа окончательно выйдут из себя. Родители же, заметив, что готовность ребенка подчиниться прямо пропорциональна накалу эмоций, делают совершенно неверный вывод, будто именно их гнев заставляет ребенка уступить. Возникает ложное представление, что только таким образом можно удерживать бразды правления.

Возвратимся к истории с Генри. Мать семь или восемь раз напоминала ему, что пора идти умываться. Он повиновался - но лишь после того, как она вспылила, заставив ее считать, будто его послушание явилось результатом вспышки гнева с ее стороны. Какая ошибка! Вовсе не материнский гнев погнал Генри к умывальнику, а действие, которое он считал неизбежным. Для мальчика ее гнев был лишь знаком того, что мама "дозрела" и готова приложить воспитательный инструмент к его попке.

Я написал всю эту главу, чтобы донести одну-единственную мысль: гнев не поможет вам в воспитании ребенка. Вам поможет только действие. И чем раньше вы к нему прибегнете, тем меньшее наказание потребуются. К примеру, после двухчасового препирательства явно недостаточно будет просто ущипнуть ребенка за трапециевидную мышцу, в то время как в самом начале ссоры такое наказание было бы вполне достаточным. (Кстати, я не советую миниатюрным мамам пытаться ущипнуть за эту мышцу своих рослых детей-подростков. Для них это будет сопряжено с определенным риском. Есть золотое правило: если не можешь дотянуться, лучше не трогай.)

А теперь я хочу еще раз напомнить вам о ценном наблюдении д-ра Спока и показать, как оно соотносится с нашей диаграммой. Итак, д-р Спок говорит: "Снисходительность родителей (в данном случае имеются в виду родители, отказывающиеся от действий, или прибегающие к ним слишком поздно - прим. авт.) вовсе не позволяет избежать ссоры; напротив, она делает ее неизбежной". Вызывающее поведение ребенка "заставляет испытывать все возрастающее раздражение, которое в конечном счете завершается вспышкой гнева". Это именно то, что я пытаюсь сказать вот уже тринадцать лет!

Утверждение свидетельствует о понимании детей, которым часть взрослых наделена от природы, в то время как другие лишены его начисто. Речь идет о равновесии между любовью и строгостью, о признании того факта, что разумное и последовательное применение наказания не наносит ущерба достоинству ребенка, но создает у него ощущение безопасности.

Мне неоднократно приходилось слышать от матерей: "Я не понимаю, почему дети выполняют все, о чем просит их отец, а на мои просьбы не обращают внимания". Однако поведение детей вовсе не так загадочно, как кажется. Просто они заметили, что папа раньше переходит от слов к делу.

Дети зачастую оценивают расстановку сил куда лучше, чем их обремененные заботами родители. Вот почему дети сплошь и рядом выходят победителями из состязания воли: они отдают этой игре все силы, тогда как мы, взрослые, делаем это лишь по необходимости. Один отец как-то подслушал, как его пятилетняя дочь Лаура пригрозила своей младшей сестренке, сделавшей какую-то шалость: "Все маме расскажу. Или нет, расскажу папе. Он хуже". Лаура оценивала воспитательные методы обоих родителей и пришла к выводу, что действия отца более эффективны.

Этот же отец заметил, что его дочь становится все более непослушной и упрямой. Она дразнила других детей и не обращала внимания на замечания родителей. Отец решил, что не следует реагировать на такую перемену поведения в целом, и избрал другой путь - последовательно наказывать Лауру за каждый совершенный ею проступок до тех пор, пока она не уgomонится. В течение трех или четырех дней он не давал ей спуска. Ее шлепали, ставили в угол, запирали в спальне. Вечером четвертого дня она сидела на диване вместе с отцом и младшей сестрой. Неожиданно, без всякого повода, она вцепилась малышке в волосы - и тут же получила затрещину от отца. Лаура на какое-то время затихла, а потом сказала: "Да-аа-а! Мои штучки не проходят!"

Читатель наверняка припомнит аналогичные случаи из собственного детства - когда воспитательные методы взрослых подвергались тщательному анализу в поисках слабых мест. Будучи ребенком, я однажды ночевал у одного довольно буйного приятеля, который, казалось, умел предугадывать каждое движение своих родителей. Эрл вел себя подобно генералу, перехватившему вражескую шифровку и получившему возможность предупредить любое действие противника. После того как нас уложили спать, он решил поделиться кое-какими секретами:

"Когда папка разозлится, он начинает ругаться такими словами - обалдеть можно! (Тут он привел несколько впечатляющих примеров).

"Не может быть!" - воскликнул я.

Мистер Уолкер был сухощавым замкнутым человеком, достаточно сдержанным. Трудно было представить, что он может произносить те слова, о которых говорил Эрл.

"Хочешь докажу? - настаивал приятель. - Надо только болтать и смеяться вместо того, чтобы спать. Он будет приходить нас успокаивать. И с каждым разом он будет все злее - а потом ты услышишь его коронные словечки..."

Этот план показался мне довольно сомнительным, но очень уж хотелось видеть достойного мистера Уолкера ругающимся как извозчик. Мы с Эрлом заставили-таки бедного папашу крутиться волчком - он носился туда-обратно не меньше часа и, как и предполагалось, становился все агрессивнее и злее. Мне даже стало как-то не по себе, и я был не прочь прекратить эксперимент, но Эрл уже разошелся не на шутку. Время от времени с заговорщическим видом он шептал: "Уже скоро!"

Наконец, около полуночи это произошло. Терпение мистера Уолкера лопнуло. С грохотом он ворвался в нашу комнату, весь дом сотрясаясь от его шагов. Распахнув дверь, он подлетел к кровати и буквально обрушился на сына. Он колотил Эрла, укрытого, по счастью, тремя одеялами, сопровождая это бранью, какой мне, по малолетству, слышать не приходилось. Я был в ужасе, Эрл - в восторге.

Пока отец колотил одеяло, извергая потоки брани, Эрл приподнялся и крикнул мне: "Ну, слышишь? Я же говорил, что он скажет это слово!" До сих пор удивляюсь, почему мистер Уолкер в этот момент не убил своего сына!

Той ночью я долго не мог заснуть, размышляя об увиденном. Я твердо решил, что, став взрослым, никогда не позволю ребенку так измываться надо мной. В самом деле, когда этот малолетний "узел проблем" сознательно издевается над родителями, превращая, казалось бы, могущественных маму или папу в дрожащий комок нервов, что-то в их отношениях меняется. Утрачивается нечто бесценное и необходимое. В ребенке вырабатывается неуважение к власти, которое, безусловно, вырывается наружу в бурные годы взросления.

Неподалеку от нашего дома в Аркадии, штат Калифорния, живет человек, прекрасно понимающий детей. Зовут его Бад Линдон. Он владелец и руководитель школы плавания. Мистеру Линдону сейчас около шестидесяти лет, и большую часть своей жизни он работает с детьми. Он замечательный знаток различных воспитательных методов, и я получаю истинное наслаждение, наблюдая, как он тренирует малышей в бассейне. Не каждый профессор педагогики смог бы объяснить, каким образом Бад Линдон добивается таких успехов. Мистер Линдон обращается с детьми без всякого сюсюканья, напротив, он разговаривает с ними с нарочитой резкостью и даже грубоватостью. Если кто-нибудь из них начинает шалить, он брызгает ослушнику водой в лицо и сердито кричит: "Это еще что такое? Разве я разрешал тебе двигаться?" В группе царит железная дисциплина, даром не пропадает ни минуты. И при этом - хотите верьте, хотите нет - дети любят Бада Линдона. Почему? Да потому, что они знают: он любит их. Под напускной строгостью скрывается нежность, которой может и не заметить взрослый наблюдатель. Мистер Линдон никогда не унижает детей, не ставит в неловкое положение и не позволяет сильным обижать слабых. Властность уравнивается в нем добротой - и за это дети платят ему самой искренней привязанностью. Бад Линдон понимает смысл выражения "наказывай любя".

Когда я учился в девятом классе, у нас был тренер по легкой атлетике, который вел себя примерно так же. Он всегда оставался хозяином положения, и его авторитет для всех нас был абсолютно непререкаемым. Я бы скорее решился войти в клетку льва, чем вступить в пререкания с мистером Айерсом. Да, я боялся его. Все мы его боялись. Но он никогда не злоупотреблял этим. Уважение к личности сочеталось в нем с властностью и умением держать в подчинении стаю молодых волков, способных растерзать в клочья менее достойных учителей. Вот почему, когда мне было пятнадцать, тренер по легкой атлетике имел на меня гораздо большее влияние, нежели любой другой человек. Крейг Айерс умел совмещать любовь с дисциплиной.

Не каждый родитель может тягаться с мистером Линдоном или мистером Айерсом - да я и не предлагаю им. Было бы просто глупо, если бы мать вела себя дома, как тренер в гимнастическом зале или бассейне. Каждый человек должен подходить к воспитанию в соответствии со своей индивидуальностью и быть естественным во всех проявлениях. Но так или иначе, все мы, отцы и матери, тренеры и учителя, педиатры и психологи, должны руководствоваться одними и теми же принципами: любовь и строгость, разумная мера ответственности и самоконтроля для каждого возраста, родительское руководство без лишнего крика, уважение к личности и достоинству ребенка, реалистические требования и спокойная твердость при их выполнении, справедливое использование поощрений и наказаний. Это система, одобренная Самим Творцом.

Вопросы.

Вопрос: Это очень просто - советовать не сердиться на детей, но бывают минуты, когда они приводят меня в бешенство. Например, для меня настоящая пытка - заставлять десятилетнюю дочь вовремя собраться к приходу школьного автобуса. И эта пытка продолжается каждое утро. Она встает, когда я ее бужу, но стоит выйти из комнаты, как она начинает слоняться из угла в угол или играть. Я должна ежеминутно ее подгонять, подталкивать - иначе эта копуша опоздает. Естественно, с каждой минутой я заводжусь все сильнее, и, как правило, дело кончается криком и угрозами. Я понимаю, что это далеко не лучший способ, но ничего не могу поделать. Иной раз я просто готова ее прибить. Объясните, пожалуйста, как мне быть, чтобы заставить ее шевелиться без этих каждодневных скандалов?

Ответ: Вы играете вашей дочери на руку, приняв на себя обязанность каждое утро собирать ее в школу. В ее возрасте она вполне может справиться с этой задачей своими силами, но ваши эмоции здесь не помогут. В прошлом году наша дочь поставила нас перед подобной проблемой. Быть может, вы сможете воспользоваться нашим опытом.

Утренние трудности нашей дочери Данаи связаны прежде всего с ее болезненной любовью к порядку. Она не уйдет в школу, пока не доведет свою комнату до совершенства и не разложит по местам все свои причиндалы. Мы вовсе не приучали ее к этому; она с самого начала отличалась невероятной аккуратностью и педантичностью (добавлю, кстати, что о ее брате Райане этого никак не скажешь). Конечно, Даная могла бы легко успеть сделать все вовремя - но ведь для этого нужно было поторопиться, а она не видела в этом большой нужды. И вот моя жена регулярно занималась тем же, чем и вы: она дергала, торопила, подталкивала, предупреждала, грозила, и напряжение в доме все возрастало по мере того, как стрелки часов подходили к роковой отметке.

Обсудив эту проблему, мы с Ширли решили, что следует найти лучший способ преодоления утренних трудностей. Постепенно я разработал целую систему, суть которой состояла в следующем. Даная знала, что должна встать не позднее половины седьмого; ее никто не будил - она должна была сама завести будильник и утром подняться по звонку. Если она вставала вовремя (в счет шло даже минутное опоздание), она тут же отправлялась на кухню. Здесь, на дверце холодильника, был прикреплен график, на котором она должна была - в

соответствии со своим результатом -обвести слово "да" или "нет". Куда уж проще - первая отметка зависела от того, поднялась ли Данаая до шести тридцати или после.

Вторую отметку она должна была сделать через сорок минут - в семь десять. К этому времени Данаая должна была убрать комнату, как ей хотелось, одеться, почистить зубы, причесаться и быть готовой к тому, чтобы сесть за пианино. Для того, чтобы сделать все эти дела, сорока минут более чем достаточно; если бы Данаая поторопилась, она вполне могла бы управиться минут за десять-пятнадцать. Стало быть, чтобы поставить себе на этом этапе отрицательную отметку, надо было действительно постараться.

Какими же последствиями грозили для Данаи отрицательные отметки, спросите вы? Вызывали они гнев и ярость и скрежет зубовой? Нет, конечно. Все было гораздо проще - и справедливее. За одну отрицательную отметку Данаю отправляли в постель на полчаса раньше, чем обычно. За две - на целый час. В это время ей разрешено было читать, но запрещалось смотреть телевизор и болтать по телефону. Таким образом, ответственность за утренние сборы целиком переместилась с плеч Ширли на плечи Данаи, где ей и полагалось быть. Бывали случаи, когда, встав, чтобы приготовить завтрак, Ширли заставляла Данаю за фортепьяно, уже одетую, причесанную и в наилучшем расположении духа заканчивающую свой урок по музыке.

Эта система вполне может быть использована родителями, имеющими сходные проблемы. В ней нет элемента насилия, подавления личности; похоже, Данае доставляла удовольствие эта стрельба по расставленным мишеням. Правила были заранее четко определены; ответственность за их выполнение возложена на ребенка; последствия неисполнения справедливы и очевидны. От взрослых же не требуется ничего - ни криков, ни топанья ногами.

Каждая семья может приспособить эту систему для разрешения своих трудностей. Возможности метода безграничны - необходимо лишь воображение и творческий подход.

Вопрос: Перечислите, пожалуйста, другие наиболее распространенные ошибки, которые родители допускают в воспитании своих детей.

Ответ: Мы очень легко приобретаем привычку на все говорить детям "нет".

"Нет, тебе нельзя на улицу".

"Нет, тебе больше нельзя конфет".

"Нет, я не разрешаю тебе звонить по телефону".

"Нет, я не позволю тебе ночевать у подружки".

Мы, родители, практически на любую из этих просьб могли бы дать детям положительный ответ, и все же, почти автоматически, отвечаем отрицательно. Почему? Да потому, что мы не даем себе труда на минуту остановиться и

подумать о возможных последствиях; потому что не хочется лишний раз утруждать себя, напрягаться и волноваться; потому что наши дети просят нас о чем-нибудь по тысяче раз на дню и нам гораздо удобнее на все отвечать отказом.

Безусловно, ребенок должен знать, что такое "нельзя", и все же родители каждый раз должны задумываться, стоит ли отказывать ребенку в его просьбе. В конце концов, в жизни так много неизбежных "нет", что по мере возможности, когда позволяют время и обстоятельства, нужно говорить детям "да".

Д-р Фицхью Додсон выразил эту мысль в своей книге "Как быть отцом", где он пишет о необходимости положительного взаимодействия с ребенком, при котором родители ничего не требуют и не приказывают.

Задумайтесь над тем, каким видит вас ваш ребенок, если на 99 процентов ваша роль сводится к тому, что вы постоянно чего-то от него требуете, что-то запрещаете, ежеминутно его понукаете и браните. Если это так, то эмоциональную основу ваших отношений с ребенком никак нельзя назвать позитивной. Необходимо, чтобы вы проводили с ребенком какое-то время, ничего от него не требуя, чтобы вы оба получали удовольствие от общения друг с другом. Сказанное выше особенно важно для детей в первые пять лет их жизни, поскольку именно в этом возрасте закладываются основы их взаимоотношений с родителями. Всем нам известно, что такое взбунтовавшиеся против родительской власти подростки - в большинстве случаев этого можно было бы избежать, если бы родители - в первую очередь, отец - сознательно строили свои отношения с детьми дошкольного возраста таким образом, чтобы заложить прочный фундамент духовной близости на будущее.

Вопрос: Доводилось ли вам видеть небольшую книжечку для родителей "Дети - удовольствие или отчаяние?" Если да, то что вы можете сказать о предложенных в ней рекомендациях по воспитанию детей?

Ответ: Да, я знаю эту книгу, написанную Пат Фабрицио. Тысячи экземпляров этой книги распространялись в христианских общинах. В ней и в схожей публикации "Почему папа любит приходить домой" миссис Фабрицио рассказывает о своем собственном опыте: она долгое время была слишком снисходительной матерью, и ее дети росли непослушными и неуважающими родителей. Пытаясь справиться с ними, она и ее муж открыли для себя библейские принципы воспитания, применение которых стало поворотным, пунктом в жизни их семьи.

Безусловно, в этой книге содержится несколько ценных идей. Однако меня смущает чрезмерное увлечение миссис Фабрицио телесными наказаниями. Позволю себе привести одну цитату из этой книги: "...Каждый раз, когда я прошу ребенка сделать что-нибудь - скажем, "иди сюда", "не трогай", "тихо", "положи на место" - я должна видеть, что он подчиняется моему требованию. Если после того, как я говорю это нормальным, спокойным тоном, он немедленно не исполняет моей просьбы, я должна взять ремень и вытянуть его хорошенько (этого требует любовь) - ему должно быть достаточно больно, чтобы он не захотел повторения".

Чуть ниже она пишет о необходимости пороть ребенка "за малейшее неповиновение" и несколько дальше: независимо от обстоятельств, которыми вызван проступок, наказание должно быть всегда одним и тем же, ведь неправильное выполнение - это тоже неповиновение.

Далее миссис Фабрицио описывает, как она выпорола свою дочь за то, что та "собиралась сделать то, о чем я ее попросила, но заигралась и забыла". Мне кажется, что здесь миссис Фабрицио перегибает палку. Я считаю, что телесное наказание можно применять лишь в ответ на умышленное, сознательное неповиновение. Это нормальная реакция родителей на детское "Не буду". Но бить ребенка за забывчивость - это по меньшей мере неразумно. Должен сказать, что я по настоящему расстроился, прочитав описание вечера, когда мистер и миссис Фабрицио решили, что были неправы, не на-казав провинившегося малыша перед сном. И вот папа вошел в комнату и поднял его с постели. Он посадил ребенка на колени и, дождавшись, пока тот окончательно проснется, сказал ему, что мы не чувствуем умиротворения. Нам кажется, что мы не выполнили повелений Господа, который велит родителям учить детей. Так что нам придется выпороть его за то, что он не слушался. Выпоров, он уложил его обратно в постель".

Попробуйте поставить себя на место этого ребенка. Вы представляете, что он чувствовал? Его разбудили, когда он сладко спал, и выпороли за то, что случилось несколько часов назад! Полуторогодовалый ребенок с трудом может вспомнить, что он делал минуту назад; вчерашние события для него - это уже далекие и смутные воспоминания. И вот терзаемый чувством вины папаша признается ему, что "он ослушался Господа". Какой ужас! Лучший способ сделать так, чтобы ребенка мучили по ночам кошмары, это заставить его бояться, что Господь ночью пошлет к нему папу, чтобы отшлепать его за вчерашний проступок.

Эти перегибы миссис Фабрицио расстраивают меня больше всего потому, что основная идея книги - очень важна, своевременна и необходима. Дети должны уважать своих родителей и отвечать за свои поступки. И действительно большинство из них время от времени нуждаются в порке. Но нельзя ограничиваться применением одной воспитательной меры. Иногда куда разумнее наказать ребенка, посадив его на стул на десять минут и запретив ему вставать. В других случаях можно лишить его какого-либо удовольствия или отправить в постель на час раньше обычного. Существует множество способов наказания, которые следует применять в зависимости от обстоятельств и тяжести проступка. Между прочим, иногда бывает полезно поступить следующим образом: заговорить с провинившимся ребенком и неожиданно - и совершенно незаслуженно - сделать ему что-нибудь приятное. Моя точка зрения состоит в том, что дети - бесконечно сложные существа, и потому от воспитателя требуется немалый такт, хитрость, мужество и понимание.

В конечном счете высшее достоинство родителей состоит в умении взглянуть на мир глазами ребенка, попытаться увидеть то, что видит он, и почувствовать то, что чувствует он. Когда ребенку одиноко, он нуждается в нашем обществе. Когда его поведение становится вызывающим, вы должны помочь ему справиться со своими порывами. Когда ему страшно, он находит защиту в ваших объятиях. Когда он задает вопросы, вы должны терпеливо ответить на них. Когда он чему-то радуется, он стремится поделиться своей радостью с теми, кого любит.

И потому родители, интуитивно понимающие детские чувства, могут ответить на них должным образом, дав ребенку именно то, что ему нужно. В этом отношении воспитание детей является тонким и изощренным искусством, требующим величайшей мудрости, терпения, преданности и любви, какими наделил нас Господь. Апостол Павел назвал жизнь христианина "разумным служением". И мы, родители, должны руководствоваться этим высоким стандартом в деле воспитания наших детей.

Я вовсе не собираюсь подвергнуть книги миссис Фабрицио сокрушительной критике, потому что понимаю: она стремится осуществить на деле библейские принципы, в которые мы оба верим. И все же ее излишний пыл представляется мне опасным. Чрезвычайно важно, чтобы дети понимали цель наказания и принимали его как справедливое и заслуженное. Когда шлепки раздаются направо и налево "за малейшее неповиновение", в ребенке может развиться отчуждение, которое станет благодатной почвой для будущих конфликтов.

Глава 5. Соперничество

В своей последней книге я описывал эпизод, хорошо иллюстрирующий такое понятие, как "родительская депрессия". Здесь я вкратце повторю его: когда нашему сыну Райану было четыре месяца, моя жена положила его на пеленальный столик, чтобы сменить пеленки. Как только она развернула ребенка, забивший из него фонтанчик оросил стену, ковер и висевшую на стене картину. Ширли еще не успела навести порядок, как зазвонил телефон; пока ее не было, у Райана случился приступ кишечной диареи - на этот раз от его пулеметной очереди пострадала кровать и значительная часть детской. К тому времени, как моя терпеливая жена выкупала мальчика и выдраила комнату, она уже еле стояла на ногах от усталости. Завернув Райана в чистые, благоухающие пеленки, она взяла его на руки и нежно прижала к груди. В этот момент он срыгнул, и то, что было его завтраком, потекло ей прямо за шиворот. Когда я вернулся домой с работы, Ширли сидела в темном углу гостиной, глядя в одну точку, что-то бормоча про себя, отрешено и бессмысленно покачиваясь из стороны в сторону. Такова цена, которую мы платим за желание оставить после себя потомство. (Один отец говорил о своем маленьком сыне, что "с одного конца у него дырка для крика, а с другого - для дерьма"). Я думаю, следует признать, что быть отцом или матерью - это не только одна из величайших радостей, но и акт самопожертвования и самоотречения. Все действительно ценное стоит дорого, и дети не исключение из этого правила. С другой стороны, я убежден, что многие трудности воспитания детей, проистекают из нашего неумения спланировать и организовать дело. Трудности, с которыми сталкиваются родители, почти никогда не бывают новыми или беспрецедентными; у всех нас одни и те же проблемы. Существуют лучшие пути их решения. В этой и следующей главах мы попробуем свежим взглядом взглянуть на две из этих универсальных проблем.

Хмурые братья и угрюмые сестры

Если бы американских женщин попросили назвать самую неприятную вещь в воспитании детей, я убежден, что наибольшее число голосов получила бы проблема ревности между братьями и сестрами. Маленькие дети (да и старшие

тоже) обычно не довольствуются тайной враждебностью. Они атакуют друг друга, как маленькие воины, мобилизуя войска и нащупывая слабые места в линии обороны противника. Они спорят, ссорятся, дерутся, щипаются, кусаются, визжат, отбирают игрушки, дразнят и ябедничают. Я знал одного ребенка, который, заболев, страшно злился, что его старший брат здоров и потихоньку сморкался на мундштук

его флейты, втайне надеясь, что ему удастся таким путем заразить брата. Победленным на поле такой битвы, как правило, оказывается мать, которой вначале приходится прислушиваться к шуму брани, а потом выносить с поля боя раненых. И если по своей природе она стремится к миру и покою (а это присуще большинству женщин), то она может просто не вынести этой непрерывной канонады. Журналистка Энн Лэндер недавно попросила своих читательниц ответить на вопрос: "Если бы вы знали раньше то, что знаете сейчас, согласились бы вы иметь детей?" Семьдесят процентов из двухсот тысяч ответивших на это вопрос женщин сказали: "Нет!" На аналогичный вопрос журнала "Хорошая домашняя хозяйка" девяносто пять процентов респонденток ответили: "Да." Я затрудняюсь объяснить такие противоречивые результаты двух одинаковых опросов, хотя некоторый свет на эту странность могут пролить сопроводительные комментарии опрошенных женщин. Так, к примеру, одна из них, не пожелавшая назвать свое имя, написала: "Согласилась ли бы я иметь детей? Тысячу раз нет! Мои дети совершенно погубили мою жизнь, разрушили мой брак и мою личность. От них нет никакой радости. Молитвы не помогают - ничто не может остановить орущего ребенка". Я не согласен с ней. Я убежден, что существует нечто, что может остановить орущего ребенка - и не одного, а целую дюжину. Ни в коем случае нельзя позволять детям портить жизнь друг другу и окружающим. Детская ревность с трудом поддается "лечению", но, конечно же, против нее есть определенные средства. Я хочу предложить вашему вниманию три принципа, применение которых может помочь вам установить дома если не мир, то по меньшей мере перемирие.

1. Не разжигайте в детях естественной ревности.

Соперничество между братьями и сестрами - явление, безусловно, не новое. Именно оно привело к совершению первого на земле убийства (я говорю о Каине и Авеле), и с незапамятных времен в той или иной форме проявлялось практически в каждой семье, где было больше одного ребенка. В основе этого конфликта - извечная ревность и соперничество между детьми. Маргарит и Виллард Вихер в своей книге "Родительский марафон" описали это неизбежное столкновение следующим образом: "Раньше считалось, что если родители заранее скажут ребенку, что скоро у него появится маленький братик или сестричка, то он воспримет это как должное. Ему говорили, что родители так счастливы от общения с ним, что им хочется испытать еще большее счастье. Предполагалось, что таким образом можно будет избежать ревности и духа соперничества. Однако ничего не вышло. Да и как могло что-то получиться? Представьте себе, к примеру, как муж говорит жене, что он так любит ее, что решил взять в дом еще одну жену, чтобы "испытать еще большее счастье". Стоит ли говорить о том, что эти слова не избавят жену от ревности? Напротив, тут-то и начинается война - точно так же, как это происходит с детьми" (1).

Но если ревность так естественна, что же могут предпринять родители, чтобы свести к минимуму тот неизбежный антагонизм, который ребенок чувствует по отношению к младшему брату или сестре? Самый первый шаг - это тщательно избегать обстоятельств, при которых сравнение детей может оказаться не в пользу одного из них. Специалист по вопросам воспитания Билл Готард установил, что в основе чувства собственной неполноценности лежит сравнение. Я полностью с ним согласен. Для ребенка вопрос стоит не: "Как у меня это получается?", а совсем иначе: "Как у меня это получается по сравнению с Джоном, или Стивеном, или Мэрион?" Каждый ребенок постоянно сравнивает себя со своими ровесниками, а оказаться последним в каком бы то ни было отношении в собственной семье - это для него настоящая травма. В соответствии с этим, родители должны всячески избегать сравнений и сопоставлений, которые ставили бы одного ребенка выше другого. Это особенно важно в трех следующих сферах. Во-первых, дети необычайно чувствительны, когда речь идет об их физической привлекательности и телосложении. Трудно распалить детей сильнее, чем похвалив одного за счет другого. Представьте, к примеру, что Шарон случайно услышала слова, сказанные о ее сестре: "Из Бэтти наверняка вырастет настоящая красавица". Уже тот факт, что о самой Шарон не сказали ничего, достаточен, чтобы сделать из девочек соперниц. И можете быть уверены, что Шарон сделала из услышанного свои выводы: "Ну да, а я-то, конечно, уродина". И если родители в дальнейшем ненароком подтвердят ее подозрения, то в девочке, несомненно, разовьются ревность и озлобление. Красота - самый значительный фактор в самооценке западных детей - это свое мнение я уже выразил в книге "Прятаться или искать". Любые мимоходом, ненароком оброненные слова родителей по этому поводу будут тщательно продуманы и проанализированы ребенком и могут стать причиной настоящей ненависти между братьями и сестрами. Во-вторых, с чрезвычайной аккуратностью родители должны относиться к своим высказываниям об умственных способностях детей. Достаточно часто можно слышать, как родители в присутствии детей заявляют, к примеру, следующее: "Я думаю, наш младший мальчик значительно способнее своего брата". Взрослые зачастую просто не понимают, что подобная оценка может оказать сильнейшее воздействие на ребенка. Даже в тех случаях, когда эти замечания высказываются невзначай и сами родители не придают им особого значения, дети могут сделать вывод о том, как к ним относятся, какими их видят в семье. А ведь даже мы, взрослые, чувствительны к подобного рода свидетельствам. И, наконец, в-третьих, дети (особенно мальчики) крайне внимательно относятся к своим физическим возможностям и способностям. Мальчики, уступающие своим братьям в силе и ловкости, редко бывают готовы с достоинством смириться со своими вторыми ролями. В качестве примера приведу вам записку, которую передала мне мать двоих сыновей. Эта записка написана девятилетним мальчиком и адресована его восьмилетнему брату после того, как младший брат обставил его в состязаниях в беге: "Дорогой Джим! Я лучше

всех, а ты хуже всех. Я могу обогнать кого хочешь, а ты никого. Я самый умный, а ты дурак. Я самый лучший спортсмен, а ты слабак. И еще ты свинья. Я всех победю. Вот так. И точка. Всегда твой, Ричард". Забавная записка, не правда ли? С беднягой Ричардом все ясно: он не стерпел унижения и, вернувшись с ристалища домой, водрузил боевой флаг. Я не удивлюсь, если месяца два он, затаившись, будет выжидать возможности запустить пару торпед в мягкую попку Джима. Такова природа человека! Так что же, я предлагаю родителям полностью

игнорировать индивидуальность своих детей? Должны ли они исключать здоровое соревнование между ними? Конечно же, нет. Я лишь хочу сказать, что, по моему мнению, когда дело касается внешности, ума и физических возможностей, каждый ребенок должен чувствовать, что в глазах своих родителей он стоит так же высоко, как его братья и сестры. Он должен чувствовать, что его уважают - путь не больше, но во всяком случае и не меньше, чем остальных детей в семье. Похвалы и порицания должны распределяться по возможности поровну; это главная задача семьи, поскольку за ее пределами, во внешнем мире, дети неизбежно будут оцениваться по-разному. И, наконец, мы должны помнить, что дети воздвигают бастионы не от избытка силы, а для того, чтобы защитить свою слабость. Так, когда ребенок, вроде Ричарда, начинает хвастаться, выламываться и бросаться на братьев и сестер, он выражает тем самым свою тревогу и озабоченность. Если мы будем внимательно относиться к подобным сигналам, то сможем свести к минимуму ревность наших детей.

2. Выработайте действенный механизм "правосудия".

Детская ревность принимает худшие формы в том случае, когда в семье не существует разумной системы "правосудия" - когда "нарушители закона" остаются непонятыми или отпускаются на свободу безнаказанными. Важно не забывать о том, что в обществе законы были разработаны и введены с одной целью - защитить людей друг от друга. То же самое и в семье; ведь семья - это микромодель общества, и в рамках семьи также должны быть обеспечены права человека. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, попробуем представить себе такую ситуацию: я живу в обществе, где не существует закона. Нет там полиции, нет и судов, где решались бы различные спорные вопросы. При таких обстоятельствах мой сосед и я можем совершенно безнаказанно наносить ущерб друг другу. Он может без спросу взять мою сенокосилку или кидать камни в окна моего дома, а я тем временем могу воровать персики с его любимого дерева и сваливать мусор на его участок. Наша взаимная вражда будет расти изо дня в день, и с течением времени будет принимать все более грубые и даже жестокие формы. Когда не ставится никаких ограничений естественному ходу событий, то, как это было в ранней истории Америки, конечным результатом будет междоусобная ненависть и убийства. Как я уже говорил, отдельная семья - это своего рода модель общества в целом, и в ней, так же, как и в обществе, необходимо наличие закона и обеспечение правопорядка. Если же в семье царит беззаконие, то для враждующих братьев и сестер созданы все условия, чтобы они могли безнаказанно обижать друг друга. Старший брат выше и крупнее, и это позволяет ему чисто физически подавлять младших сестер и братьев. Ну а младший член семьи прибегает к другому доступному ему оружию, он сражается другими методами. К примеру, он вполне может ломать и портить игрушки и любимые вещи старшего брата или мешать ему, когда к нему приходят друзья. И вот ненависть, словно лава из ожившего вулкана, извергается и сметает все на своем пути. Однако часто бывает, что, когда дети обращаются к родителям за помощью, им предоставляют разбираться самим. Во многих семьях не отработан дисциплинарный механизм, необходимый, чтобы вершить правосудие. В других - мать и отец настолько истерзаны постоянными ссорами между детьми, что попросту махнули рукой и отказываются вмешиваться в их отношения. Есть и такие семьи, где родители заставляют старшего ребенка примириться с явной несправедливостью, "потому что твой брат младше тебя". Таким образом они

связывают ему руки, и он оказывается беззащитным перед любыми происками младшего братца или сестрицы. Обычной сегодня стала ситуация, когда отец и мать работают в то время как их дети, оставшись дома, сосредоточенно терзают друг друга. Повторяю еще раз: дорогие родители, одна из важнейших ваших задач - установить строгую законность и баланс сил в семье. Разумные "законы" должны быть обязательны для всех членов семьи. Для иллюстрации я позволю себе привести здесь перечень правил, выработанных за многие годы и неизменно соблюдающихся нашей семьей:

1. Никому из детей не позволено издеваться над другим. И точка! Это железное правило, не допускающее никаких исключений.
2. Комната каждого из детей - его личная, неприкосновенная территория. На дверях есть задвижки, и войти в комнату можно лишь с позволения хозяина.
3. Старшему не позволено дразнить младшего.
4. Младшему запрещается приставать к старшему.
5. Никто не вправе требовать от детей, чтобы они играли друг с другом, если в данный момент они предпочитают остаться в одиночестве или общаться с друзьями.
6. Мы стараемся как можно быстрее уладить любой конфликт, не допустить его развития и быть при этом объективными.

Соблюдение этих условий возможно лишь при наличии определенных предпосылок, главные из которых: 1) уважение к родителям, признание их авторитета; 2) желание родителей выступать в роли арбитров; 3) применение в случае нужды принудительных мер или наказаний. Если такой подход дополнен любовью, эмоциональный тон семьи может радикально измениться. Ненависть между братьями и сестрами должна уступить место если не любви, то по меньшей мере, терпимости.

3. Признайте, что скрытая цель детского соперничества - это вы.

Было бы наивным делать вид, что вам непонятно истинное значение конфликта между братьями и сестрами. Чаще всего в нем отражается желание детей произвести определенное впечатление на родителей. Ссоры и драки - прекрасная возможность завладеть вниманием взрослых. Недаром говорят, что некоторые дети предпочтут, чтобы их лучше убили, чем не замечали. Один отец недавно рассказал мне о том, как его сын начал ссориться со своим двоюродным братом, а потом они набросились друг на друга с кулаками. Отцы присутствовали при этом, но решили не вмешиваться и предоставить событиям развиваться естественным путем. И вот, все еще размахивая кулаками, один из мальчиков, покосившись на бездействующих зрителей, спросил: "Неужели никто не собирается нас остановить, пока мы не покалечили друг друга?" Как видите, драка вовсе не была для мальчиков самоцелью. Их интересовало в данном случае лишь присутствие взрослых и их возможная реакция на ссору; события развивались бы совершенно иначе, если бы рядом никого не было. Это весьма распространенный способ, к

которому дети прибегают, стремясь привлечь внимание родителей и спровоцировать их на какие-то ответные действия. Хотите верьте, хотите нет, но с этой формой детской ревности справиться легче всего. Главное - не играть на руку маленьким провокаторам. Вместо того, чтобы устраивать переполох, кричать, грозить, уговаривать (что в конечном счете может привести только к усугублению конфликта), мать или отец должны вести себя спокойно и с достоинством. Я осмелюсь предложить вам некий усредненный вариант наставления, с которым было бы полезно обратиться к маленьким скандалистам, несколько видоизменив его в соответствии с их возрастом и, конечно, обстоятельствами дела: "Томми и Чак, сядьте и выслушайте меня. На протяжении всего утра вы оба ведете себя безобразно. Ты, Томми, сломал замок, который строил Чак, а ты, Чак, дергал Томми за волосы. Я на вас не сержусь, потому что все братья время от времени ссорятся. Я просто устала от ваших воплей и больше их слышать не желаю. У меня много дел, и нет времени поминутно растаскивать вас, словно двух взбесившихся котов. Слушайте меня внимательно. Если вам приспичит поколотить друг друга, то выметайтесь из дому и деритесь сколько влезет (это требование можно выдвигать, конечно, лишь при условии, что силы противников находятся хотя бы в относительном равновесии). Вы знаете, я зря говорить не буду. Вы меня поняли? "Конечно, это предостережение не станет концом конфликта - во всяком случае с первого раза оно наверняка не подействует. Скорее всего вам придется наглядно продемонстрировать детям, что ваши слова - не пустая угроза. К примеру, можно на полчаса запереть детей в разных комнатах, и пусть томятся там без всяких развлечений, без радио, телевизора или игрушек. Или, например, одного отправить убираться в гараже, а другого - подстригать газон. А можно уложить их в неурочное время в постель. Единственная цель такого наказания - заставить их прислушаться к вашим словам в следующий раз. Ни в коем случае нельзя позволять детям портить вашу жизнь, лишая ее всякой радости, как это случилось с отчаявшейся женщиной, написавшей письмо в журнал "Хорошая домашняя хозяйка". В конечном счете сами дети бывают счастливее, когда их родители твердо, с достоинством и любовью, проводят свою линию.

ВОПРОСЫ

Вопрос: Мы недавно создали семью и хотели бы, чтобы она увеличивалась с какими-то разумными интервалами. Какая разница в возрасте способствует возникновению наилучших взаимоотношений между детьми? *Ответ:* Если между детьми одного пола разница в возрасте составляет около двух лет, то с большой степенью вероятности следует ожидать, что между ними возникнут противоречия и дух соперничества. С другой стороны, при благоприятном стечении обстоятельств именно такая разница в возрасте может обеспечить наибольшее совпадение интересов и принести детям обоюдное удовольствие от общения друг с другом. Если вы заведете детей с промежутком в четыре года или даже больше, то оснований для дружбы у них будет гораздо меньше. Быть может, мой ответ покажется вам уклончивым. Дело в том, что мое отношение к проблеме сводится к следующему: когда вы собираетесь завести очередного ребенка, надо принимать во внимание множество гораздо более важных факторов, чем возраст предыдущего ребенка: состояние здоровья матери, желание родителей иметь еще одного ребенка, финансовое положение и стабильность семьи. Именно эти обстоятельства должны быть для вас решающими.

Вопрос: В книгах "Не бойтесь наказывать" и "Прятаться или искать" вы рекомендуете использовать формы материального поощрения, прибегая к которым, по вашим словам, можно добиться от детей большей сознательности и ответственности. Мы попытались применить этот метод в нашей семье, и его воздействие на домашнюю атмосферу оказалось весьма благотворным. Однако я несколько изменила предложенную вами схему - и результаты превзошли все мои ожидания. Чтобы заработать награду за выполнение различных домашних обязанностей - за вовремя почищенные зубы, застланную постель, убранную в шкаф одежду -они должны сделать свою работу оба. Иными словами, я плачу им или штрафую их - в зависимости успешного выполнения задания обоими мальчиками. Раз и навсегда приняв правила этой игры, они активно включаются в нее и действуют не поодиночке, а вместе, понимая, что лишь помогая друг другу смогут добиться желанной цели. В каком-то смысле между ними возникают не только отношения товарищеской взаимопомощи, но и чисто делового сотрудничества. Я решилась написать вам о своем опыте, полагая, что он может оказаться для вас небезынтересным.

Ответ: Автор этого письма порадовала меня, сделав то, чего я ожидаю и от других родителей: она использовала мои книги как своего рода трамплин, как отправную точку. Я убежден, что наибольшего успеха добиваются те родители, которые находят индивидуальные решения для каждодневных житейских проблем.

Вопрос: Вы говорите, что поведение враждующих братьев и сестер определяется желанием "манипулировать родителями". Но с другой стороны, разве сами родители не манипулируют детьми, прибегая к таким методам, как материальное поощрение или физическое наказание?

Ответ: Не более, чем полицейский, выписывающий штраф превысившему скорость водителю. Слово "манипулировать" несет в себе какой-то эгоистический, злонамеренный оттенок, и потому в данном случае я бы прибег к другому слову - "руководство". Осуществлять руководство -значит действовать, исходя из интересов обеих сторон, и результаты должны быть обоюдновыгодными.

Вопрос: Огромное вам спасибо за то, что вы открыто и честно сказали об одной очень важной вещи - о том, что дети могут заставить родителей испытать чувство разочарования и безысходности. Для меня было огромным облегчением услышать, что и других матерей иногда охватывает такое же желание - убежать, забиться в какой-нибудь тихий уголок. Мне гораздо легче примириться со своей жизнью, когда я знаю, что я не единственная женщина, которую время от времени охватывает чувство полной беспомощности.

Ответ: Я получаю множество писем, подобных вашему. Все мы живем в очень трудное время; наши злейшие враги - усталость и вечная спешка. Однако убежать от наших проблем мы не можем, ведь они, как правило, находятся внутри нас. Порой я получаю письма от людей, которые действительно бегут из дома; их гонит оттуда невыносимое напряжение и отчаяние. Вот, например, письмо молодой матери, сигнал 805 из какого-то курортного местечка:

Дорогой д-р Добсон, Я пишу Вам из мотеля. А оказалась я здесь, потому что сбежала от своего любящего мужа, шестилетней дочери Энни и пятимесячного сына Пола. У моей дочки очаровательные кудряшки и голубые глаза, но часто на нее "накатывает", и тогда она доводит меня буквально до иступления. Мой сын орет, кажется, двадцать четыре часа в сутки. Мне просто необходимо спокойно поспать хотя бы одну ночь! Я так старалась быть хорошей женой и матерью... хорошей соседкой и хорошей дочерью моим родителям. Я мечтала быть хорошей христианкой. Я хотела добросовестно выполнять свои домашние и семейные обязанности, но у меня нет сил. Я уже не могу держать себя в руках. Всю прошлую неделю я вела себя как настоящее чудовище: я ударила свою дочку по лицу, ее руки - все в синяках от того, что я специально старалась сделать ей больно; я орала и ругалась. Это было так безобразно, что потом мне хотелось умереть от стыда. Я сбежала, чтобы попытаться собрать то, что осталось от меня, но едва ли это получится. Я не могу дождаться ответа на свои молитвы - а может быть, я просто его не слышу и не понимаю. Когда я дома, у меня нет времени даже на то, чтобы почистить зубы, что уж тут говорить о молитвах... Когда я шлепаю Энни, то слышу в ответ: "А вот и не больно!" Она царапается, кусается, вцепляется мне в волосы. Но когда я уходила прошлой ночью, она рыдала и умоляла меня остаться, хотя я обещала ей, что обязательно вернусь. В прошлом месяце мы заплатили сто долларов за четыре специальных консультации для родителей. Но пользы было мало - все как-то слишком общо, а о тех конкретных проблемах, с которыми я ежедневно сталкиваюсь, я не услышала ни слова. Например, Энни проявляла злобу и агрессивность задолго до рождения Пола. Я ничего не могу с собой поделать, мне все время хочется отделаться от нее. Недавно она прожила неделю у бабушки и - стыдно признаться - я ни капли по ней не скучала. Только что я говорила с мужем по телефону, и он сказал, что на Энни опять накатило. Она требует, чтобы ее отпустили искать меня. А я совершенно не хочу возвращаться домой. Я обожаю своего мужа. Бог благословил нашу любовь сыном и дочерью, о которых я всегда мечтала. Но я оказалась несостоятельна, я не могу справиться с "рутинной" стороной жизни. В следующий четверг мне исполнится двадцать восемь лет. Пожалуйста, помогите мне. Миссис Дж. С.

К сожалению, миссис Дж. С. не указала своего обратного адреса, и потому я никак не мог с ней связаться. Я часто думал: получила ли она ту помощь, которой так отчаянно и безнадежно искала в отдаленном мотеле? Мне кажется, стоит привести здесь другое письмо, полученное мной на той же неделе, что и первое. В нем тоже слышится крик отчаяния - но совсем другого рода. Письмо пришло из Оксфорда, Англия, и автор не возражает против его цитирования.

"Дорогой доктор Добсон, Я только что прочла Вашу книгу "Что мужья, по мнению жен, должны знать о женщинах". Это одна из лучших книг, которые я когда-либо читала. Но скажите, почему вы, писатели, никогда не пишете для женщин вроде меня? Почему ничего не написано для бесплодных? Для тех, кто страстно желает иметь ребенка, но не может? Почему вы не помогаете нам, чувствующим свое женское несовершенство, свою неполноценность? Почему не объясняете, как общаться с родственниками и друзьями, имеющими детей и полноценные семьи? Скажите, как мне жить, когда я постоянно ощущаю напряженность в своей семье, когда родители одержимы страстной мечтой о внуках (да если бы я только могла, я была бы так счастлива подарить им внуков!)?

Скажите, как мне справиться с гнетущей, безнадежной депрессией после двух выкидышей, после того, как, дважды забеременев, я ни разу не смогла доносить ребенка? Что мне делать в Рождество, когда все вокруг живет и дышит детьми и для детей? Эти дни для меня просто невыносимы (до такой степени, что в этом году я пыталась отравиться - только бы уйти от этой муки). Как я могу с надеждой смотреть в будущее, когда мне не о чем строить планы и не на что надеяться? Я знаю, что Христос может помочь мне. Но почему мне не могут помочь люди? Почему общественное мнение считает, что брак без детей неполноценен, - и тем самым усугубляет мое чувство вины и делает меня еще более несчастной? Почему люди вроде вас никогда ничего не пишут, чтобы помочь таким женщинам, как я? Ваша Миссис Р. К.

Миссис К. абсолютно права. Наш мир, похоже, предназначен для детей и тех, кто производит их на свет. И те, кто получил от Господа это благословение, должны внимательно и осторожно относиться к людям, подобным этой женщине, к людям, которые ценят материнство выше самой жизни - и безнадежно лишены его. Но вся беда в том, что мы слишком поглощены собственными мыслями и заботами. Если бы я мог свести вместе авторов двух процитированных мною писем, им нашлось бы о чем поговорить - и не без пользы для обеих.

Вопрос: Я мать-одиночка, и меня беспокоит мой семилетний сын. В нашей семье нет мужчин, и получается так, что мальчик растет в окружении одних только женщин. Кроме того, я не знаю, как его наказывать. Что вы мне посоветуете?

Ответ: Ваш вопрос затрагивает крайне важную для сегодняшней Америки проблему. В стране живет огромное количество разведенных или овдовевших отцов и матерей, столкнувшихся лицом к лицу с невероятно ответственной и сложной задачей воспитания детей в одиночку. Количество неполных семей в возрастной группе до тридцати пяти лет стремительно растет с каждым годом. Эта тенденция прослеживается очень ясно, и ее отрицательные последствия трудно переоценить. Наибольшее сочувствие у меня лично вызывают одинокие матери. Подниматься рано утром, отводить ребенка в детский сад, отправляться на работу и проводить там восемь, девять часов, а вечером после этого пытаться удовлетворить физические, эмоциональные и духовные нужды своих детей... Но ведь это невозможно! Неизбежно придется от чего-то отказаться. Человеческие силы не безграничны. Человек не может день за днем и год за годом работать по восемнадцать часов в сутки. И к тому же (из вашего вопроса видно, что вы это понимаете) мать не может заменить ребенку отца, а отец, как правило, плохо справляется с ролью матери. Есть ли у меня волшебный рецепт для решения этой проблемы? Нет. Родительские обязанности изначально предназначены для двоих, и когда эта задача ложится на плечи лишь одного из родителей, перегрузки неизбежны. Впрочем, у меня есть два предложения, которые могут оказаться небесполезными. Первое из них потребует небольшой суммы денег, - однако я убежден, что это капиталовложение будет оправданным. Я предлагаю вам набрать номер ближайшего высшего учебного заведения и попросить к телефону инспектора третьего или четвертого курса. Объясните ему, что вы хотите пригласить ответственного, спортивного молодого человека, который мог бы ходить с вашим сыном в парк, учить его играть в мяч, удить рыбу или строить крепости из песка. Попросите инспектора, чтобы он порекомендовал кого-нибудь из своих студентов, который мог бы взяться за такую работу и - что в высшей

степени важно - делать ее с удовольствием. А затем договоритесь с этим молодым человеком об условиях, на которых он каждое воскресенье будет проводить с вашим сыном два-три часа. Второе мое предложение касается церкви, в чьи задачи, безусловно, входит помощь родителям при выполнении их родительских обязанностей. На это указывают слова Иисуса, заповедавшего нам помогать всем тем, кто нуждается в нашей любви и заботе. Что же касается вопросов дисциплины в неполной семье, я хочу подчеркнуть, что принципы, о которых я говорил, остаются теми же независимо от состава семьи или любых других обстоятельств. Дети, которых воспитывает только мать или только отец, точно так же нуждаются в любви, в ощущении надежности и устойчивости окружающего мира, в твердом и справедливом руководстве, как и дети, растущие в полных семьях. Единственное отличие состоит в том, что, лежа на плечи лишь одного из родителей, эта задача становится гораздо более трудной и ответственной. (Честно говоря, я убежден, что все это прекрасно известно и без меня - и в первую очередь тем родителям, которые столкнулись с этой проблемой).

Глава 6/ Проблема гиперактивности, или все вверх дном

В этой главе мне хотелось бы обратить внимание на распространенную проблему повышенной активности, сталкиваясь с которой родители часто приходят в полное недоумение и замешательство. Недавно одна мать жаловалась мне, что ее сын-дошкольник - это не ребенок, а какой-то реактивный двигатель, работающий целый день на полных оборотах. Заставить его сидеть спокойно - все равно что попытаться пришить пуговицу к яйцу. Я всей душой ей сочувствую. В моей практике мне приходилось встречаться с такими детьми - и во время их короткого визита мой кабинет находился в буквальном смысле под угрозой разрушения.

Ребенок с действительно повышенной активностью может поставить в тупик любого взрослого, особенно если отклонение от нормы не осознается родителями. Эта проблема имеет самое непосредственное отношение к главной теме моей книги, поскольку нет более "непослушных" детей, чем те, чьи отклонения в поведении имеют органическое или эмоциональное происхождение. Давайте рассмотрим природу этих поведенческих отклонений и возможные методы обращения с гиперактивными детьми. Мне представляется, что форма вопросов и ответов позволит мне наиболее полно раскрыть интересующую нас тему. Итак:

Что такое повышенная активность? Повышенная активность (именуемая также гиперкинезией, минимальной мозговой дисфункцией, сверхвозбудимостью и еще по меньшей мере тридцатью другими терминами) выражается в НЕКОНТРОЛИРУЕМОМ, чрезмерно, даже лихорадочно активном поведении. Характерными признаками гиперактивности являются также рассеянность, или точнее, неумение и невозможность сосредоточиться, невнимательность и беспокойность. Я специально выделил слово "неконтролируемый", поскольку ребенок, страдающий сильной гиперактивностью, абсолютно не способен сидеть спокойно, он просто не может совладать с теми силами, которые влияют на него изнутри.

В чем причина этого явления?

Возникновение гиперактивности часто бывает связано с поражением центральной нервной системы, хотя бывают случаи, что она появляется в результате эмоционального стресса или переутомления. Существует достаточно распространенное и авторитетное мнение, согласно которому все дети, рожденные обычным способом, то есть не с помощью кесарева сечения, в процессе родов получают некую мозговую травму. Отличие детей с серьезными нарушениями от детей с неявно выраженными симптомами определяется тремя факторами: 1) конкретный участок поражения; 2) его масштабы; 3) насколько быстро оно проявилось. Вполне вероятно, что какие-то из гиперактивных детей перенесли в слабом виде недиагностированную мозговую травму, которая вначале никак не давала о себе знать, и лишь впоследствии проявилась в такой форме, как сверхвозбудимость. Однако я хотел бы подчеркнуть, что это соображение является чисто умозрительным, и медицине предстоит еще большая и серьезная работа по выявлению причин и следствий этого заболевания.

Каким образом волнения, беспокойство и другие эмоциональные проблемы могут вызывать гиперактивность?

Когда взрослые люди испытывают сильный стресс, это внутреннее напряжение, как правило, находит внешнее выражение в усиленной физической активности. Молодой муж, ожидая, пока его жена разрешится от бремени, ходит взад и вперед по комнате или курит одну сигарету за другой, или не может унять дрожь в руках. Тренер баскетбольной команды мечется по краю поля, переживая за своих игроков. Есть люди, которые, волнуясь, грызут ногти или медленно двигают из стороны в сторону нижней челюстью. Но если так обстоит дело со взрослыми, то что же говорить о детях! Ребенку не достаточно постукивать костяшками пальцев по столу, если он волнуется; он пытается вскарабкаться по занавескам или ходить по потолку.

Насколько рано можно выявить эту проблему?

Тяжелую форму гиперактивности можно распознать в раннем детстве. Более того, ее трудно не заметить. К трем годам ребенок успевает вымотать всех: родителей, братьев и сестер, бабушек и дедушек. Вместо того, чтобы, как обещали врачи, "перерасти" свои проблемы, ребенок продолжает крушить все вокруг. Д-р Домина Реншоу описала одного из таких детей в своей превосходной книге "Гиперактивный ребенок":

"Самый маленький пациент, с которым автору когда-либо приходилось иметь дело, был полуторагодовалым мальчиком, младшим в семье, где было шестеро детей. Отец этих детей был инженером, мать - жизнерадостной и здравомыслящей женщиной. Она рассказала мне, что беременность протекала нормально, но роды прошли очень быстро. Ребенок развивался довольно медленно до пятнадцатимесячного возраста, когда он сразу же начал бегать, не пройдя через стадию ползания. Затем он сразу начал говорить целыми фразами, миновав обычный для всех детей период лепета. С этого момента "в доме бушевал настоящий смерч, который все переворачивал вверх дном". Рано утром мальчик вылезал из своей кровати и не спал до полуночи. В пятнадцать месяцев он отказался от дневного сна. Он ни на чем не мог сосредоточиться, никогда не смотрел телевизор; чтобы он поел, приходилось постоянно водворять его на

стульчик, откуда он старался выскочить при первой возможности. У этого ребенка практически отсутствовал инстинкт самосохранения, он дважды ломал себе руку, упав с одного и того же дерева (еще три падения закончились вывихами). Братья и сестры, равно как и их друзья, старались держаться подальше от маленького хулигана. Он не реагировал ни на наказания, ни на поощрения".

Чуть ниже мы узнаем, что произошло с этим ребенком впоследствии.

Бывает ли "нормальная" гиперактивность?

Конечно. Далеко не каждый ребенок, который не сидит на месте, крутится волчком и бегает вприпрыжку, страдает гиперактивностью в медицинском смысле этого слова. Большинство малышей с восхода солнца до наступления темноты находятся в постоянном движении (так же, впрочем, как и их мамы):

В таком случае, как же определить, страдает ли мой ребенок гиперактивностью или его поведение находится в пределах нормы? И как понять, является ли его заболевание результатом эмоциональных перегрузок или физических повреждений?

Ответить на эти вопросы чрезвычайно трудно. Лучшее что вы можете сделать - это обратиться к вашему педиатру или семейному врачу. Но даже ему, возможно, придется лишь догадываться относительно диагноза и его причин.

Возможно, он проведет полное медицинское обследование или посчитает нужным направить вас к другому специалисту - если окажется, что ваш ребенок нуждается в помощи логопеда или, например, психолога. Не следует пытаться справиться с чрезмерно активным ребенком своими силами, если можно обратиться за консультацией и помощью к квалифицированному специалисту.

Какую роль играет питание?

Роль питания применительно к проблеме гиперактивности - вопрос весьма противоречивый и находящийся за пределами моей компетенции. Я могу лишь выразить свое мнение по этому вопросу. Считается, что гиперактивность может возникать в результате употребления продуктов красного цвета, чрезмерного потребления сахара, передозировки витаминов и т. д. Я несколько не сомневаюсь в том, что неправильное питание может разрушить наш организм и действительно имеет отношение к возникновению гиперактивности. Но в то же время я считаю, что авторы многих книг, посвященных этому предмету, несколько увлекаются и зачастую выдают свои догадки за проверенные и доказанные положения. О том, что в этом вопросе не все ясно, свидетельствует хотя бы тот факт, что множество "неоспоримых авторитетов" придерживаются совершенно различных точек зрения и яростно спорят друг с другом.

С наибольшим уважением лично я отношусь к тем специалистам по вопросам питания, которые подходят к решению этих сложных вопросов крайне осторожно, опираясь

при этом на точные научные данные. Единственное, что я могу с уверенностью порекомендовать родителям: "Делайте то, что приносит пользу". Если, ограничивая ребенка в какой-то определенной пище, вы добиваетесь того, что он становится спокойнее и уравновешеннее, продолжайте и дальше придерживаться избранной вами диеты.

Насколько часто встречается гиперактивность?

Точными цифрами мы не располагаем, но можно говорить, что в среднем гиперактивностью страдают от шести до десяти процентов детей в возрасте до десяти лет, мальчики чаще, чем девочки - в соотношении примерно четыре к одному.

Как реагируют родители?

Как правило, мать гиперактивного ребенка испытывает противоречивые чувства. С одной стороны, она понимает, что это не каприз, а болезнь, и всем сердцем сочувствует своему малышу, стремясь любой ценой помочь ему. Но с другой стороны, она не может спокойно смотреть на то, как рушится все вокруг. Все в ней восстает против хаоса, который ребенок вносит в ее жизнь. Он ставит мать в крайне неловкое положение на людях и совершенно не ценит тех жертв, которые она ежедневно, ежеминутно приносит ему. К вечеру ее изнеможение, раздражение и разочарование доходят до предела.

Что же происходит, когда подлинная любовь матери или отца к своему непослушному чаду смешивается с раздражением и глухим недовольством? Неизбежным результатом бывает чувство родительской вины, разрушительно действующее на душевное и физическое здоровье.

С какими еще проблемами сталкивается гиперактивный ребенок?

Помимо неспособности справиться со своей двигательной активностью, такие дети сталкиваются, как правило, с тремя основными трудностями. Во-первых, это проблемы чисто психологического характера, развивающиеся в результате неприятия этих детей их сверстниками. Исходящая от такого ребенка нервная энергия раздражает не только взрослых, но и ровесников. Кроме того, его эмоциональная реакция часто непредсказуема - с неожиданными и немотивированными переходами от смеха к слезам - и это кажется его сверстникам странным и ненормальным. Короче говоря, гиперактивный ребенок легко может заработать комплекс неполноценности и нервное расстройство, протекающие из негативного отношения к нему других детей и низкой самооценки.

Во-вторых, гиперактивному ребенку часто плохо дается учение. Для него трудно, если не невозможно, усидеть на месте в течение всего занятия и сосредоточиться на предмете. Он сплошь и рядом вообще не может ответить, о чем шла речь на уроке. Учителя жалуются, что он "витает в облаках".

Есть и еще одно обстоятельство, затрудняющее для гиперактивных детей процесс обучения - это проблема зрительного восприятия. Такой ребенок может иметь

абсолютно нормальное зрение, но мозг оказывается неспособным обрабатывать соответствующие сигналы. У такого ребенка может быть искаженное "видение" букв и цифр, и, естественно, ему трудно в сравнении с другими детьми научиться читать и писать.

Чтение - это крайне сложный процесс, непосредственно связанный с нервной системой человека. Уметь читать - значит уметь правильно распознавать символы, а затем с помощью специального механизма передавать их в мозг, где они подвергаются анализу, интерпретации, запоминанию, а затем трансформируются в речь. Любой обрыв в этой цепи отрицательно скажется на конечном результате. Помимо этого, данный процесс должен протекать достаточно быстро, чтобы обеспечить непрерывный поток идей и образов, которые человеческий мозг черпает из письменного текста. Многие гиперактивные дети попросту не владеют своим нервным аппаратом в той степени, которая необходима для правильного развития этих навыков, и потому обречены на постоянные неудачи и отставание в начальных классах школы.

Где же выход?

Существуют десятки лекарств, доказавших свою эффективность при лечении гиперактивных детей. Но поскольку организм каждого ребенка уникален, необходимо, чтобы врач правильно подобрал медикаменты и дозировку. Хочу подчеркнуть, что я категорически против применения успокоительных средств для "лечения" детей, которые в этом лечении не нуждаются. Часто случается, что этими препаратами пичкают без разбора, просто потому, что учителя или родители хотят, чтобы ребенок был "поспокойнее". Это, с моей точки зрения, абсолютно не допустимо. Любое лекарство, даже аспирин, имеет достаточно вредных побочных действий и потому может назначаться к применению только после тщательного исследования конкретного случая. Впрочем, если ваш ребенок обнаруживает симптомы, описанные мною в предыдущем разделе, и побывал на приеме у невропатолога, вы можете не колеблясь последовать совету этого врача и провести курс лечения. В случае, если лекарство подобрано удачно, в поведении ребенка достаточно быстро могут произойти кардинальные изменения.

Маленькому пациенту, описанному чуть выше д-ром Реншоу, был прописан декстроамфитамин, и вот каковы были результаты проведенного лечения: . "На третий день после того, как ему было назначено лечение, он заснул в восемь часов вечера, а во время обеда его пришлось водворять на место всего дважды. Теперь мальчику шесть лет, он успешно учится в первом классе и наблюдается в клинике с регулярностью раз в три месяца".

Не произойдет ли так, что длительный курс лечения приучит моего ребенка к принятию лекарств и впоследствии сделает его наркоманом?

Большинство авторитетов в этой области считают, что эти две вещи вовсе не обязательно связаны между собой. В 1971 году было проведено специальное исследование этой проблемы в государственном масштабе. Комиссия пришла к выводу о допустимости применения медикаментов в лечении гиперактивных детей. Некоторые дети нуждаются в успокоительных средствах и должны получать их.

Разрешит ли прием лекарств все проблемы?

Как правило, нет. Попробуем рассмотреть действие медикаментов при попытке устранения трех основных симптомов рассматриваемого заболевания.

1. Повышенная активность. Правильно подобранные медикаменты могут оказаться чрезвычайно эффективными в "нормализации" моторной активности ребенка. Этот симптом чаще других поддается медикаментозному лечению.

2. Психологические трудности. В данном случае только на лекарства полагаться нельзя. Они могут несколько облегчить для ребенка задачу формирования личности и приспособления к жизни в обществе, но сами по себе ее не решают.

3. Проблема визуального восприятия. Эти отклонения в работе центральной нервной системы, выражающиеся в затрудненном восприятии письменного текста, практически не поддаются лечению медикаментами. Более целесообразно использовать в данном случае специальные упражнения. Существует также целый ряд учебных заведений для детей, страдающих разными формами этого заболевания, где дети занимаются по специальным программам под руководством опытных педагогов.

Совершенно очевидно, что медикаментозное лечение не является панацеей. Оно должно сочетаться с альтернативными методами обучения и конкретными усилиями родителей.

Можно ли наказывать гиперактивного ребенка? Достаточно распространено мнение, что гиперактивных

детей нельзя наказывать, поскольку они больны. Я абсолютно не согласен с этой точкой зрения. Любой ребенок должен знать определенные границы, и гиперактивные дети - не исключение из этого правила. Ребенок должен так же, как и все остальные члены семьи, отвечать за свое поведение. Но, безусловно, вы должны согласовывать свои воспитательные меры с физическими и психологическими особенностями ребенка. К примеру, если многих детей можно наказать, заставив их какое-то время без движения сидеть на стуле, то для ребенка гиперактивного это попросту невозможно, и потому не стоит даже пытаться применять к нему такую меру. То же и с физическим наказанием - попробуйте умирить шлепками шаровую молнию.

В таком случае, как же следует поступать родителям, чтобы хоть в какой-то степени контролировать поведение таких детей? Что им можно посоветовать? Ниже я процитирую восемнадцать весьма полезных, на мой взгляд, рекомендаций д-ра Реншоу.

1. Главное - будьте последовательны и постоянны.

2. Старайтесь всегда говорить медленно и спокойно. Не пугайтесь своего гнева. Гнев - это нормальное явление, его можно контролировать. Если вы сердитесь - это не значит, что вы не любите своего ребенка.

3. Старайтесь сохранять спокойствие и держать себя в руках, заранее подготовившись к возможному скандалу. Реагируйте и откликайтесь на любые позитивные сдвиги в поведении ребенка, какими бы незначительными они ни были. Если искать хорошее, то будьте уверены, что-нибудь всегда найдется.
4. Избегайте непрерывных одергиваний и запретов - "прекрати", "не смей", "нельзя" и т. д.
5. Отделяйте поведение ребенка, которое вам может и не нравиться, от его личности. Например: "Я люблю тебя. Я только не люблю, когда ты разносишь грязь по всему дому".
6. Ваш ребенок нуждается в строгом режиме и распорядке дня. Составьте четкое расписание прогулок, еды, игр, занятий, повседневных обязанностей и сна. Проявляйте гибкость, но старайтесь выполнять это расписание, несмотря на попытки ребенка нарушить его. Постепенно вы приучите ребенка к размеренной, упорядоченной жизни.
7. Давая ему новые или трудные задания, сопровождайте их спокойными, короткими, ясными и четкими разъяснениями. Показывайте несколько раз, пока ребенок не запомнит. Старайтесь стимулировать и тренировать его слуховое, зрительное и чувственное восприятие и его память, которая у гиперактивных детей развита слабее, чем у остальных. Будьте терпеливы, повторяйте все по несколько раз.
8. Выделите ребенку отдельную комнату или хотя бы уголок. При оформлении комнаты избегайте ярких красок и сложных орнаментов. Простота, неяркие цвета, минимум беспорядка, письменный стол, стоящий у пустой, ничем не украшенной стены создают условия для концентрации. Уберите все лишнее, поскольку гиперактивный ребенок не умеет сам "отсеивать" ненужные, отвлекающие раздражители.
9. Создавайте условия для того, чтобы он мог сконцентрировать свое внимание, делайте что-нибудь одно: давайте ему одну игрушку из закрытого ящика; когда ребенок раскрашивает, уберите со стола все лишнее; когда он готовит уроки, выключите радио и телевизор. Посторонние раздражители будут отвлекать его от основного занятия.
10. Дайте ему какое-нибудь постоянное поручение. Естественно, такое, чтобы оно было в пределах его возможностей. Обязательно следите за его выполнением. Не забывайте поощрять и признавать его старания (даже если у него не все получается идеально).
11. Распознавайте сигналы, предупреждающие о возможном взрыве. Постарайтесь спокойно вмешаться и предотвратить взрыв - отвлеките ребенка или спокойно обсудите с ним конфликтную ситуацию. Полезно переместить его с потенциального поля битвы в более безопасное место.
12. Зная о повышенной возбудимости своего ребенка, старайтесь, чтобы в игре принимало участие не больше двух-трех человек. Лучше, чтобы дети играли в

вашем доме, поскольку здесь вы можете осуществлять необходимый контроль за ситуацией.

13. Не жалейте, не дразните, не бойтесь вашего ребенка и не будьте к нему слишком снисходительны. Просто помните о том, что у него - особое устройство нервной системы, которое, впрочем, поддается управлению и контролю.

14. С помощью врача правильно подберите лекарства и необходимую дозировку. Давая лекарства ребенку, наблюдайте за их действием, чтобы впоследствии рассказать врачу.

15. Обсуждайте все вопросы, все свои опасения, связанные с приемом лекарств, с вашим врачом.

16. Запирайте эти и все другие лекарства во избежание случайного или неправильного употребления.

17. Ребенок должен принимать лекарства всегда в вашем присутствии и под вашим наблюдением, даже если это длится годами и стало для него привычным делом. Вся ответственность лежит на родителях!

18. Согласуйте ваши действия с учителем вашего ребенка. Выполнение определенных предписаний так же важно для лечения гиперактивности, как диета и инсулин - для лечения диабета."

Как родители, должны реагировать на неудачи детей?

Давайте поговорим о детях, которым трудно дается учеба. Каким должно быть отношение родителей к их плохим отметкам в школе? Безусловно, если есть такая возможность, надо обеспечить для ребенка специальные дополнительные занятия и ежедневно повторять с ним все пройденное накануне в классе.

Требовать от такого ребенка быть первым в классе - все равно, что заставлять человека, перенесшего полиомиелит, участвовать в соревновании по бегу. Представьте себе родителей, ожидающих в конце дорожки, пока их ребенок доковыляет до финиша.

"Почему ты так медленно бежал, сын?" - с явным неудовольствием спрашивает его мать.

"По-моему, тебе было все равно, победишь ты или проиграешь!" - с возмущением добавляет отец.

Как ребенок может объяснить им - если они сами этого не понимают - что его ноги не могут двигаться с такой же скоростью, как у сверстников? Но разве кто-нибудь требует, чтобы хромой ребенок побеждал в соревнованиях по бегу своих здоровых сверстников? Конечно, нет - просто потому, что его физический недостаток очевиден.

К сожалению, с ребенком, испытывающим трудности в учебе, дело обстоит не так просто. Его недостаток не очевиден, и потому понять его отставание гораздо труднее. Зачастую его неудачи приписывают лени, дурному поведению или намеренному нежеланию учиться. И соответственно на него оказывают давление, заставляя делать невозможное. А ведь это - одна из главных угроз для душевного здоровья, когда ребенок оказывается перед требованиями, которых он НЕ МОЖЕТ выполнить.

Позвольте мне более кратко и точно сформулировать сказанное выше: я верю, что такие дети могут хорошо учиться. Я считаю, что надо дать возможность в полной мере проявиться тому интеллектуальному потенциалу, которым обладает ребенок. Я считаю, что нельзя позволять ему вести себя безответственно просто потому, что ему не хочется заниматься и работать. Без сомнения, прилежание и умение работать, привитые в школьные годы, принесут свои плоды в дальнейшем.

Но, с другой стороны, некоторые вещи в жизни гораздо важнее, чем успехи в учебе, и одна из них - самооценка человека, его отношение к себе. Ребенок может вырасти и прожить нормальную жизнь, не умея отличить глагол от существительного. Но если он лишен минимальной уверенности в себе и самоуважения - он пропащий человек.

Я абсолютно убежден, что ребенок, не способный состязаться в освоении школьных дисциплин со своими одноклассниками, тем не менее ничуть не хуже своих сверстников. Он обладает такой же человеческой ценностью и достоинством, что и любой вундеркинд. Я считаю неумным и извращенным тот подход, в соответствии с которым ценность детей определяют исходя из их способностей, как умственных, так и физических.

Любой ребенок равно ценен для Бога - и этого для меня вполне достаточно. Поэтому, если мой маленький мальчик или девочка потерпят неудачу в чем-то одном - что ж, я постараюсь найти для них какое-нибудь другое дело или занятие. И так же поступят все любящие своих детей родители.

Что сулит будущее?

Нужно надеяться на лучшее. В возрасте между двенадцатью и восемнадцатью годами, в период полового созревания, в организме должны произойти определенные изменения, в результате которых гиперактивный ребенок превратится в нормального подростка. Именно поэтому мы достаточно редко встречаем взрослых, которые прыгали бы со спинки стула или, например, катались по полу. Впрочем, для изнемогших родителей, проводящих целые дни в погоне за неуправляемым, ни на секунду не утихающим малышом, вряд ли будет большим утешением услышать, что эта критическая ситуация продлится всего девять-десять лет.

ВОПРОСЫ

Вопрос: Что вы думаете об известном выражении: "Детей должно быть видно, но не слышно!"?

Ответ: Это выражение свидетельствует о глубочайшем непонимании детей, их нужд и потребностей. Я просто не представляю себе любящих родителей, которые бы воспитывали своих крошек, руководствуясь этим принципом! Дети - как часы; если их не слышно - значит что-то не в порядке.

Вопрос: Мой шестилетний сын - весьма активный ребенок, и я наблюдала у него некоторые из описанных вами симптомов. Ему трудно сосредоточиться, и он постоянно переключается с одного предмета на другой. Я отвела его к врачу⁴, и мне сказали, что мой ребенок не страдает гиперактивностью в медицинском смысле этого слова и потому ему не следует принимать лекарств. Однако он уже начинает отставать в школе, потому что не может сидеть на месте и сосредоточиться на словах учителя и уроках. Что же мне делать?

Ответ: Судя по вашему описанию, у меня возникает впечатление, что ваш сын просто незрелый по сравнению со своими одноклассниками, и его надо оставить в первом классе еще на один год. Если он родился в промежутке между 1 декабря и 1 июля, я бы безусловно попросил об этом школьную администрацию. В этом случае мальчику будет гораздо легче учиться и общаться с детьми во все следующие годы обучения в школе. Но при этом чрезвычайно важно помочь ему "сохранить лицо" перед ровесниками. Если есть возможность, было бы желательно перевести его в другую школу, чтобы избежать неприятных вопросов со стороны одноклассников.

Вопрос: А еще он мочится в постель. Что вы можете мне посоветовать?

Ответ: Тот факт, что ваш ребенок страдает энурезом, только подтверждает мое предположение, что мальчик имеет задержки в развитии. У вас нет причин для беспокойства. У каждого ребенка - свои сроки созревания, и некоторые не желают торопиться. Однако в более старшем возрасте энурез может создать для ребенка эмоциональные и социальные трудности. Сверстники будут дразнить его и придумывать всякие обидные прозвища. И потому было бы желательно помочь ему справиться с этими трудностями как можно быстрее. В большинстве случаев дети мочатся в постель потому, что их сон настолько глубок, что они просто не могут контролировать свои позывы к мочеиспусканию. Сигнал, подаваемый мозгом, не может разбудить такого ребенка - в отличие от тех, кто спит более чутко. К счастью, как правило, этот рефлекс можно выработать.

Вопрос: Как добиться того, чтобы дети вели себя вежливо и чувствовали ответственность за свои дела и поступки, особенно если они не обращают никакого внимания на ваши поучения и наставления?

Ответ: Дети обожают игры, особенно когда взрослые играют в них вместе с ними. Всегда возможно превратить поучение в игру, основным предметом которой будет именно то, чему вы стремитесь научить вашего ребенка. Позволю себе привести еще один пример из нашей семейной практики, иллюстрирующий то, каким образом мы научили детей класть на колени салфетку перед едой. В течение двух или трех лет мы постоянно напоминали им об этом, но наши усилия ни к каким результатам не привели, и это действие не стало для детей привычкой. Тогда мы превратили это в семейную игру.

Теперь если один из Добсонов проглотит хотя бы один кусочек, не положив на колени салфетку, он должен тотчас выйти из-за стола, отправиться в свою комнату и там вслух сосчитать до двадцати пяти. Метод оказался очень эффективным, хотя, конечно, есть в нем и определенные неудобства. Вы просто не представляете, какими дураками чувствуем себя мы с Ширли, стоя в пустой комнате и громко считая до двадцати пяти под хохот наших детей. Райан никогда не забывает о салфетке, и ему доставляет огромное удовольствие подлавливать нас в момент забывчивости или рассеянности. Он сидит, притаившись, как мышка, не поднимая головы, и ждет, пока кто-нибудь из остальных членов семейства откусит первый кусок. И вот тут-то он распрямляется, словно отпущенная пружина, и с восторгом кричит нарушителю: "Ага, попался!"

В тех случаях, когда вы имеете дело с детской безответственностью (а не сознательным непослушанием), игра может оказаться хорошим средством.

Глава 7. Школа для родителей

Рекомендации, изложенные в предыдущих главах, отражают мое убеждение, что твердая родительская власть, основанная на любви, оказывает самое здоровое и благотворное действие на детей и семью в целом. Эта концепция воспринималась как непреложная заповедь в течение тысячелетий, но теперь подвергается сомнению в некоторых профессиональных кругах. Собственно говоря, в последнее время сомнению подвергалось все христианское наследие, относящееся к семейной жизни. Как следствие этого, американский народ подвергся влиянию некоторых идей из числа самых глупых за всю историю человечества; к ним относятся идея об открытом браке, теория, основанная на высказывании "Бог умер", так называемая "новая мораль" - всего не перечислишь. Но, пожалуй, самая одиозная из всех этих глупостей - идея о том, что для детей каким-то образом опасно добросовестное руководство их любящих родителей.

Первая книга об этом, получившая широкое распространение, была написана известным педагогом Джоном Холтом. Известность к г-ну Холту пришла после опубликования книги "How Children Fail", сразу же ставшей бестселлером.

Но затем Холт выпустил книгу, которую я считаю буквально бедствием. Она называлась "Побег из детства" ("Escape from Childhood"). Вот какая рецензия появилась на нее в "Лос-Анджелес Тайме":

"В своем последнем произведении г-н Холт недвусмысленно проповедует низвержение родительской власти буквально во всех сферах. По его мнению, независимо от возраста, дети должны обладать правами: вести половую жизнь, пить и употреблять наркотики, водить автомобиль, голосовать, работать, владеть собственностью, иметь гарантированный доход, самим выбирать себе наставников, управлять процессом своего обучения, быть юридически и материально ответственными.

Короче говоря, Холт выдвигает идею о том, что родители должны полностью отказаться от того главенствующего положения по отношению к своим детям, которое они занимали в течение многих столетий как в нашей, так и в других

странах, а также окунуть их, или вернее, позволить им окунуться (когда они того захотят) в мир реальной жизни".

По-моему, это глупость, а по-вашему? Способны ли вы, к примеру, представить себе шестилетнюю девочку за рулем автомобиля, который везет ее в офис компании по продаже недвижимости, где она и ее приятель дошкольного же возраста за стаканчиком martini будут обсуждать вопрос о покупке нового дома? Способны ли вы вообразить себе сцену прощания отца и матери со своим пятилетним сыном, который решил забрать своего плюшевого мишку и переехать в другое место? Неужели мы вконец рехнулись?

Позволю себе повторить еще раз: все эти советы были написаны не каким-нибудь никому не ведомым чудачком, Бог знает откуда взявшимся - это философские рассуждения одного из самых известных американских педагогов.

И что самое удивительное, так это отклики, которые г-н Холт получил на многие из своих революционных идей. Вот что сказал он корреспонденту "Тайме" в ответ на вопрос о его отношении к реакции общественности: "Как это ни странно, глава, где я пишу о спиртном и наркотиках, допуская, что молодые люди могут делать то же самое, что позволено взрослым, и в том числе самим решать вопросы своей половой жизни, не вызвала столько осуждений, как я ожидал. Напротив, симпатии читателей явно перевешивали враждебное или негативное отношение".

Взгляды Джона Холта разделяют и другие специалисты, которые "проповедуют низвержение родительского авторитета буквально во всем". Так, например, психолог по имени Ричард Фарсон написал сходную и такую же революционную книгу под заглавием "Прирожденные права: Билль о правах для детей" ("Birthrights: A Bill of Rights for Children"). Он и ему подобные люди возглавляют движение, которое "Лос-Анджелес Тайме" называет "нарастающим маршем за права детей". Все эти писания вдохновили агрессивную кампанию в вашингтонской и других легислатурах за реализацию целей этого энергичного движения.

Более умеренный и менее экстремальный вариант такой философии нашел отражение в программе, получившей название "Обучение воспитательной эффективности" (или сокращенно ОВЭ). Ее создатель д-р Томас Гордон в настоящее время стал, пожалуй, самым влиятельным в Америке консультантом по вопросам воспитания детей. В стране действует более 8.000 курсов по ОВЭ, где методы воспитания д-ра Гордона преподаются буквально с миссионерским рвением. Всего курсы прошло уже более четверти миллиона родителей, что позволило "Нью-Йорк Тайме" назвать ОВЭ "национальным движением". Мало того, в работе ОВЭ принимают участие многие христиане, а некоторые церкви оказывают материальную поддержку своим прихожанам, чтобы они могли пройти обучение.

Одним словом, все обстоит настолько серьезно и влияние программы д-ра Гордона так велико, что его философию и советы родителям стоит рассмотреть в свете традиционных христианских ценностей.

Ни победителей - ни побежденных

Наиболее полезная часть программы ОВЭ предусматривает обучение искусству слушать. Д-р ГОРДОН совершенно справедливо указывает на неумение многих родителей понимать то, что говорят их дети. Эти люди, конечно же, слышат слова, но не понимают значения, которое вкладывает в них ребенок. Способность к активному восприятию - это весьма ценное качество. Им должен обладать каждый родитель, и я с большим энтузиазмом рекомендую вам ознакомиться с этой стороной программы Гордона.

Сущность философии ОВЭ, однако, заключается в таком подходе к отношениям между родителями и детьми, который можно охарактеризовать словами: "ни победителей - ни побежденных". Эта система предполагает поиск решений, устраивающих обе стороны. Позволю себе пересказать пример из книги Гордона, описывающий пятилетнюю девочку по имени Бонни, которая по утрам не любит одеваться. Даже если мать будит ее достаточно рано, она все равно играет и копается, а в результате все опаздывают. Мать, конечно, могла бы накричать на Бонни, могла бы наказать ее или, наоборот, поощрить, когда та делает все вовремя. Вместо этого мать решает обсудить проблему с дочерью и найти решение, которое устроило бы обеих. Во время разговора Бонни признается, что совсем не любит ходить в детский сад и для нее "лучше побыть дома и поиграть с мамочкой". В конце концов мать и дочь приходят к соглашению, что если Бонни будет расторопнее по утрам, то после обеда девочка не будет спать, а вместо этого целый час будет играть с матерью. Совместно разрабатывается план действий, который теоретически должен заставить девочку одеваться побыстрее (чего и хотела мать), а вместо отдыха устраивать веселые развлечения (чего и хотела дочь). Ни одна из сторон не "выигрывает" за счет другой, но ничего и не теряет.

Во многих случаях компромисс и переговоры - лучшая форма взаимоотношений между родителями и детьми. С этим я не могу не согласиться. Шестилетний Джонни может добровольно отдохнуть или поспать днем, чтобы вечером посмотреть позднюю детскую телепрограмму. Мама может предложить своему десятилетнему сыну подвезти его на бейсбольную тренировку при условии, что в комнате у него будет порядок. Как и все остальное, соглашения и сделки в человеческих отношениях так же допустимы между отцом и сыном, мужем и женой, как между главами государств. И в этом случае целью должен быть принцип "ни победителей - ни побежденных".

Причина моей озабоченности - не в необходимости садиться за стол переговоров, тем более, что зачастую того требует сама житейская ситуация. Меня беспокоит скорее отрицание Гордоном родительского авторитета во всех его формах. Рассмотрим следующие выдержки из его книги: "Упрямая настойчивость, с которой внедряется идея о том, что родители могут и должны пользоваться своей властью, веками мешала добиться сколько-нибудь значительных изменений в деле воспитания подрастающего поколения и вопросах отношения родителей к своим детям.

Дети не любят тех, кто может ими командовать, дети не хотят, чтобы родители, пользуясь своей властью или при помощи угроз воспользоваться ею, пытались втиснуть в определенные рамки их поведение. Дети хотят сами управлять своим поведением и согласны сами ограничивать его определенными рамками, когда

оно, по их мнению, должно быть изменено или чем-то ограничено. Так же, как взрослые, дети предпочитают сами руководить собой.

По моему убеждению, чем больше людей осознает, что такое, в сущности, авторитет и власть, тем большее число родителей... будет вынуждено искать новые созидательные, основанные на ненасилии методы воспитания детей и молодежи".

Такое же осуждение власти мы находим и в книгах, которые Гордон рекомендует прочесть. Среди прочих в его статье упоминаются два автора: Джон Холт и Ричард Фарсон, о которых мы уже говорили. О "Прирожденных правах" Фарсона Гордон писал: "Эта книга поможет родителям сформировать новый взгляд на свою роль, который освободит их от чувства вины и сознания полной ответственности за поведение и духовные ценности их детей".

С моей точки зрения, эти исполненные пренебрежения к авторитету взгляды полностью противоречат библейскому учению. Как мы уже говорили раньше, в Первом послании к Тимофею апостол Павел утверждает, что хорошо управляющий домом своим (речь идет об отце) должен детей содержать в послушании, ибо это угодно Господу. То же самое Божественное правило мы находим и в Послании к Колоссянам, где Павел обращается к молодому поколению: "Дети, будьте послушны родителям (вашим) во всем, ибо это благоугодно Господу" (Кол, 3:20). Нигде в Библии о детях не говорится как о равноправных участниках переговоров, имеющих право самим решать, принимать или не принимать советы старшего поколения.

Почему же авторитет родителей утверждается в Писании с такой настойчивостью? Неужели оно попросту потворствует прихотям деспотичных и жадных до власти взрослых, как это утверждает Гордон? Да ни в коем случае!

Напротив, руководство родителей играет существеннейшую роль в развитии ребенка! Учась, привыкая подчиняться власти любящих родителей, дети учатся подчиняться другим формам власти, с которыми им придется встретиться в дальнейшей жизни. То, как ребенок смотрит на руководство своих родителей, задает тон его отношениям с учителями, руководителями в колледже, полицией, соседями и работодателями. Несмотря на пренебрежительное отношение идеологов ОВЭ к этим видам власти, все они крайне необходимы для поддержания здоровых человеческих отношений. Ведь отсутствие уважения к руководству чревато анархией, хаосом и неурядицами для всех участвующих сторон.

Подчиняясь руководству любящих отцов и матерей, дети одновременно учатся подчиняться благожелательному руководству Самого Бога. Хорошо известно, что ребенок зачастую своих родителей отождествляет с Богом, нравится взрослым это или нет, и большинство детей воспринимают Бога таким, какими видят они своих земных отцов (и в меньшей степени матерей). Наглядным подтверждением тому в нашей семье стало событие, которое произошло, когда нашему сыну Райану было всего два года. С самого рождения он смотрел, как его сестра, мать и отец произносили молитву перед едой - так мы всегда благодарим Бога за наш хлеб. Но, помня о возрасте малыша, мы никогда не предлагали ему помолиться с нами.

И вот однажды, когда меня не было дома, Ширли, накрыв стол к обеду, повернулась к Райану и неожиданно для себя самой сказала: "Не хочешь ли поблагодарить Бога за наш хлеб, сынок?" Вопрос, по-видимому, удивил его. Он растерянно огляделся по сторонам, затем, сложив маленькие ладошки, прошептал: "Я люблю тебя, Папочка. Аминь."

Когда я вернулся домой и услышал рассказ о молитве Райана, я понял, что сын в самом деле спутал меня с Богом. И, признаюсь, меня это испугало. Мысль сына не лишена логики, но ее конкретное приложение заставляет меня чувствовать дискомфорт: слишком непосильное это дело для простого отца. Неизбежно наступит время, когда я разочарую сына, - время, когда я буду чувствовать себя усталым и не смогу быть тем, кем он хочет меня видеть, время, когда мои человеческие слабости станут слишком очевидны. Собственно говоря, уже был не один случай, когда я не сумел оправдать его ожиданий, и чем старше он будет становиться, тем большим будет разрыв между мною настоящим и тем, каким представляет меня мой сын. Нет, я не хочу, чтобы мои дети, глядя на меня, представляли себе Бога. Но хочу я того или нет, они уже определили мне место, и, поверьте, ваши дети сделали то же самое! Это неизбежно. Сам Создатель возложил на нас эту огромную ответственность, и мы, как родители, должны для следующего поколения отразить в себе две стороны Божественной природы. Во-первых, наш Небесный Отец есть Бог безграничной любви, и наши дети должны познакомиться с Его нежностью и милосердием через нашу любовь к ним. Но не сделайте ошибки: наш Господь одновременно есть обладатель бесконечной власти! Вся Вселенная управляется Всевышним Господом, Который требует от Своих детей послушания Своей воле и предупреждает: "Возмездие за грех - смерть" (Римл. 6:23). Выказывать любовь к детям без строгости - значит в такой же степени исказить природу Бога, как и употребляя жесткую власть без любви.

С этой точки зрения представляется неправдоподобным, что ребенок, "торгуясь" с родителями и учителями, на самом деле учится подчиняться власти Всемогущего. И я считаю абсолютно неопровержимым тот факт, что если ребенка с самого раннего детства учат не уважать авторитет родителей: высмеивать, дразнить, не слушаться, своевольничать, - то маловероятно, что лет через двадцать он смиренно скажет: "Вот я, Господи, да будет воля Твоя". Повторяю еще раз: ребенок учится слушаться воли Божией, подчиняясь руководству своих родителей. Ничего подобного нет в опыте ОВЭ.

Что же имеет в виду апостол Павел в Послании к Тимофею, говоря о "домашнем управлении"? Неужели этим он дает родителям право быть грубыми и жестокими по отношению к своим детям, неужели позволяет им пренебрегать чувствами младших членов семьи, воспитывая в них страх перед старшими? Без сомнения, нет! Обратимся к Посланию к Ефессянам. В нем мы найдем такие слова: "И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем" (Еф. 6:4). Обратите внимание: в отличие от Гордона и его единомышленников Библия последовательно и настойчиво утверждает положительную роль РУКОВОДСТВА любящих родителей в воспитании детей. Поставленный перед выбором, я остановлюсь на непреложном и вечном Слове Божиим!

Но не только точка зрения Гордона на авторитет родителей представляется мне сомнительной. Меня беспокоят также два других аспекта его философии, получившей широкий отклик в нехристианских кругах.

1. "Дети изначально хороши; их портят плохие отношения с родителями и другими людьми из их окружения."

Эту оптимистическую концепцию Гордон развивает в своей книге. Например, касаясь вопроса о склонности детей ко лжи, он, в частности, пишет:

"Хотя дети часто лгут из-за того, что родители слишком полагаются на поощрения и наказания, я твердо убежден, что склонность ко лжи у детей не природная; это - приобретенная реакция..."

Хотелось бы мне, чтобы было так. Но доктор Гордон снова противоречит Священному Писанию. Иеремия говорил: "Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?" (Иер.17:9). Проникновенный взгляд пророка на человеческую природу подтверждается всем ходом истории человечества. Со времен Адама она отмечена грязными пятнами убийств, войн, насилия и грабежей. В истории человечества было по крайней мере *одно* поколение, получившее от родителей правильное воспитание. И все же жадность, сластолюбие и эгоизм остались общими чертами всех людей. Очевидны ли эти свойства и в детях? Ответ мы находим у Давида, который признавал: "... я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя" (Пс.50:7).

В чем же заключается разница между этими двумя взглядами на детей? Практически во всем! С одной стороны, родителей, убежденных, что лучезарная доброта есть врожденное свойство всех детей, призывают посторониться и не мешать развитию лучших качеств человеческой природы. С другой стороны, родители, сознающие неизбежность внутренней борьбы между добром и злом в каждом человеке, делают все, чтобы повлиять на выбор своих детей, всячески способствуют формированию у них положительных черт характера, стараются заложить в них прочную духовную основу. Они понимают, чем опасно открытое неповиновение; их мысли полностью соответствуют словам Писания: "Ибо непокорность есть такой же грех, что и волшебство, и противление то же, что идолопоклонство" (1 Цар. 15:23).

Вся моя книга, как вы уже поняли, есть продукт библейского взгляда на человеческую природу. Доброта, любовь, щедрость и покорность воле Божией - совершенно не типичные человеческие качества. Напротив, мы склонны к себялюбию, упрямству и греху. В сущности, перед Богом мы все - непослушные дети. Из всех людей один Иисус был безгрешен. Его слова: "Не Моя воля, но Твоя да будет" (Лук. 22:42) свидетельствуют о том, что Он был существом совершенно иной природы. Любой родитель-христианин желает привести своего ребенка к Нему. Только Он способен "очистить" его от бунтарства.

Это очень старое объяснение человеческой природы, и оно звучит страшно ненаучно. Но так учит Библия, и я верю ей.

Перейдем теперь ко второму аспекту философии Гордона.

2. *"Как у родителей, у нас нет ни прав, ни обязательств навязывать детям свои ценности, позиции и верования".*

Если бы кто-нибудь высказал эту мысль несколько лет назад, то участием его стали бы всеобщее презрение и насмешки. И все же, нимало не колеблясь, Гордон решает бросить вызов вековой мудрости. В своей книге он пишет: *"Кто должен решать, что полезно для общества? Родители? Дети? Кто знает лучше? Это сложные вопросы. Опасно оставлять решение их за родителями. Не всякий выбор людей старшего поколения может быть достаточно мудрым"*.

Я солидарен с д-ром Гордоном в его недоверии к человеческой мудрости: Я бы тоже пребывал в постоянных сомнениях, не будь у меня должных критериев и ориентиров, опираясь на которые я, как родитель, могу принимать решения. К счастью, отцы и матери-христиане не должны во всем "полагаться на свое разумение", ведь им доступна мудрость Самого Бога. Создатель неба и земли и маленьких детей поделился с нами Своим знанием, открыв нам вечные истины. Более того, Он вдохновил Соломона и тот написал Книгу Притчей, которая призывает нас: "Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет" (Прит.22:6).

Познакомившись с основными положениями "Обучения воспитательной эффективности", я отчетливо понял, что Том Гордон черпает вдохновение из другого источника. Собственно говоря, систему, разработанную Гордоном, я склонен рассматривать как всего лишь одно из множества новейших изобретений в области психологии, явно противоречащих христианской этике. Неожиданно традиции, пользовавшиеся уважением в течение тысячелетий, повержены в прах.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Кое-что из приведенных выше рассуждений вначале было опубликовано в журнале "Moody Monthly", который и обратился ко мне с предложением написать эту статью. Внимательно все обдумав, я теперь понимаю, что тогда в недостаточной степени оценил положительные стороны ОВЭ. Ни одна сколь-нибудь успешная программа не лишена положительных сторон, а потому было бы несправедливо отметить только недостатки ОВЭ. В самом деле, к числу достоинств этой школы следует отнести многие советы, касающиеся обучения искусству слушать, ведения переговоров между родителями и детьми, воспитания терпимости у родителей. Мало того, помимо методов, предложенных Гордоном, не так уж много иных возможностей, которые стоило бы порекомендовать тем, кто ищет взаимопонимания со своими детьми.

И все же, с моей точки зрения, огромные недостатки философии Тома Гордона существенно перевешивают ее достоинства. К числу таких недостатков, повторяю, относятся: 1) полное непонимание значения родительской власти; 2) гуманистическое заблуждение относительно того, что дети рождаются изначально "хорошими" и только потом приобщаются к дурному; 3) тенденция к ослаблению родительской решимости *воспитывать* в детях уважение к духовным законам в то время, когда они к этому особенно восприимчивы. По этим причинам я не рекомендую родителям-христианам посещать курсы ОВЭ, если они не обладают достаточным иммунитетом к противоречиям и заблуждениям этой программы.

ВОПРОСЫ.

Вопрос: В качестве иллюстрации д-р Гордон довольно часто рассказывает о мальчишке, пачкающем грязными ногами дорожную мебель. Родителей это возмущает, и они приказывают ему немедленно убрать грязные ботинки с дивана или стула. Затем Гордон показывает, как вежливо ведут себя те же родители, если подобное позволяет себе взрослый гость. Они могут очень деликатно попросить его убрать ноги, но ни в коем случае не наказывают и не ругают его. Далее д-р Гордон спрашивает: "Разве дети не люди? Так почему же мы не обращаемся с ними так же уважительно, как и с нашими взрослыми друзьями?" Что вы можете сказать по поводу этой иллюстрации?

Ответ: Мне тоже приходилось слышать эту историю, но, как мне кажется, она содержит в себе не только истину. Я не могу не согласиться с тем, что мы должны быть добрее и уважительнее к нашим детям. Вместе с тем я считаю ошибкой приравнивать в рассуждениях собственных детей к гостям дома. В самом деле, я не несу никакой ответственности за обучение последних вежливости и хорошим манерам, но по отношению к собственным детям считаю это своей обязанностью. Далее, пример предполагает, что дети и взрослые думают и действуют одинаково, имеют те же потребности. Это не так. Мы уже говорили, что ребенок часто ведет себя вызывающе с единственной целью: установить предел терпения родителей. Напротив, гость, кладущий ноги на кофейный столик, вероятнее всего делает это по причине собственного невежества либо просто по рассеянности.

Важно понимать, что в приведенном примере Гордон искусно переставляет акценты в традиционной системе отношений между родителями и детьми. Вместо того, чтобы нести прямую ответственность за воспитание, обучение и руководство детьми, мама и папа ставят с ними на одну доску. Им остается лишь надеяться, что их независимые маленькие "гости" с возрастом поймут, что от них требуется.

Нет, дети - это не случайные гости в нашем доме. Они даны нам на время, чтобы мы, любя, закладывали в них основу непреходящих ценностей, на которой будет строиться их дальнейшая жизнь. И мы ответственны перед вечностью за то, как справимся с этой задачей.

Вопрос: Вы говорите о необходимости надлежащего использования авторитета, противопоставляя его грубой родительской власти. Между тем д-р Гордон в своей книге пользуется этими понятиями, не различая их. Существует ли такое различие, и если да, то в чем оно состоит?

Ответ: С моей точки зрения, авторитет и власть - такие же разные понятия, как любовь и ненависть. И действительно, о родительской власти можно говорить как о грубой форме манипулирования детьми для достижения эгоистичных целей взрослых. В таком виде власть противоречит интересам ребенка и неизбежно приводит к отношениям, замешанным на страхе и ненависти. Только строевые инструкторы в ВМФ полагались на такие методы воспитания вверенных им новобранцев.

Об истинном авторитете, напротив, можно говорить как о *руководстве*, основанном на любви. Если бы не было людей, принимающих решения, и тех, кто согласен им разумно следовать, то в человеческих отношениях неизбежно наступили бы хаос и неразбериха. Авторитет, основанный на любви, - вот что формирует социальные структуры, вот что абсолютно необходимо для здоровых отношений в семье.

Иногда я говорю своему сыну: "Райан, ты так устал потому, что вчера поздно лег спать. Я хочу, чтобы ты почистил зубы и надел пижаму". Возможно, мои слова звучат как предложение, но Райан всегда помнит, от кого оно исходит. Если, по определению д-ра Фарсона, это можно считать злоупотреблением властью, то пусть так и будет. Я не всегда располагаю временем, чтобы вести переговоры, и не чувствую себя обязанным по любому поводу искать компромиссы. Зато я располагаю АВТОРИТЕТОМ, которым пользуюсь, чтобы делать то, что, по моему убеждению, необходимо для Райана; и в некоторых случаях я хочу, чтобы он не вступал в переговоры, а ПОВИНОВАЛСЯ. Как я уже отмечал, учась подчиняться моему руководству, Райан учится подчиняться авторитету любящего Бога. А это в корне отличается от применения злобной и враждебной власти, опирающейся на то, что мы с сыном "в разных весовых категориях".

Вопрос: Что вы думаете о предложении Гордона использовать "я" - формулу вместо "ты" - формулы?

Ответ: Думаю, в этом есть рациональное зерно. Пользуясь местоимением "я", гораздо легче призвать ребенка изменить свое поведение, не задевая его самолюбия. Например: "Диана, мне будет неловко, если наши соседи увидят беспорядок в твоей комнате. Я очень прошу тебя прибраться". Наоборот, употребляя слово "ты", мы невольно затрагиваем достоинство того, к кому обращаемся, и вынуждаем его этим занять оборонительную позицию. Например, я говорю: "Почему ты вечно все разбрасываешь, Диана?! В жизни не видел таких нерях, как ты! Давай-ка убирай этот хлам!" Как вы думаете, к чему приведут такие слова? Вы правы. Поэтому я согласен с Гордоном: первый вид обращения намного лучше второго, и совет доктора по-настоящему мудрый.

Но давайте рассмотрим теперь другую ситуацию. Предположим, я взял своего четырехлетнего сынишку Дейла в магазин, где он начинает нарушать все известные правила. Он устраивает сцену из-за того, что я не купил ему воздушный шарик, толкает маленькую девочку и хватает горсть жевательной резинки с витрины. Не сомневайтесь, когда я выведу дорожку Дейла из магазина, он услышит несколько "ТЫ"- формул... Например, такую: "Когда ты придешь домой, дружище, ты получишь хорошую трепку".

С моей точки зрения, в жизни родителя не так уж часто бывают случаи, когда он со своим ребенком вынужден говорить не как равный с равным, а как ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЛАСТИ. Но в этих случаях "ты"- формула больше соответствует ситуации, чем изъятие персонального родительского огорчения.

Вопрос: Д-р Гордон считает, что родители не знают, что хорошо для их детей. Скажите, чувствуете ли вы непоколебимую уверенность, что поступаете

правильно, когда принимаете особенно важные решения за ваших детей? Откуда вы знаете, что поступаете верно и сделанное вами послужит им на пользу?

Ответ: Каких-то ошибок и просчетов не избежать. Я не могу скрыть все свои человеческие слабости, и иногда мои дети могут стать жертвой этих недостатков. Но я не могу отказаться от своих родительских обязанностей только потому, что не обладаю абсолютной мудростью и проницательностью. А кроме того, в данный момент по сравнению с детьми у меня гораздо больше опыта и знаний, необходимых для принятия таких решений. Я уже был там, куда они идут.

Быть может, один упрощенный пример послужит неплохой иллюстрацией к тому, о чем я говорю. У моей дочери есть ручной хомяк (с неприятной кличкой Хэмми), у которого просто страсть к свободе. Каждую ночь он старается перегрызть металлические прутья клетки или просовывает мордочку в дверцу. Совсем недавно я сидел и смотрел, как Хэмми изо всех сил старался удрать. Но я был не единственным наблюдателем. Рядом в тени притаился старый Зигмунд, наша такса. Поднятые уши, хитрые глаза и дрожащий высунутый язык выдавали его коварные планы. Зигги думал: "Ну, ну, давай, малыш! Вырывайся на свободу! Сокруши все преграды, и я подарю тебе такие ощущения, каких ты в жизни не испытывал!"

Интересно,- думал я,- что самое его заветное желание повлечет за собой немедленную и ужасную смерть, если, к несчастью, оно осуществится. Сходство с человеческой жизнью было настолько очевидным, что я невольно покачал головой, глядя на эту пьесу в театре зверей. Случается, что требования и желания наших детей, если им потакать, могут тоже обернуться большой бедой. Предел их мечтаний - не спать до полуночи, не ходить в школу, целый день смотреть мультики и съедать десяток порций шоколадного мороженого. Позже они не почувствуют опасности употребления наркотиков, добрачной половой жизни, проведения времени в праздности и удовольствиях. Так же, как Хэмми, им не хватает широты зрения, чтобы обнаружить опасности, таящиеся в тени. Увы, не успевают многие молодые люди понять, что они совершили ошибку, а их уже "засасывает".

Постепенно мысли мои перешли на мои собственные отношения с Богом и просьбы, с которыми я обращался к Нему в молитвах. Я поразился тому, сколько раз я просил Его приоткрыть дверь моей "клетки", не ценя того, что она берегла меня от опасности. Я решил впредь с большим смирением принимать Его волю.

Возвращаясь к заданному вопросу, позволю себе повторить, что решения, которые я принимаю за своих детей, не исходят от бесконечной мудрости. Но они тем не менее основаны на любви и искреннем желании сделать как можно лучше. В остальном же я всегда полагаюсь на Бога.

Вопрос: Раньше вы говорили, что дети не способны принять любовь, пока не проверят решительность и силу своих лидеров. Почему вы считаете, что это так?

Ответ: Не знаю, почему это так. Но любой школьный учитель подтвердит: уважение к авторитету должно опережать проявления любви. Те учителя, которые источают любовь в сентябре, а в январе насаждают дисциплину,

обречены на провал. Так не получается. (Вот почему я советую педагогам - почти всерьез - не улыбаться в классе до дня Благодарения.)

Пожалуй, один из самых тягостных эпизодов в моей профессиональной деятельности - это мое обращение к группе студентов, которые готовились преподавать в школе. Причиной стресса была моя неспособность убедить молодых идеалистов в необходимости следовать этому правилу. Они действительно верили, что, излив свою любовь, они немедленно заслужат уважение со стороны юных бандитов. Мне не оставалось ничего другого, как только посочувствовать новоиспеченным учителям, которые вскоре окажутся в джунглях муниципальных школ, одинокие и испуганные. Они обречены получить свою "любовь" назад - ее просто-напросто швырнут им в изумленные лица. **УЧЕНИКИ НЕ ВОСПРИНИМАЮТ ЛЮБОВЬ УЧИТЕЛЯ, ПОКА НЕ УБЕДЯТСЯ, ЧТО ДАЮЩИЙ ЕЕ ЗАСЛУЖИВАЕТ УВАЖЕНИЯ.**

Я думаю, что читателя уже не удивит моя вера в необходимость авторитета в классе - в такой же степени, как и дома. Ведь при отсутствии его мы попадаем в ситуацию, где учителя боятся директора, директор - инспектора, инспектор - опекунского совета, опекунский совет - родителей, родители - детей, а дети, представьте, не боятся никого!

Пусть я и не опытный богослов, но я все-таки поделюсь с вами своими взглядами. По моему глубокому убеждению, в отношениях между человеком и Богом наблюдается то же самое явление.

Мы должны ощутить Его величие и власть - и даже гнев - и только затем мы сможем постичь всю глубину Его любви к нам, выражением которой стали жизнь и смерть Иисуса! Не случайно Он дал нам Ветхий Завет раньше, чем Новый.

Как христианина, меня чрезвычайно беспокоит склонность некоторых священников говорить лишь об одном из Божественных проявлений, то есть о любви или о правосудии, умалчивая о другом. Те, кто сосредотачивает внимание только на гневе и требовательности, несут остальным образ Бога в искаженном свете. Наш Господь есть также Бог бесконечной любви. Но гораздо более распространенным искажением истины в наш распушенный век стало представление о Боге как о благодушном дедушке, который закрывает глаза на грехи и не замечает непослушания Своих внуков. Откройте Библию, в ней вы нигде не найдете ничего подобного.

Как это ни странно, но те священники, которые предпочитают говорить только о любви Бога, тем самым лишают своих прихожан возможности постичь эту любовь. Видите ли, вне понимания правосудия Творца, вне осознания Его обещания карать всякое зло утрачивается смысл крестной смерти Иисуса. Ведь Иисус умер, чтобы дать нам средство от проклятия греха! Тому, кто не ощущает проклятия, то есть болезни, не нужно и лекарства.

Я полагаю, что те из священников, которые "вычеркивают" из Библии непопулярные темы, оказывают пастве медвежью услугу и попросту потакают малодушию.

Глава 8. Подросток с норовом

Увы, мы подошли к порогу юности, этого динамичного времени жизни, которое приходит с прыщиками и уходит с бородой, этого сезона ухаживания, когда девочки начинают краситься, мальчики курить. Это волнующий период жизни, который, если быть откровенным, я не хотел бы пережить снова. Почти не сомневаюсь, читатели, вы не захотели бы тоже. Мы, взрослые, слишком хорошо помним страхи, насмешки и слезы нашей собственной буйной юности. Возможно поэтому родители начинают трепетать и хвататься за голову, когда их дети достигают этого возраста.

Было бы большой ошибкой предполагать, что у меня есть готовый ответ на любую из проблем, которые возникают у родителей, чьи дети вступили в пору юности. Я прекрасно сознаю ограниченность своих знаний и охотно соглашаюсь с тем, что писать о "горячке юных лет" гораздо проще, чем иметь с ней дело в реальной жизни. Поэтому каждый раз, как я ловлю себя на самомнении и авторитарности, я вспоминаю, что сказала мамаша-китиха своему китенку: "Когда ты выплываешь на самый верх и начинаешь выпускать фонтан, тут-то тебя и загарпунят!" Помня это предупреждение, я позволю себе смиренно предложить вашему вниманию несколько идей, которые могут быть полезны в общении с неуправляемыми подростками.

1. Подростки отчаянно нуждаются в уважении и признании. Дайте им это!

Период юности, как правило, самый болезненный в жизни, отмечен быстрыми физиологическими и эмоциональными переменами.

Тринадцать и четырнадцать лет - самые трудные двадцать четыре месяца в жизни. Именно в это время сомнения в себе и ощущение неполноценности достигают пика при максимальном давлении социальной среды. Самооценка подростка опасным образом зависит от одобрения или неодобрения группы сверстников. Малейшие признаки отвержения членами коллектива имеют поистине огромное значение для того, кто и так считает себя неудачником. Трудно переоценить удар, нанесенный тому, с кем никто не хочет сидеть во время школьной автобусной экскурсии; кого не приглашают участвовать в каком-нибудь общем деле; кто становится объектом насмешек сплоченной компании; кто, просыпаясь утром, обнаруживает несколько новых прыщей на лбу, и без того не гладком; кому достается пощечина от девушки, которая, как он считал, любит его так же, как и он ее. Многим юношам и девушкам приходится пройти через подобную социальную катастрофу. Об этом им не забыть никогда.

Но это еще не все. В условиях западной культуры чувство собственного достоинства юноши страдает от самого статуса "подростка". Все широко рекламируемые привилегии взрослых ему запрещены - он еще слишком молод. Нельзя водить автомобиль и жениться, поступать на воинскую службу, пить спиртное, курить, нельзя работать, нельзя уйти из дома. Отказано в удовлетворении сексуальных потребностей в то время, когда они просто вопиют об этом. Разрешается только одно - ходить в школу и читать скучные учебники. Это, конечно, преувеличение, но именно так выглядит дело с точки зрения

подростка, который чувствует себя ущемленным обществом. Во многом гнев сегодняшних молодых вызван их отношением к этой несправедливости.

Д-р Урия Бронфенбреннер, Корнелльский университет - признанный авторитет по вопросам воспитания детей - также считает период ранней юности самым деструктивным в жизни человека. Своими соображениями по этому поводу он поделился в интервью с Сюзанной Бирн, напечатанном в журнале "Psychology Today".

В этой статье Бронфенбреннер вспоминает, как во время слушаний в сенате США его попросили указать наиболее критический период в развитии ребенка. Он понимал: сенаторы ждут от него подтверждения важности дошкольного воспитания детей, что отражает популярную точку зрения, будто закладка основ личности происходит в первые шесть лет жизни. Но Бронфенбреннер сказал, что ни разу в своей практике не нашел этому подтверждения. Он согласился, что дошкольные годы важны, но не более, чем остальные фазы детства, а затем объяснил сенатскому комитету, что период учебы в старших классах, пожалуй, самый критический в становлении душевного здоровья детей. Именно в этот период сомнений и неуверенности в себе личности ребенка может быть нанесен непоправимый ущерб. Очень часто вполне здоровые и счастливые дети после двух лет учебы в старших классах выходят из них надломленными и неуверенными в себе.

Я полностью согласен с мнением Бронфенбреннера. Ученики старших классов, как правило, жестоки в отношениях друг с другом; как стая диких волков, терзающих раненого оленя, они нападают на слабую жертву и безжалостно мучают ее. Ничто, пожалуй, не вызывает у меня такого негодования, как издевательства над ранним ребенком, только что вышедшим из рук Создателя, на заре своей жизни, которого учат презирать себя и ненавидеть свое тело, которого вынуждают жалеть о том, что он родился на свет. Я готов предложить свою помощь тем мальчикам и девочкам, которым так нужен друг в этот период страшной неуверенности в себе.

Я не только отлично помню эмоциональные конфликты моей собственной юности, но неоднократно с тех пор наблюдал это беспокойное время в жизни других. Я имел удовольствие работать учителем в государственной школе в течение нескольких лет. Два года из этих по-особому памятных и плодотворных лет я преподавал в старших классах. Каждый день я учил математике 225 сорвиголов, от которых сам научился большему, чем они от меня. Именно здесь, на линии огня, складывались и укреплялись мои дисциплинарные концепции. Все, что годилось в дело, нашло свое место в системе, рассчитанной на практическое использование, а возвышенные теории, выдуманные далекими от жизни воспитателями, разлетелись на куски, как бутафорские макеты на военном полигоне.

Один из самых важных уроков тех лет имел отношение к обсуждаемой нами проблеме низкой самооценки. Почти сразу для меня стало ясно, что ПРИ УСЛОВИИ уважительного отношения к достоинству учащихся в классе не так уж сложно установить и поддерживать дисциплину. Я старался заслужить их дружбу до и после школы, во время обедов и в ходе конфликтов. Я был тверд, особенно

когда чувствовал, что мне бросают вызов, но никогда не вел себя невежливо, нечестно или оскорбительно. Я защищал обиженных и упорно старался восстановить в ребенке уверенность и самоуважение. Я никогда не снижал своих требований к поведению. У меня 9 классе не разговаривали, не жевали резинку; запрещено было обращаться друг к другу неуважительно, обижать и оскорблять друг друга. Я был настоящим капитаном корабля и управлял им с военным рвением.

Результат этого сочетания уважения и твердой дисциплины составляет самое приятное воспоминание всей моей профессиональной жизни. Я ЛЮБИЛ моих учеников и имел все основания считать, что мне отвечают взаимностью.

Признаюсь, я даже скучал по ним в выходные дни (чего моя жена никогда не могла понять). И в конце последнего года работы в школе, когда я уже паковал книги и прощался со всеми, неожиданно в мою опустевшую комнату пришли двадцать пять или тридцать учеников. Вместе мы провели несколько часов, а когда стали прощаться на автостоянке, у некоторых на глазах показались слезы. Не скрою, я тоже прослезился в тот день. (Прошу извинить меня за эту саморекламу и за то, что я умолчал о своих поражениях, полагая, что для читателей это будет гораздо менее интересным.)

Одна юная леди из тех, кто пришел проститься со мной в тот день, позвонила мне двенадцать лет спустя. Я не видел Джулию больше десяти лет. За это время она стала взрослой женщиной, но я помнил ее семнадцатилетней, с печальными карими глазами, которые выдавали ее неуверенность в себе. Похоже, она стеснялась своего латиноамериканского происхождения и того, что несколько полновата. У нее была единственная подруга, и та уехала с родителями в другой город.

Как старые друзья, мы с Джулией беседовали по телефону, вспоминая годы в Сердалейнской школе, и однажды Джулия спросила: "В какую церковь вы ходите?"

Я сказал ей, и она спросила, не буду ли я возражать, если она встретится со мной как-нибудь утром в одно из воскресений.

Я ответил, что буду рад.

На следующей неделе мы с женой встретили Джулию у входа в церковь, и она провела с нами всю службу. Мы продолжали общаться, и через несколько месяцев Джулия стала самоотверженной христианкой. Она теперь поет в хоре, и многие члены прихода отмечают необычное сияние, которое, кажется, исходит от нее во время пения.

Еще через несколько месяцев, выходя из церкви, я остановил ее и сказал: "Джулия, я хочу спросить, что побудило тебя узнать мой телефон, которого нет в справочниках, и позвонить прошлой осенью? Почему спустя столько лет тебе захотелось со мной поговорить и узнать, в какую церковь я хожу?"

Джулия на минуту задумалась, а потом сказала мне то, что прозвучало как лучший комплимент за всю мою жизнь. Вот ее слова: "Да потому что, когда я училась в седьмом классе, вы были *единственным* человеком, который относился ко мне с уважением и верил в меня. Поэтому я решила узнать вашего Бога".

Постарайтесь проявить благородство по отношению к вашим подавленным и озабоченным детям, и вам удастся обойти многие из проблем, свойственных этому возрасту. Именно так, кстати, нужно общаться с людьми ЛЮБЫХ лет.

Перейдем теперь ко второму совету, который поможет вам использовать первый.

2. Конфликты надо обсуждать, а границы восстанавливать.

Очень часто родителей огорчает ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ, сопутствующая юности. Приведу пример.

Несколько лет назад выпускнику медицинской школы в качестве интернатуры предложили поработать несколько недель в психиатрической лечебнице. К сожалению, он слабо разбирался в природе душевных болезней и ошибочно считал, что он "силой убеждения" сумеет вернуть своих пациентов в мир реальности. В особенности заинтересовал его случай шизофреника, который считал себя умершим.

"Да, это так, - говорил больной всем, кто у него спрашивал. - Я мертвый. Вот уже много лет".

Наш интерн просто не мог отказаться от попыток "уговорить" шизофреника оставить свои фантазии. Поэтому он сел рядом с ним и сказал: "Насколько я знаю, вы считаете себя мертвым, не правда ли?"

"Ну да, конечно, - ответил тот, - я еще мертвее, чем та дверная петля".

"Тогда ответьте мне, может ли у мертвых идти кровь?" - продолжал интерн.

"Конечно, нет," - ответил шизофреник таким тоном, будто был абсолютно здоров. Тогда наш знакомый взял руку больного и уколол его в подушечку большого пальца. Из ранки показалась кровь. Шизофреник охнул от удивления и воскликнул: "Вот это да! У мертвых тоже идет кровь!"

Не исключено, что и вам, читатель, когда-нибудь придется вести похожий "диалог" с совершенно не понимающим вас юным созданием. Обычно такое бывает, когда вы пытаетесь объяснить ему, почему надо быть дома к определенному часу или почему нужно содержать комнату в чистоте, почему нельзя воспользоваться вашей машиной в пятницу вечером или почему *действительно* не стоит переживать из-за того, что тебя не пригласили на вечеринку, которую устраивает всеобщая любимица Элен. Их чувства подчиняются не логике, но динамике социальных, эмоциональных и химических сил.

С другой стороны, мы не можем отказаться от попыток найти общий язык с нашими детьми лишь потому, что это трудно. Необходимо во что бы то ни стало сохранять контакт в эти мятежные, сумбурные годы. Особенно это важно тогда, когда, казалось бы, славный и счастливый ребенок буквально на глазах в считанные дни превращается в раздражительного четырнадцатилетнего анархиста (обычное явление). И что самое интересное, происшедшая метаморфоза заставляет страдать не только вас, но зачастую и самого ребенка. Его и самого может смущать собственный нигилизм и враждебность, неожиданно ставшие частью его натуры. Такому ребенку, без сомнения, необходима терпеливая поддержка любящих родителей, которые объяснят ему всю естественность этого смятения чувств и помогут разрядить накопившееся напряжение.

Как же это сделать? Трудный вопрос. Для того, чтобы приоткрыть дверь, отделяющую вас от рассерженного молодого человека, может потребоваться гораздо больше умения и такта, чем при решении любой другой, пусть даже и очень сложной задачи. Обычно отцы и матери оказываются втянутыми в бесконечные словесные баталии, из которых выходят измотанными, но без каких-либо стратегических преимуществ. Необходимо искать какие-то другие способы общения. Взаимными обидами и криками ничего не добьешься. Позвольте предложить альтернативу, которая может быть полезной в этой ситуации.

В иллюстративных целях предположим, что Брайану четырнадцать лет и он вступил в мятежную, бунтарскую пору, о которой мы говорили выше. Брайан не задумываясь нарушает все правила и, похоже, ненавидит всех членов семьи. Когда родители пытаются призвать его к порядку, он, конечно же, зол, и даже тогда, когда все, кажется, идет спокойно, всем своим видом показывает, что кроме сожаления о пребывании в семье он ничего не испытывает. В прошлую пятницу он вернулся на целый час позднее крайнего срока, но отказался объяснить причину своего поведения и даже языком не шевельнул, чтобы извиниться. Какие действия предпринять родителям в этом случае?

Предположим, что вы - отец Брайана. Вам я порекомендовал бы в субботу утром пригласить сына куда-нибудь вместе позавтракать, оставив дома остальных членов семьи.

Лучше всего, если это событие произойдет спокойно, и уж во всяком случае не тогда, когда в вашем доме идет очередное сражение между представителями разных поколений. Скажите сыну, что вы хотели бы обсудить с ним несколько вопросов, о которых не стоит говорить дома, но ни в коем случае не делайте этого до утра. Потом, выбрав подходящий момент во время завтрака, постарайтесь довести до Брайана следующие мысли (форма может быть произвольной).

А. Брайан, сегодня утром я хотел поговорить с тобой о тех переменах, которые произошли в тебе, о том, что происходит у нас дома. И ты, и я, мы оба знаем, что последние несколько недель не все у нас идет гладко. Ты постоянно сердишься, грубишь, перестал слушаться. Не спорю, мы с матерью тоже вели себя по отношению к тебе не лучшим образом. Мы тоже стали раздражительными и наговорили тебе много такого, о чем теперь сожалеем. Это не то, чего Бог ждет от нас как родителей и от тебя как от сына. Нам нужно научиться решать наши проблемы как-то иначе. За этим мы с тобой сюда и приехали.

Б. Начну с того, Брайан, что я хочу, чтобы ты понимал, что же происходит. Дело в том, сынок, что ты вступил в новую пору твоей жизни, которая, называется юностью. Это последняя фаза детства, и очень часто - это несколько бурных и крайне трудных лет. Почти все люди на земле переживают их, и ты не исключение. Многие из проблем, с которыми ты столкнулся сейчас, можно было предсказать в день, когда ты родился, потому что взросление никогда не было простым делом. Жизнь быстро меняется, и сегодня дети испытывают на себе давление еще большее, чем испытывали мы, когда были молодыми. Я говорю тебе об этом, чтобы ты знал: мы понимаем и любим тебя так же, как раньше, несмотря на то, что последние несколько месяцев были очень трудными для нашей семьи.

В. Видишь ли, Брайан, дело в том, что ты почувствовал, что такое свобода. Ты устал быть мальчиком, за которого решают, что надеть, что есть, когда лечь спать. Это совершенно здоровая реакция. Она помогает тебе взрослеть. Но ты хочешь быть хозяином самому себе, хочешь сам принимать все решения без посторонней помощи. Поверь мне, БРАЙАН, ОЧЕНЬ СКОРО У ТЕБЯ БУДЕТ ТО, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ. Сейчас тебе четырнадцать. Пройдет год, и тебе будет пятнадцать, потом семнадцать, а затем девятнадцать... Ты не успеешь глазом моргнуть, как станешь взрослым - и мы не будем больше нести за тебя ответственность. Настанет день, и ты женишься на ком захочешь, будешь учиться, где захочешь, сам выберешь свою профессию, сам решишь, где будешь работать. Ни я, ни мать не будем даже пытаться принять за тебя эти решения. Мы будем уважать твою зрелость. Более того, Брайан, чем ближе будет этот день, тем больше у тебя будет свободы. В этом году у тебя уже больше привилегий сравнительно с прошлым. В будущем году будет еще больше. Настанет день, и ты станешь полностью свободным и ответ будешь держать лишь перед Богом и собой.

Г. Об одном прошу тебя, Брайан: пойми, ТЫ ЕЩЕ НЕ ВЫРОС. Последние несколько недель ты хотел, чтобы мы с матерью оставили тебя в покое, чтобы мы разрешили тебе возвращаться домой далеко за полночь, чтобы мы позволили тебе не ходить в школу и не требовали от тебя помощи в домашних делах. Ты буквально взорвался, когда мы отказались выполнить все твои требования. Но попытайся понять и нас: ты хотел получить свободу, обладать которой человек имеет право в двадцать лет, а тебе еще только четырнадцать. Ты же, как раньше, хочешь, чтобы твои рубашки были выглажены, чтобы еда для тебя была приготовлена, а счета оплачены. Ты хотел воспользоваться преимуществами обоих миров, не выполняя обязанности ни одного из них. Так что же нам делать? Самое простое для нас - это позволить тебе поступать так, как ты хочешь. Тогда между нами не было бы ссор и конфликтов, не было бы ни огорчений, ни взаимных обид. И я скажу тебе, Брайан, родители многих четырнадцатилетних сыновей и дочерей так и поступают. Но мы *не должны* поддаваться этому искушению, потому что ты не готов еще к полной независимости, и мы, если согласимся удовлетворить твои требования, тем самым проявим к тебе скорее равнодушие, чем любовь. До конца жизни мы будем в этом раскаиваться, и поверь, очень скоро придет время, когда в своих неудачах ты будешь обвинять именно нас. У тебя, Брайан, есть две младшие сестренки, которые за тобой пристально наблюдают, и ты об этом хорошо знаешь. Знаешь ты и то, что мы обязаны защитить их от дурного влияния, которое ты можешь на них оказать.

Д. А кроме того, Брайан, ответственность за тебя, ответственность решать, что для тебя хорошо и что плохо, возложена на нас Самим Богом, и Он обязательно потребует у нас отчет о том, как мы справились с этой задачей.

Е. А теперь, Брайан, мы подошли к главному вопросу. Здесь и сейчас я хочу сказать тебе что-то очень важное: твоя мать и я обещаем впредь быть более внимательными к твоим потребностям и чувствам. Как ты хорошо знаешь, мы несовершеннолетние и потому готовы признать, что могли допустить по отношению к тебе какую-нибудь несправедливость. Если в будущем ты почувствуешь это, не бойся и скажи нам обо всем прямо. Мы тебя внимательно слушаем. Пусть дверь между нами будет всегда открыта. И когда ты попросишь у нас отменить очередной запрет, я задам себе вопрос: "Могу ли я удовлетворить эту просьбу, не повредив самому Брайану или другим людям?" Если я решу: мы можем позволить тебе то, чего ты хочешь, - так и будет. Я не устану искать компромиссы и пойду на все уступки, которые сочту возможными.

Ж. Однако послушай меня, Брайан. Существуют вопросы, в которых *нельзя* идти на уступки, и тогда ты будешь слышать от меня неумолимое "Нет!" Не сомневайся, я буду тверд, как скала. Ничего не дадут ни оскорбления, ни сцены, ни хлопанье дверью. И если ты, несмотря ни на что, не перестанешь сопротивляться этим правилам, то я обещаю тебе: ты потерпишь полное поражение. Спору нет, ты уже слишком большой и взрослый для порки, но я найду другой способ справиться с тобой. Это станет моей целью, и поверь, Брайан, я не буду спать ночами, придумывая, как найти на тебя управу. У меня достаточно смелости и решимости, чтобы выполнить свой долг на протяжении этих твоих последних лет в семье, и я не пожалею никаких сил ради этой цели. Выбирай сам. Либо мы будем жить в мире и согласии, либо, пока ты не повзрослеешь, проведем это время в ссорах и неприязни. Короче говоря, ты *будешь* приходить домой, когда следует, *будешь* принимать участие в домашних делах, *будешь* уважать мать и отца.

З. Наконец, Брайан, я хочу повторить тебе то, что сказал в самом начале. Ты даже не представляешь, как мы тебя любим и хотим остаться твоими друзьями в это новое для тебя время. Вокруг и так слишком много страданий и боли. Жизнь полна разочарований, утрат и обид; люди стареют, болеют и умирают. До сих пор большая часть неприятностей не коснулась тебя, но очень скоро тебе придется их отведать. В жизни хватает бед и несчастий, так давай же не будем увеличивать их числа. Мы нужны друг другу. Ты нам очень нужен, но и мы - хочешь верь, хочешь нет - еще нужны тебе. Именно это я и хотел объяснить тебе. Пойми меня правильно, сынок, и давай вместе улучшать нашу жизнь.

И. Подумай, Брайан, может быть и тебе есть что сказать нам.

Содержание этой беседы можно изменить в зависимости от обстоятельств и особенностей вашего ребенка. Более того, не следует ожидать, что реакция всех детей будет одинаковой. "Открытые" дети при таком общении могут обнаружить свои самые сокровенные чувства, что предоставит вам прекрасную возможность для обновления и улучшения ваших отношений. Упрямый, строптивый, гордый подросток будет сидеть неподвижно с опущенной головой. Но и в случае, когда

подросток сердится или держится непримиримо, вы по крайней мере раскрыли карты и объяснили ему свои намерения.

Остановимся теперь на этом случае: ваш ребенок вас выслушал, а затем ведет себя как ни в чем не бывало.

3. Объяснить ребенку связь между поведением и его последствиями,

Как мы уже отмечали в предыдущем разделе (и в предыдущей главе), одна из главных ошибок родителей - это бесконечные словесные баталии с детьми, которые приводят лишь к истощению и не дают никаких стратегических преимуществ. Позволю себе повторить: не поддавайтесь этому импульсу. Не спорьте с вашими детьми. Не делайте их объектом постоянных угроз, необоснованных и оскорбительных обвинений, а главное, НЕ ДОНИМАЙТЕ бесконечными придирками. Помните, что дети, вступившие в пору юности, особенно не переносят этого, избирая для себя характерный способ защиты: они становятся как будто глухими. Наилучший способ нарушить отношения с молодым поколением - это ходить по пятам за сыном или дочерью, занудно повторяя одни и те же замечания с регулярностью ходиков с кукушкой.

В словах популярной никогда рок-н-рольной песенки группы *Coasters* остроумно рассказывается о таком выматывании нервов подростка родителями. Даже название у нее подходящее: "Не болтай, ну-ка давай".

Выбрось бумажки и мусор,

А то не получишь денег на кино.

Если не вымоешь кухонный пол,

Не танцевать тебе, дружок, рок-н-ролл.

Не болтай, ну-ка давай!

Скорее кончай свою уборку, Ишь поднял пыль какую. Убирай с глаз долой свой хлам,

Иначе в пятницу вечером будешь дома сидеть. Не болтай, ну-ка давай!

Надевай пальто и шапку И бегом в прачечную. А когда придешь, загони Собаку и выпусти кошку. Не болтай, ну-ка давай!

И не смотри на меня так! Скажи своим друзьям-хулиганам, Что ты никуда не поедешь. Не болтай, ну-ка давай!.

Если понукания - не решение проблемы, то как же реагировать на неряшливость, упрямство, непослушание и безответственность? Этот вопрос возвращает нас к тому месту в разговоре с Брайаном, где отец угрожает сыну. Не торопитесь воспользоваться этим способом - ведь средств исполнить вашу угрозу относительно мало и можно надеяться лишь на подходящие обстоятельства.

Например, родители могут не дать сыну или дочери ключи от машины. Они могут воспользоваться своим правом запретить или разрешить поездку на пляж, в горы, на дружескую вечеринку или в гости к приятелю. Располаясь семейным бюджетом, они решают, купить ли ребенку вожделенную вещь или одолжить на нее деньги, обеспечить лишь его карманные расходы или вообще не давать ничего. Наконец, можно на время запретить даже пользоваться телефоном или смотреть телевизор.

Как видите, все это не очень действенные "мотиваторы", а в иных случаях вовсе не адекватные ситуации. Следовательно, остается только одно: необходимо в сознании наших детей сформировать связь между их поведением и его желательными или, наоборот, нежелательными последствиями, надеясь, что эта связь окажется достаточной, чтобы как-то влиять на них.

Повторю еще раз: целеустремленный, рассерженный шестнадцатилетний подросток МОЖЕТ одержать победу в конфронтации с родителями, если найдет коса на камень. Современный закон все больше склоняется в сторону расширения прав молодежи. В некоторых штатах дети имеют право покидать свой дом без угрозы принудительного возвращения. Они могут употреблять спиртные напитки и курить, нарушать другие правила поведения прежде, чем обществу придется наказать их по закону. Во многих штатах девочкам свободно продают противозачаточные таблетки, не требуя на то согласия родителей, а если это средство не работает, она может сделать анонимный аборт. В конце концов, любой подросток, одержимый стремлением к независимости и решивший "сражаться до конца", все равно найдет способ воспользоваться практически любой из взрослых привилегий.

Все было иначе в старые добрые времена, когда Билли-Джо рос на ферме, откуда, чтобы добраться до ближайшего сверстника, нужно было трястись восемь-десять миль в седле. Его папаша фермер Браун, преисполненный уверенности в своей правоте, мог без труда сам "вправить мозги" малолетнему мятежнику. Без сомнения, тогда отцу и сыну было намного проще найти общий язык, присев на плуг на краю дальнего поля.

Но сегодня, похоже, кое-кто готов из любой искры юношеской неудовлетворенности разжечь костер и погреть на нем руки. Погоня за долларом подростка превратилась в настоящий бизнес. Лакированные журнальчики, фирмы грамзаписи, радио и телевидение, концертные антрепренеры готовы удовлетворить любую прихоть молодых. И как следствие этого в больших городах постепенно образуются огромные массы старшеклассников, ставших клиентами этих угодливых компаний. Они превратились в настоящую силу, с которой нельзя не считаться. Не далее как на прошлой неделе толпа из 2500 подростков сорвала общественное мероприятие, устроенное нашим районом, швыряясь банками из-под пива и битым стеклом. Когда шефа полиции спросили, почему его подчиненные ничего не сделали, чтобы прекратить безобразие, он ответил:

"А что нам оставалось? У нас было двадцать четыре полицейских против 2500 юнцов! Сначала мы арестовали нескольких, но чтобы доставить их в участок, нужно по два сопровождающих на каждого. Сами понимаете, силы были

неравные. К тому же, если молодой человек стоит в толпе своих сверстников, в этом нет ничего противозаконного. Нужно было дожидаться, пока кто-то не сделает что-нибудь угрожающее. Только после этого мы могли его забрать. Разумеется, остальные в толпе считали полицейских своими врагами и всячески мешали аресту. Одним словом, ничего сделать было нельзя."

Если сегодня полицейские не способны справиться с подростком, то, как вы понимаете, родители находятся в еще более сложном положении. И если у их дочери или сына не появится внутреннего стремления к ответственности и сотрудничеству со старшим поколением, ситуация накаляется. Как же воспитать в молодых чувство, которое вовремя подсказывало бы им, что пора остановиться? Что для этого нужно делать? Я всегда утверждал и утверждаю, что для формирования уважительных отношений между поколениями особенно важны первые годы жизни ребенка. В сущности, эта книга имеет целью помочь родителям непослушных детей построить свои отношения с ними на основе любви и контроля с раннего детства, что будет содействовать нормальному взрослению. Без такого фундамента - без некоторого трепета в отношении ребенка к своим родителям - баланс интересов и сил будет нарушен в пользу младшей из воюющих сторон. Сказать об этом необходимо. В противном случае я оказал бы читателю плохую услугу.

С другой стороны, если эта основа не была заложена раньше, необходимо сделать все возможное в подростковом возрасте. В этом случае мы должны поставить перед собой цель - помочь нашим взрослеющим детям избежать страшных ошибок, за которые, быть может, им придется расплачиваться всю жизнь. Среди них: пристрастие к наркотикам, неудачный ранний брак или беременность, исключение из школы, алкоголизм и т. д. В некоторых случаях во избежание всего этого от отца и матери могут потребоваться самые решительные действия.

Однажды мои родители оказались в таком положении. Когда мне было шестнадцать лет, я начал играть в такие "игры", которые не на шутку встревожили их. Я еще не пересек черты, за которой начинается открытый бунт, но определенно двигался в этом направлении. Мой отец был проповедником и постоянно находился в разъездах. Когда мать сообщила ему о резкой перемене в моем поведении, он стал действовать решительно. Оставив свою успешную деятельность (уже расписанную на три года вперед), отец получил место пастора. Это позволило ему уделять мне пристальное внимание в течение двух последних лет учебы в школе. Он продал дом и перевез семью на семь сотен миль к югу, чтобы я окунулся в новую среду, завел новых друзей, имел возможность охотиться и рыбачить. В то время я не знал, что причиной переезда был именно я, но теперь мне понятны побуждения родителей, и я ценю их самоотверженную заботу - ведь им пришлось пожертвовать многим: домом, работой, друзьями, планами на будущее - ради моего благополучия. Так проявилась их любовь ко мне в этот критический период моего развития.

Но на этом история не кончилась. Вначале нелегко было подружиться с ребятами в незнакомой школе. Мне было одиноко, и я не находил себе места в городе, где никто, кажется, не заметил моего приезда. И мать, чувствуя мое состояние, в своей характерной манере пыталась поддерживать меня. Однажды, когда на

новом месте мы прожили уже недели две, она взяла мою руку и вложила в нее сложенную бумажку. Она посмотрела мне в глаза и сказала: "Это тебе."

Только не говори никому. Здесь немного, но мне хочется тебя чем-нибудь порадовать".

Я развернул "бумажку", оказавшуюся двадцатидолларовой банкнотой. Учитывая расходы на переезд и маленькую зарплату отца, таких денег у родителей просто не могло быть. Но дело не в этом. Просто я занимал верхнюю строку в списке их приоритетов в то трудное время. Всякий знает, что за деньги не приобретешь друзей, а двадцать долларов (даже в то время) не могли существенно изменить моей жизни. И все же, мать, воспользовавшись этим способом, как бы говорила мне: "Я понимаю твои чувства: тебе сейчас трудно, но я твой друг и хочу помочь тебе". Если бы всем попавшим в беду подросткам так же повезло с родителями - согласными ради них на все, готовыми молиться за них, сочувствовать и сопереживать им даже тогда, когда любить их особенно трудно!

В заключение я бы посоветовал родителям принимать любые необходимые меры для исправления своих детей, но избегать придиризма; причитаний, ругани и нотаций. Гнев не исправляет подростков! Необходимо, используя обстоятельства, какими бы они ни были, оказывать влияние на их поведение, сочетая это с призывами к любви, сотрудничеству и взаимным уступкам. Не слишком большой арсенал - но это все, чем мы располагаем.

4. Готовьтесь к новым проблемам. Рискуя показаться многословным, я все же повторю совет, данный мною в книге "Прятаться или искать" (Hide or Seek). Там я подчеркиваю важность подготовки детей к трудностям, которые ожидают их в переходном возрасте. Мы, родители, знаем, что эти годы отмечены особой тяжестью и крайним напряжением, но почему-то не делимся своими знаниями с детьми. Нам не удается достаточно подготовить их к давлению социальной среды, к физиологическим изменениям, ожидающим их в связи с наступлением половой зрелости. Вместо этого мы отпускаем их, ничего не подозревающих, в опасный путь, подобно Красной Шапочке, которая, весело пританцовывая, бежит по лесной тропинке с корзиночкой, полной гостинцев. Если бы родители этой милой девочки рассказали ей о страшном Сером Волке, то, возможно, она заметила бы, что бабушка со дня их последнего свидания слегка обросла шерстью и отпустила хвост. (По правде говоря, я часто спрашивал себя, как должна была выглядеть эта бабушка, если ее так легко было спутать с волком даже члену ее семьи.) Более того, наивная Красная Шапочка прямо-таки забралась в волчью пасть, чтобы исследовать размер клыков, и в последний момент была спасена дровосеком. В реальной жизни, увы, такие истории редко кончаются чудесным спасением, и на "хэппи энд" рассчитывать не приходится.

Мы должны поставить перед собой цель: помочь нашим взрослеющим детям избежать встреч с "волками", которые могут их проглотить. Лучшим шагом в этом направлении может стать следующее. Выберите хотя бы на день с ребенком из дома и, сменив обстановку, поговорите с ним о том, что может ожидать его в ближайшем будущем. Такие беседы особенно полезны перед началом полового созревания; к ним необходимо тщательно готовиться, ведь вам предстоит коснуться "болевых точек" переходного возраста.

Я привожу эти рекомендации, поскольку считаю, что дети в преддверии переходного возраста нуждаются в гораздо большем внимании, чем мы им уделяем. Спокойствие ближайших шести - восьми лет может зависеть от ориентации, которую мы заложим на пороге взросления.

Теперь мы подошли к заключительным рекомендациям, где среди прочего затронем проблему последних родительских обязанностей.

5. *"Держать на длинном поводке"*. Самая распространенная ошибка родителей шестнадцати - девятнадцатилетних детей - это отказ в признании их независимости и зрелости. Нам хочется прижать к себе покрепче любимое чадо, невзирая на его попытки вырваться на свободу. Мы пытаемся принимать за них все решения, заботливо прикрыть их крыльями и предотвратить даже самую возможность падения. Но поступая так, мы подталкиваем повзрослевших детей на один из двух пагубных путей: либо пассивно принимать нашу сверхзащиту, оставаясь до зрелых лет зависимыми от родителей "детьми", либо восстать в великом возмущении, отвергая наши узы и любое вмешательство в свою жизнь. В обоих случаях они проигрывают. В первом - могут стать нравственными калеками, не способными к независимому мышлению, а во втором - превратиться в обозлившихся людей, готовых в своих неудачах винить всех и вся, отвергающих семейные связи, которые на самом деле им так необходимы. Родители, которые отказываются предоставить своим взрослым детям необходимую самостоятельность, накликают беду на свою и на их голову.

Я бы высказался даже решительнее: я полагаю, что когда приходит время отпустить детей на свободу, американцы становятся худшими в мире родителями.

Родители должны предоставлять своим детям свободу, позволяя им делать ошибки и учиться на собственных поражениях с ранней молодости. Такой опыт жизненно необходим, поскольку в известном смысле все детство - это подготовка к отрочеству, отрочество - к юности и т. д. Родители проявили бы мудрость, если бы всегда помнили, что день, когда выращенные ими дети соберут чемоданы и навсегда оставят их дом, стремительно приближается. Тогда, выйдя за порог родительского дома в большой мир, дети уходят из-под власти и надзора родителей. Они смогут поступать по собственному выбору. Никто больше не будет следить за тем, когда и что они едят, когда и сколько отдыхают. Никто не станет требовать от них устроиться на работу, жить по средствам, служить Богу. Утонут или выплывут дети, будет зависеть от них самих. Такая внезапная перемена, такое непривычное состояние независимости могут оказаться губительными для тех, кто не был к ним достаточно подготовлен. Как же воспитать в подрастающем человеке то, что поможет ему не сбиться с правильного пути в первые же месяцы головокружительной свободы? Как подготовить детей к независимости?

Лучшее время для начала подготовки ребенка к полному освобождению от родительской опеки - это раннее детство, когда отношения зависимости детей от родителей еще не сформированы. Но как раз в это время естественные или природные наклонности старших подсказывают им делать обратное. Как писал Реншоу:

"Не так уж сложно позволить ребенку есть самому; несколько сложнее научить его самостоятельно одеваться; быть может, лицо и ручки не будут такими чистыми, а головка - такой опрятной, если он будет умываться и причесываться сам; но если мать не научится сдерживать себя, если она не будет позволять ребенку пытаться, ушибаться и плакать, то тем самым она задержит развитие ребенка, и независимость будет отложена."

Этот процесс постепенного предоставления независимости должен продолжаться в годы учебы ребенка в младших классах. Родители должны позволять детям уезжать в летний лагерь, хотя отдых дома может казаться им "безопаснее". Точно так же мальчикам и девочкам следует разрешать оставаться на ночь в доме друзей, куда их приглашают. Они должны сами убирать постель, самостоятельно заботиться о домашних животных, без напоминания старших готовить уроки. Одним словом, родители должны доставить перед собой цель - год от года увеличивать предоставляемую детям степень свободы, чтобы по пришествии времени, когда дети выходят из-под контроля взрослых, он им уже не был нужен.

Если эта задача решается правильно, то старшеклассники к окончанию школы уже фактически самостоятельны, хотя могут еще жить с родителями. Так было со мной. Когда мне было семнадцать лет, родители решили испытать мою самостоятельность, уехав на две недели и оставив меня одного. Мне разрешили пользоваться машиной и позволили пригласить друзей провести со мной эти две недели. Помню, я был поражен решением родителей, потому что оно, очевидно, было рискованным. Я мог бы закатить четырнадцать диких вечеринок, разбить машину и разорить весь дом. Откровенно говоря, я даже засомневался, хорошо ли они подумали, предоставив мне такую большую свободу. И все же я вел себя вполне ответственно (хотя дом немного пострадал, испытав на себе наши жеребячьи игры).

Когда я вырос и был уже женат, я спросил у матери, почему она пошла на этот риск - почему оставила меня без надзора на целых две недели? Она улыбнулась и ответила: "Потому что я знала, что приблизительно через год ты уедешь учиться в колледж, где будешь полностью свободен, и никто не подскажет тебе, как себя вести. Я бы хотела, чтобы ты почувствовал эту независимость тогда, когда еще находился под моим влиянием."

Она готовила меня к той полной самостоятельности, которая побуждает избалованных опекой молодых совершать массу глупостей с первого же момента освобождения от твердой руки.

В воспитательных целях мы *не должны* делать для детей то, что они могут сделать для себя сами. Согласен, проводить такую политику не так уж просто. Этому мешает наша любовь к детям, которая делает нас чрезмерно отзывчивыми к их нуждам. Жизнь неизбежно приносит боль и падения маленьким людям, и мы страдаем вместе с ними. Когда над ними насмеются, когда им одиноко и они чувствуют себя отверженными, когда они терпят поражение в чем-то очень важном, когда они плачут в полуночный час, когда болезни угрожают их существованию, - нам, наблюдающим со стороны, эти испытания кажутся непереносимыми. Мы хотим вознестись над ними могучим щитом, который сохранит их от ран, наносимых жизнью, и, держа в объятиях, стараемся

обеспечить им уют и безопасность. И все же приходит время, когда мы должны позволить им встретиться с жизнью один на один. Наши дети не повзрослеют, если не будут рисковать. Малыши не научатся ходить, не падая. Ученики не получают знаний, не одолев трудностей. И, наконец, юноша не вступит в зрелость, если мы не освободим его от излишней опеки. Но, как я уже отмечал, западные традиции мешают родителям позволить своим отпрыскам самостоятельно справляться с рутиной повседневной жизни. Джейми Кельсо писал о своих сверстниках: "...родители, все время решая за детей их проблемы, создавали им такие условия, при которых те даже не догадывались, что значит бороться за выживание". Им также не удалось заложить в них фундамент нравственности и духовности, без которых утрачивается смысл жизни, который Джейми Кельсо назвал "философским отношением к жизни."

Позволю себе предложить вам три "формулы", которые направят ваши родительские усилия в последний период воспитания детей. Первая из них достаточно проста: "Держать на открытой ладони". Отсюда следует, что, продолжая заботиться о детях в пору взросления, не следует держать их слишком крепко. Необходимо разжать кулак. Мы должны молиться за них, любить их, а иногда и давать совет, если они в нем нуждаются. Но ответственность за само решение должна лежать на них; они сами должны отвечать за последствия своего выбора.

Вторая формула выражает сходную концепцию: "Будьте рядом, но не вмешивайтесь". Эти пять слов, как вы уже поняли, - главная тема моей книги. Родители должны принимать участие в судьбе своих детей и, пользуясь авторитетом, любить и защищать их. Но когда детям исполнится семнадцать-двадцать лет, дверь "клетки" необходимо распахнуть. Это наиболее трудное время, полное страхов и тревог. Особенно тяжело переживают его родители-христиане, чувствующие ответственность за духовное здоровье семьи. Нелегко ждать ответа на вопрос: "А правильно ли я их воспитал?" Так и хочется сохранить контроль над детьми, лишь бы не услышать отрицательный ответ на этот вопрос вопросов. И все-таки, несмотря на это, наши сыновья и дочери скорее всего сделают правильный выбор - при условии, что им не придется восставать против нашего надоедливости вмешательства.

Третья "формула" вполне могла бы стать одним из изречений царя Соломона, хотя ее и нет в Библии. Она гласит: "Если любишь кого, отпусти его. Если вернется он к тебе - то он твой; если же нет, то он никогда твоим не был". В этом кратком высказывании содержится великая мудрость. Оно напоминает мне, как в прошлом году к нашему дому прибежал щенок койота. Он забрел сюда с окрестных гор. Мне удалось заманить его на задний двор и там загнать в угол. Минут через двадцать я смог надеть на него ошейник и посадить на цепь. Ему это очень не понравилось, и он изо всех сил стал прыгать, крутиться, грызть и рвать привязь. Наконец, выбившись из сил, он покорился неволе и стал моим пленником к великому удовольствию соседских детей. Целый день я продержал щенка у себя, решая, стоит ли его приручить. И все же я позвонил специалисту. Он сказал, что мне вряд ли удастся приручить койота, учитывая его дикий нрав. Я понял, что мог бы держать его на цепи или в клетке, но он никогда по-настоящему не принадлежал бы мне. Тогда я попросил главного егеря вернуть вислоухое

создание в его родные каньоны под Лос-Анджелесом. Его "дружба" для меня ничего не значила - ведь если бы я его отпустил, он вряд ли бы вернулся.

Не бывает любви без свободы. Это справедливо не только в отношениях между человеком и животными, но и в отношениях между людьми. Например, чувство романтической любви между мужем и женой быстро разрушается, если один из супругов окружает другого стальной решеткой. Мне приходилось встречать сотни женщин, безуспешно пытавшихся требовать от своих мужей любви и верности. Увы, ничего не получалось. Вспомните, как вы сами ухаживали до свадьбы. Надеюсь, вы не забыли еще, что любые романтические отношения обречены с того самого момента, как один из двоих начинает слишком беспокоиться об утрате другого, звонит по сто раз на дню или прячется за деревьями, надеясь узнать, кто же соперник. Такое нелепое поведение способно погубить даже идеальный роман всего лишь за несколько дней. Повторяю: НЕ БЫВАЕТ ЛЮБВИ БЕЗ свободы.

Как вы думаете, зачем Бог наделил нас свободой выбора, предоставив нам право самим решать - любить или отвергнуть Его. Почему Он дал возможность Адаму и Еве вкусить от запретного плода, а не заставил их повиноваться силой? Отчего Он не сделал людей Своими рабами, запрограммированными на безропотное поклонение своему Творцу? Ответ мы находим в самом смысле любви. Бог наделил нас свободой выбора затем, что любовь, не знающая альтернативы, не имеет ценности. Только тогда, когда мы приходим к Богу, жадно ища союза с Ним, наши отношения с Господом приобретают значимость. Разве не об этом говорил Творец в Книге Притчей: "Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня" (Прит. 8:17). Такую любовь может породить только свобода. Ее нельзя требовать, к ней нельзя принуждать, ее нельзя запрограммировать. Повторяю, любовь есть результат свободы выбора, который благословил Сам Всемогуший.

Нетрудно заметить: то, о чем мы говорили, применимо и к отношениям между родителями и их повзрослевшими детьми (особенно когда они достигли двадцати лет). Приходит час, когда все, что мы могли сделать, уже сделано, воспитание закончено и момент освобождения настал. Подобно тому, как я поступил с койотом, пора отстегнуть цепь и снять ошейник. Убежит так убежит. Вступит в неудачный брак - ничего не поделаешь; пристрастится к наркотикам, значит пристрастится. Он сам решит, где учиться, какую выбрать веру, работать или нет, промотать ли свое наследство в пьянстве и блуде - все это он будет решать сам.

Ни в коем случае не следует платить по его счетам, смягчать последствия его поступков, потворствовать его прихотям.

Вспомним притчу о блудном сыне. Молодой человек, промотав свои деньги, настолько оголодал, что даже пища свиней казалась ему желанной. Но, несмотря на это, "никто ничего не давал ему". Тогда не было ни продовольственных талонов, ни благотворительных обедов, ни пособий по безработице, которые могли бы поддержать жизнь неудачника, и ему приходилось терпеть муки голода. Именно в этом состоянии крайней нужды молодой человек наконец образумился. Лишения имеют свойство возвращать нас к первоосновам, как блудный сын вернулся к отцу. И мы, родители, должны мудро следовать примеру любящего

отца из этой притчи, ибо он символизирует Самого Бога. Во-первых, он отпустил сына на свободу, не пытаясь удержать возле себя. Во-вторых, он предоставил ему испытать последствия собственной глупости, хотя, конечно же, как богатый хозяин, мог послать слуг, чтобы те вызволили сына из беды. Наконец, в-третьих, он явил сыну свою безмерную любовь, встретив раскаявшегося без упреков и оскорблений, сказав радостно: "Этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся" (Лук. 15:24).

Подводя итоги, скажу: юность - нелегкая пора для обоих поколений. Мало того, она может быть совершенно ужасной. Но пережить ее возможно. Для этого необходимо заложить прочные основы нравственности и духовности. Тогда можно смело идти навстречу любым испытаниям, тогда даже неизбежный бунт подростка может стать здоровым фактором. Этот конфликт становится составной частью процесса, посредством которого индивидуум из ребенка превращается в зрелого человека, во всем равного своим родителям. Если бы не эти трения, то, несмотря на внешнее повзросление детей, отношения в семье могли бы оставаться в тех же рамках: "папа - мама - дитя", что впоследствии самым серьезным образом могло бы сказаться на семейной гармонии младшего поколения. Если бы конфликт поколений не был частью Божьего плана развития человечества, то он никогда не приобрел бы такой универсальности, никогда не стал бы столь очевиден даже в тех домах, где достигнут идеальный баланс любви и авторитета.

ВОПРОСЫ

Вопрос: У меня четырнадцатилетняя дочь Маргретта. Она хочет встречаться с семнадцатилетним мальчиком. Я боюсь это позволить, но не знаю, как объяснить ей свой запрет. Что бы вы мне посоветовали?

Ответ: Вместо топая ногой и восклицаний вроде: "Нет! Об этом и речи быть не может!" я бы посоветовал вам как-нибудь присесть со своей дочерью и вместе выработать разумный план на несколько лет вперед. Например, вы могли бы сказать: "Маргретта, тебе уже четырнадцать, и мне понятен твой интерес к мальчишкам. Так и должно быть. Но ты еще недостаточно готова к тому, чтобы сдерживать напор, который парень постарше может проявить в отношении девочки твоего возраста. (Если дочь спросит, что вы имеете в виду, объясните подробнее.)

Мы с папой хотим помочь тебе вступить в пору ухаживания и выбора, которая скоро настанет, но все надо делать по порядку. Тебе нужно научиться просто дружить с мальчиками прежде, чем ты полюбишь кого-то. Для начала лучше подойдет компания мальчиков и девочек твоего возраста. Мы будем приглашать их в наш дом, и ты будешь ходить к ним. Потом, когда тебе будет около шестнадцати, ты сможешь ходить на свидания вдвоем, но в места, где есть взрослые. И, наконец, когда тебе будет больше шестнадцати, ты сможешь встречаться с мальчиком наедине.

Пойми, мы с папой хотим, чтобы у тебя был мальчик и чтобы тебе с ним было хорошо. Но сейчас ты еще не готова к дружбе со взрослым парнем, который скоро кончит школу, и мы постараемся вместе найти другие пути, чтобы удовлетворить твою потребность в общении."

Вопрос: Если не ошибаюсь, вы упомянули тот факт, что во многих штатах нашей страны девочки могут делать аборт, не ставя в известность своих родителей. Этот способ прерывания беременности в последнее время стал предметом ожесточенных споров, и мне бы хотелось услышать ваше МНЕНИЕ о моральной стороне этого вопроса. *Ответ:* Моя точка зрения на этот чрезвычайно важный предмет находится в состоянии эволюции последние десять лет. Я долго не высказывал своего отношения, причем делал это намеренно. Мне хотелось исследовать проблему объективно, взглянув на нее, так сказать, со всех сторон. В результате у меня сформировалось окончательное убеждение. Я категорически и недвусмысленно выступаю против аборта и считаю, что женщина не должна иметь законного права на убийство своего неродившегося ребенка.

Моя позиция сложилась под влиянием многих факторов, включая воздействие, которое оказывают аборты на наше отношение к человеческой жизни. Вот, например, интересное наблюдение: женщина, собравшаяся искусственно прервать свою беременность, говорит о жизни, пробудившейся в ее чреве, называя ее "эмбрион" или "плод". И наоборот, женщина, решившая родить, любить и заботиться о будущем младенце, ласково называет его "ребенок" или "мой малыш". Нужда в таком различии очевидна: если мы собираемся убить человека, не испытывая при этом чувства вины, мы должны в первую очередь в своем сознании лишить его какой бы то ни было ценности и всякого достоинства. Лучше всего для этого дать ему какое-нибудь медицинское название - с личностью человека будет покончено. Наше общество достигло в этом поразительных успехов: неродившимся ребенком в первые шесть месяцев беременности можно пожертвовать, не испытывая ни малейшего чувства утраты. Дело дошло до того, что миллионы абортов, совершаемые в Соединенных Штатах ежегодно, вызывают у нас куда меньше негодования, чем умерщвление бездомных щенков или котят. Страшная картина, не правда ли?

Наше преступное равнодушие в отношении к этим смертям как в капле воды отразилось в словах психиатра Томаса Саса, который пишет, что "[аборт] должен быть так же доступен, как операция по улучшению формы носа".

Я согласен с Фрэнсисом Шаффером: изменение отношения к аборту со стороны закона чревато деградацией такого понятия как человеческая жизнь буквально на всех уровнях. Если толкование закона, данное Верховным Судом, позволяет жертвовать правами неродившегося ребенка, то где гарантия, что вскоре не будет легализовано уничтожение "лишних" или ставших "ненужными" людей. Например, большие затраты и сложность ухода за умственно отсталыми могут легко привести к оправданию обществом их убийства, подобно нашей готовности убивать неродившихся. А как насчет того, чтобы избавляться от очень старых членов общества, ничего ему не дающих? И с какой стати мы должны позволять жить детям с врожденными дефектами? Не будем продолжать. Возможно, читатель полагает, что всем этим мыслям, от которых, признаться, мороз дерет по коже, не суждено материализоваться никогда, только я в этом не уверен. Мы уже живем в обществе, где некоторые родители готовы умертвить своего неродившегося ребенка лишь потому, что пол его, определенный соответствующим тестом, их не устраивает.

Существует еще много аспектов, свидетельствующих о явном зле, присущем аборту, но мне главный довод против этого преступления дало Писание. Конечно же, в Библии не найти упоминаний об аборте в буквальном смысле. Но меня всегда поражало, как часто и в Ветхом, и в Новом Завете говорится о том, что Сам Бог знает о каждом ребенке **ЕЩЕ ДО ЕГО РОЖДЕНИЯ**. Он знает не только о том, что младенец находится во чреве матери, но видит его уникальной и неповторимой личностью. Рассмотрим следующие примеры:

1. Архангел Гавриил говорил об Иоанне Крестителе:

"...он будет велик пред Господом... и Духа Святого исполнится **ЕЩЕ ОТ ЧРЕВА МАТЕРИ СВОЕЙ**" (Лук. 1:15).

2. Пророк Иеремия говорил о себе: "И было ко мне слово Господне: **ПРЕЖДЕ НЕЖЕЛИ Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и ПРЕЖДЕ НЕЖЕЛИ ТЫ ВЫШЕЛ ИЗ УТРОБЫ, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя**" (Иер. 1:4,5).

Эти два человека до своего рождения были не чем иным, как человеческими эмбрионами. Но уже тогда Создатель знал о них и предназначал их земной путь своей Божественной волей.

3. В Книге Бытия говорится, что Исаак "молился... Господу о жене своей, потому что она была неплодна; и Господь услышал его, и зачала Ребекка, жена его. Сыновья в утробе ее стали биться, и она сказала: если так будет, то для чего мне это? И пошла спросить Господа. Господь сказал ей: два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему" (Быт. 25:21-23).

И снова Бог знал о будущих личностях этой еще не родившейся двойни и предсказал их последующую вражду. Взаимная ненависть их потомков налицо на Ближнем Востоке и в наши дни.

4. Сам Иисус был **ЗАЧАТ** от Духа Святого, что свидетельствует об участии Бога в жизни Иисуса уже с того момента, когда Он был всего лишь клеточкой во чреве Марии.

Самый впечатляющий пример мы находим в 138-м псалме, где царь Давид описывает связь с Богом еще до рождения. Это поразительные слова:

"Ибо Ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было" (Пс. 138:13-16).

Эти слова вызывают радостный трепет в моем сердце, ибо означают они, что Бог назначил все дни не только жизни Давида, но и *моей* жизни. Он был рядом, когда Я образуем был во глубине утробы, и Он Сам устроил внутренности *мои* и соткал *меня* во чреве матери. Вы только вообразите себе! Великий Создатель Вселенной

с любовью следил за моим развитием в те бессознательные дни in utero, как было с каждым человеком на земле. Без сомнения, у всякого, кто не испытывает восторга при этом, вместо сердца - холодный камень!

С моей точки зрения, отрывки из Священного Писания красноречиво опровергают заблуждение, будто у неродившихся детей нет ни души, ни личности. В это я не могу поверить. Не может быть никакого рационального оправдания тому, чтобы изъять здорового крохотного человечка оттуда, где ему так хорошо и безопасно, и оставить его задыхаться на холодном кафельном столе. Никакие социальные и финансовые соображения не перевесят нашей общей вины за уничтожение жизней, сотворенных по образу и подобию Самого Бога.

Не сомневаюсь, другие христиане пришли к такому же выводу, как я. И я должен спросить, где же вы, носители нравственности, если вы согласны со мной? Почему пасторы и священники предпочитают стыдливо молчать об этом насущнейшем из вопросов? Настало время, когда христианская церковь должна во весь голос выступить в защиту неродившихся детей, не способных даже на мольбу о пощаде.

Глава 9. Вечный источник

В прошлые века, когда рождался ребенок, его неопытной матери помогало множество друзей и родственников, готовых всегда предложить совет или помощь. Едва ли кому-либо из этих тетюшек, бабушек, а то и просто соседей довелось прочесть хоть одну книжку о воспитании детей, но делу это ничуть не мешало. Они обладали народной мудростью, позволявшей с уверенностью обращаться с детьми. На все у них был готовый ответ и неважно, правильный или нет. Молодую женщину систематично обучали материнству старшие, у которых за плечами был уже многолетний опыт заботы о малышах.

С уходом со сцены больших патриархальных семей на долю неопытной матери стало выпадать все больше страхов и беспокойства. Множеству молодых пар в наши дни недоступна помощь родственников и друзей. Современное общество настолько мобильно, что часто ближайшие соседи не знают даже имен друг друга; отцы и матери молодых нередко живут в другом городе; да если и рядом - дети не очень склонны доверять их опыту.

Новоиспеченных родителей часто тревожит собственное неумение обращаться с младенцами. Д-р Бенджамин Спок так описывает их страхи: "Припоминаю случаи, когда молодые мамы плакали в день выписки из родильного дома. "Я не знаю, что с ним делать!" - причитали они".

Беспокойство такого рода заставляет родителей бросаться к "экспертам" в поисках совета и информации. Они обращаются к педиатрам, психологам, психиатрам и педагогам, ища ответа на свои вопросы. На протяжении последних сорока лет в Америке постоянно росло число детей, воспитанных по профессиональным методикам. Пожалуй, нет другой страны, где специалисты по детской психологии и семейному воспитанию пользовались бы столь огромным влиянием, как в Соединенных Штатах.

Пришло время спросить себя: к чему это привело? Казалось бы, душевное здоровье наших детей должно превосходить таковое в других странах, где нет подобной профессиональной поддержки. Увы, ничего подобного не наблюдается. Детская преступность, наркомания, алкоголизм, половая распущенность, психические расстройства и самоубийства не только процветают в молодежной среде нашей страны, но и продолжают неуклонно расти. Было бы наивно, конечно, обвинить во всех бедах "экспертов", но я убежден - они сыграли свою роль в создании этой проблемы. Почему? Да потому что в большинстве своем ученые перестали доверять христианской этике, с пренебрежением относятся к мудрости этой бесценной традиции! Двадцатый век породил целое поколение профессионалов, полагающих, что могут игнорировать родительский опыт, накопленный человечеством более чем за 2000 лет, заменяя его своими неуклюжими догадками. Каждый из них, исходя из собственного весьма ограниченного опыта, создавал свою теорию, а затем выдавал эти домыслы и предположения за истину в последней инстанции.

Подобные лжеучения в числе прочего утверждают, что дисциплина вредна, а безответственность здорова; религиозные наставления излишни, а неповиновение оправдано в качестве разрядки детского гнева; любая власть опасна и т. д., и т. д.

Я готов признать: книга, которую вы держите в руках, тоже содержит множество советов и предположений, которые я не пытался подтвердить практикой или как-то доказать. Чем же тогда отличаются мои идеи от тех, что я критикую? Вся разница в *источнике* вынесенных на суд воззрений. Основополагающие принципы, изложенные мной, - вовсе не мое изобретение, которое будет забыто в ближайшие год-два. Напротив, они покоятся на вдохновенном слове библейских авторов, подаривших нам прочную основу для построения семейных отношений. Они передавались из поколения в поколение. Наши предки учили этому своих детей, а те - своих детей, сохраняя знание живым для потомства. Теперь же, к несчастью, вечные законы подвергаются сомнению в одних кругах и совершенно забыты - в других.

Если я имел какую-то главную цель при работе над этой книгой, то этой целью не было получение гонорара, или реклама имени Джеймса Добсона, или демонстрация профессионального мастерства. Моей главной целью была пропаганда христианских традиций воспитания и семейной дисциплины и применения этой концепции в современных семьях. Такой подход глубоко укоренился в западной культуре, но, насколько я знаю, еще до сих пор не был изложен письменно. Он включает в себя власть, основанную на любви; постепенное усиление самодисциплины и ответственности; родительское руководство, исходящее из интересов ребенка; уважение к чувству собственного достоинства каждого члена семьи; разумные рамки поведения, установленные уверенно и твердо, и, наконец, справедливое использование поощрений и наказаний, когда это необходимо в воспитательных целях. Эта система существует уже более двадцати веков. Не я изобрел ее, и не мне ее изменять. Моя задача - изложить то, что, по моему убеждению, предписано самим Творцом. Я верю, что это предписание останется непреложным, пока отцы, матери и дети живут на этой земле. Оно, бесспорно, переживет антропоцентризм и иные тщетные попытки человечества найти альтернативу.

Заключительный комментарий

Мы начали с рассказа о нашей таксе Зигги и о его вольнолюбивых замашках в щенячем возрасте. Наверное, стоит и завершить его взглядом на нынешнего постаревшего Зигмунда. Ему теперь уже двенадцать лет, и нет в нем былой бьющей через край энергии. У него большое сердце, и сомневаюсь, что он проживет больше года. К жизни он относится спокойно и любит, позевывая, вытянуться на солнышке.

Трудно объяснить, почему старый пес, за которого никто не даст и ломаного гроша, так дорог нам, что нам будет не хватать милого Зигги, когда его не станет. (Возможно наши чувства кому-то покажутся глупыми, но только не тому, кто любит собак). Зигги на год старше нашего первенца, и был неразлучным другом дочки с самого детства. Поэтому мы начали готовить обоих детей к его скорой смерти.

Однажды, месяц назад, с Зигги произошла беда. Рано утром, когда я чистил зубы, пес громко застонал. Его стон был похож на плач ребенка, и Ширли бросилась к нему.

"Джим, иди сюда! - позвала она. - Зигги умирает!"

Я поспешил в гостиную, забыв оставить зубную щетку. Зигги лежал рядом со своей подстилкой, и по всему было видно, что бедняга страшно страдает. Он поджал под себя лапы, и взгляд его был мутным и неподвижным. Я склонился к нему и нежно погладил по голове. Бедняга действительно умирал. Не зная, чем помочь собаке во время приступа, я поднял Зигги и осторожно положил на подстилку. Но он завалился на бок и больше не двигался. Его лапы были сведены вместе, и я не сомневался уже, что конец близок.

Я пошел в кабинет, чтобы вызвать ветеринара, но тут Ширли опять позвала меня. Присмотревшись внимательнее, она обнаружила причину несчастья. (Хотите знать, в чем было дело?) У собак на лапах есть небольшие коготки или отростки, и Зигги каким-то образом умудрился их сцепить! Вот почему он не мог двигаться и испытывал боль при попытке встать. Нет, наверное, на свете другой собаки, с которой приключилось бы такое, но от Зигги можно ожидать чего угодно. Ширли расцепила коготки, и наш старичок запрыгал от радости, как щенок.

Когда я состарюсь и буду предаваться приятным воспоминаниям о радостях отцовства - о Рождественских праздниках, поездках на пикник и о звонких голосах двух беспокойных ребятишек - я вспомню и старую упрямую таксу по кличке Зигмунд Фрейд, которая сыграла столь важную роль в нашей жизни в те счастливые дни.